

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на ее основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает в себя следующие основные рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)
- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки)
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки)
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

Журнал печатается во множительном участке ВГУЭС. Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Вышло в свет 21.06.2022 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток, Россия).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия).

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск, Россия).

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий библиотекой Музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (г. Владивосток, Россия).

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кожеников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Кристоферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (г. Нанкин, КНР).

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (г. Москва, Россия).

Литшенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (г. Владивосток, Россия).

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Наумов Юрий Анатольевич – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка (г. Находка, Россия).

Римская Татьяна Григорьевна – кандидат исторических наук (г. Находка, Россия).

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор академического департамента Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (г. Санкт-Петербург, Россия).

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток, Россия).

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (г. Владивосток, Россия).

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (г. Сеул, Республика Корея).

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (г. Сирай, Япония).

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № F577–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998-6785.

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladivostok State University of Economics and Service". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

- monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);
- initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;
- presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;
- advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;
- development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ◆ Theory and Methodology of Regional Studies
- ◆ Historical Regional Studies
- ◆ Economy and Nature
- ◆ Social and Demographic structures
- ◆ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ◆ Political Relations and Management of the Region
- ◆ World System and International Regions
- ◆ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ◆ Region in the Documents and Testimonies
- ◆ Study of Science
- ◆ Discussion
- ◆ Reviews
- ◆ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published:

- 07.00.02 – Domestic history (historical sciences)
- 22.00.01 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 22.00.03 – Economic sociology and demography (sociological sciences)
- 22.00.04 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 23.00.01 – Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science (political sciences)
- 23.00.02 – Political institutions, processes and technologies (political sciences)
- 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development (political sciences)

Editorial address: 692900, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

The journal is printed in the copying section of VSUES. Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

Published 21.06.2022. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University of Economics and Service (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeniy V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (*Khabarovsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Head of Library, Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yuriy V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy (*Vladivostok, Russia*).

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies - School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yuriy A. Naumov – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Corresponding member of the International Academy of Ecology and Life Safety, Associate Professor, Vladivostok State University of Economics and Service (Nakhodka branch) (*Nakhodka, Russia*).

Tatyana G. Rimskaya – Candidate of Historical Sciences (*Nakhodka, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Primorsky Laboratory for Economic Development and Cooperation, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Professor, Academic Department, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University of Economics and Service (*Vladivostok, Russia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2022

№ 2 (61)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ISSN 1998-6785

ТЕМА НОМЕРА: РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

- От редактора рубрики 9
- Смирнов М. Ю.** Форматы религиозного фактора в современном мире 11
- Дударёнок С. М.** Религиозная ситуация в Дальневосточном федеральном округе на современном этапе: общая характеристика 19
- Федирко О. П.** Религиозные предпочтения жителей современной Амурской области, Забайкальского края и Республики Саха (Якутия): по материалам социологического опроса 34
- Васильева С. В., Ахмадулина С. З., Будаева Д. Ц.** Республика Бурятия: взаимоотношения между религиозными организациями и гражданскими институтами 45
- Потапова Н. В.** Религиозная ситуация в Сахалинской области: современный этап 55
- Поспелова А. И., Поспелова С. В.** Религиозная карта Магаданской области: локальность, специфика, вариативность 64
- Логина Т. В.** Православие и светская школа Приморского края в 1991–2012 гг. 77

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

- Барбенко Я. А.** Переселенческое законодательство как фактор экономического развития крестьянского хозяйства Приморской области второй половины XIX в. 87
- Лян Ин.** Сергей Полевой и его вклад в китаеведение (первая половина XX века) 99
- Журбей Е. В.** История формирования вьетнамской диаспоры США в 60–80-е гг. XX в.: проблемы адаптации и интеграции вьетнамских беженцев 107

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Ван Бин, Латкин А. П.** Предпосылки и тенденции развития экспорта образовательных услуг вузов Приморского края 121

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

- Абросимова Е. Е., Филипова А. Г.** Рейтинг популярных видеоблогеров: взгляд современных подростков 131

Владивосток
2022

**КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ**

Тимошкин Д. О., Григоричев К. В. "Частный сектор" в семиотической системе "постсоветского" города	138
Пугачева Е. Н. Языковые средства представления пространства в городском тексте	152
Хисамутдинова Н. В., Ян Юе. Институт Конфуция в Благовещенске как центр российско-китайского сотрудничества	162

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Каневская Г. И. Международный научный форум "Нансеновские чтения". 2007–2022 гг.	171
--	------------

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

Электронная почта редакции: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман

Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.

Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях.

Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

The Theme: The religious life of the Russian Far East at the present stage

- From the editor of the heading 9
- Smirnov M. Yu.** Formats of the religious factor
in the modern world 11
- Dudarenok S. M.** Religious situation
in the Far Eastern Federal District at the present stage:
general characteristics 19
- Fedirko O. P.** Religious preferences of residents
of the modern Amur Region, the Trans-Baikal Territory and
the Republic of Sakha (Yakutia): based on the materials
of a sociological survey 34
- Vasilyeva S. V., Akhmadulina S. Z., Budaeva D. Ts.**
Republic of Buryatia: relationship between religious
organizations and civil institutions 45
- Potapova N. V.** The Religious Situation
in the Sakhalin Region: the Current Stage 55
- Pospelova A. I., Pospelova S. V.** The religious map
of Magadan Oblast: locality, specificity, variation 64
- Loginova T. V.** Orthodoxy and the secular school
in Primorsky Region in 1990–2012 77

Historical Regional Studies

- Barbenko Ya. A.** Resettlement Legislation as a Factor
in the Development of the Peasant Economy of the Maritime
Province during the Latter Half of the XIXth Century 87
- Lyan In.** Sergei Polevoy and book business in Beijing
(first half of the XXth century) 99
- Zhurbey E. V.** The history of the formation
of the Vietnamese diaspora in the United States
in the 60-80s XX century: problems of adaptation and
integration of Vietnamese refugees 107

Economy and Nature

- Van Bin, Latkin A. P.** Prerequisites and trends in the
development of educational services export of universities
in Primorsky Krai 121

Social and Demographic Structures

- Abrosimova E. E., Filipova A. G.** Rating of popular video
bloggers: the view of modern teenagers 131

Vladivostok
2022

Cultural and Ideological Factors of Regionalization

Timoshkin D. O., Grigorichev K. V. Areas of single-family houses in the semiotic system of the "post-Soviet" city **138**

Pugacheva E. N. Linguistic means of representing space in the urban text **152**

Khisamutdinova N. V., Yang Yue. Confucius Institute in Blagoveshchensk as a Center of Russian-Chinese Cooperation **162**

Scientific Life

Kanevskaya G. I. International Scientific Forum "Nansen Readings". 2007–2022 ..... **171**

Editorial address: 692900, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman

Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.

Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices. The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

От редактора рубрики

Важными тенденциями современного российского общества, констатируемыми практически всеми исследователями, работающими в области изучения религиозных процессов последнего десятилетия XX и начала XXI вв., являются секуляризация и интернационализация религиозных конфессий, ограничение сферы действия религии преимущественно религиозной практикой, ослабление регулятивного влияния религии на различные стороны социальной жизни.

В то же время обращает на себя внимание проявление своего рода контртенденции – на фоне ослабления регулятивного влияния религии на различные стороны социальной жизни вырос уровень религиозности граждан; наблюдается некоторое возрастание доли "воцерковленных"; увеличивается количество общин и религиозных групп разной конфессиональной принадлежности; происходит "возвращение" религии в светскую жизнь людей, что проявляется в политической активизации ряда конфессий, их стремлении настаивать на сохранении религиозных институтов, уже вступивших в противоречие со светскими. Все это делает проблему анализа места и роли религии в жизни россиян особо актуальной.

Общее представление об отношении граждан России к религии, примерной численности верующих и их конфессиональных предпочтениях можно получить из материалов исследований, которые периодически проводятся различными организациями как в целом по стране, так и в отдельных регионах. Участие в подобных опросах для опрашиваемых исключительно добровольно. Данные подобных исследований иногда заметно расходятся, в лучшем случае по ним можно судить лишь о каких-то наиболее выраженных тенденциях в состоянии религиозности, положении религии и ее институтов как в целом в российском обществе, так и в том или ином российском регионе, а также о перспективах развития религиозной ситуации.

Предлагаемая читателю тематическая подборка по анализу современной религиозной ситуации в субъектах Дальневосточного федерального округа (ДФО) включает семь статей дальневосточных и российских религиоведов. Авторы представляют свое видение места и роли религии в жизни людей, предлагают разнообразные сюжеты влияния религиозного фактора на умонастроения и поведение людей в публичном пространстве, его позитивные и отрицательные последствия. Значительная часть выводов авторов статей основана на анализе результатов социологического опроса населения ДФО, проведенного в 2020–2021 гг. во всех 11 субъектах округа.

В статье ведущего социолога религии Российской Федерации д-ра социол. наук, профессора ЛГУ им. А.С. Пушкина М.Ю. Смирнова рассмотрены способы существования религий в современном мире, изложена авторская классификация форматов религиозного фактора, дана характеристика наиболее явных предпочтений в отношении к религии со стороны разных социальных акторов. Автор выделяет проблемные ситуации в государственной политике и массовом сознании по отношению к свободе совести, вероисповедания и убеждений; подчеркивает, что в настоящее время религии перестают привлекать смыслами своих учений, что на первое место выходит идентификационное, маркировочное свойство религиозной принадлежности.

Д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН С.М. Дударёнок в своей работе рассматривает количественные и качественные характеристики современной религиозной ситуации в Дальневосточном федеральном округе. В статье дана характеристика процесса возрождения различных религиозных конфессий в ДФО в постсоветский период истории и их современное состояние. Автор делает вывод, что в субъектах ДФО с разной интенсивностью идет процесс ревитализации религии и выделяет основные тенденции, определяющие особенности религиозной ситуации в ДФО.

В статье д-р ист. наук, доцента, ведущего научного сотрудника ИИАЭ ДВО РАН О.П. Федирко выявляются особенности формирования конфессионального пространства западных и северо-западного регионов ДФО. В научный оборот вводятся данные социологического опроса "Религиозно-этническая самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI в.",

проведенного с апреля 2020 по сентябрь 2021 гг. на территории Забайкальского края, Республики Якутии (Саха) и Амурской области среди разных возрастных групп. Рассматриваются ответы респондентов по четырем группам вопросов: численность верующих, конфессиональная принадлежность, участие в религиозной жизни и место религии в жизни опрошенных. Автор приходит к выводу о размытости понятия "верующий" у участников опроса, о крайне низком уровне конфессиональной грамотности и желания принимать участие в жизни религиозной организации. Делается вывод о малом влиянии религии на жизнь большинства самоидентифицирующих себя той или иной религией.

Сотрудники Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, – д-р ист. наук, профессор С.В. Васильева, канд. ист. наук, доцент С.З. Ахмадулина и канд. полит. наук, доцент Д.Ц. Будаева, – через описание особенностей изменения взаимоотношений между религиозными организациями и гражданами институтами освещают современную религиозную ситуацию в Республике Бурятия. Особое внимание авторы уделяют нормативно-правовому регулированию деятельности религиозных организаций в условиях многоконфессионального региона и специфике религиозной жизни Республики Бурятия, одной из особенностей которой является двоеверие.

В статье д-ра ист. наук, профессора СахГУ Н.В. Потаповой исследуется современное состояние религиозной ситуации в Сахалинской области, процесс её формирования, роль и место в ней различных религиозных организаций, выявляются основные тенденции их развития. Приводятся и сопоставляются данные социологических исследований религиозной жизни региона в контексте мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Сахалинской области (2018 г.) и изучения религиозно-этнической самоидентификации населения Дальнего Востока в начале XXI в. (2020 г.). Автор делает вывод, что бурный рост числа религиозных организаций и количества верующих, характерный для 1990-х гг., сменяется в Сахалинской области стабилизацией религиозной ситуации.

Д-р филос. наук, профессор СВГУ А.И. Поспелова и канд. филос. наук, доцент СевГУ С.В. Поспелова рассматривают в своей статье динамику религиозных трансформаций на территории Магаданской области и Чукотского автономного округа. Авторы подчеркивают, что данные трансформации можно определить, как путь: от религиозного ренессанса разнообразных религиозных общин к расцвету (в рамках сепарационного типа государственно-церковных отношений), к стагнации и тенденциям поиска "новой религиозности" в "иных" религиях и духовных практиках, которые выходят за рамки культурной традиции исторически "православных" этносов, – в мусульманстве, неошаманизме или в МОД "Аллатра" (религиозные диффузии). Говоря об актуальности темы исследования, авторы подчеркивают, что она определяется необходимостью научного анализа современного состояния религиозной картины региона, а также изучения трансграничных взаимодействий российского Дальнего Востока в сфере влияния новых жителей региона в новых социально-экономических условиях на религиозную карту.

Т.В. Логвинова в своей работе рассматривает развитие в Приморском крае форм сотрудничества по вопросам духовно-нравственного воспитания между светской школой и Владивостокской и Приморской епархией РПЦ (МП); формирование инфраструктуры для преподавания православной культуры (учреждений, подразделений, мероприятий, документов) в период с 1991 по 2012 г. Автор подчеркивает, что хотя в Приморском крае школа в данный период декларировала приверженность православию, сотрудничала с РПЦ, но оставалась светской. По мнению автора, надежды светской школы извлечь из православия эффективные инструменты воспитания подрастающего поколения не были успешными и не привели к формированию в регионе системы православной педагогики.

Материалы рубрики могут быть интересны для исследователей, студентов, магистрантов, аспирантов, а также для всех тех, кто интересуется историей российского Дальнего Востока и историей религиозной жизни субъектов Дальневосточного федерального округа России.

Форматы религиозного фактора в современном мире

Михаил Юрьевич Смирнов
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия, mirsnov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены способы существования религий в современном мире, изложена авторская классификация форматов религиозного фактора, дана характеристика наиболее явных предпочтений в отношении к религии со стороны разных социальных акторов. Автор выделяет проблемные ситуации в государственной политике и массовом сознании по отношению к свободе совести, вероисповедания и убеждений.

Ключевые слова: *религия, религиозная ситуация, религиозный фактор, секуляризация, мировоззренческий плюрализм и государственная политика в отношении к религии*

Для цитирования: Смирнов М. Ю. Форматы религиозного фактора в современном мире // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 11–18. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/11-18>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/11-18>

Formats of the religious factor in the modern world

Mikhail Yu. Smirnov
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia, mirsnov@yandex.ru

Abstract. The article examines the ways of existence of religions in the modern world, outlines the author's classification of the formats of the religious factor, and characterizes the most obvious preferences in relation to religion on the part of various social actors. The author highlights problematic situations in state policy and mass consciousness in relation to freedom of conscience, religion and beliefs.

Key words: *religion, religious situation, religious factor, secularization, pluralism of worldviews, state policy in relation to religion*

For citation: Smirnov M. Yu. Formats of the religious factor in the modern world // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 11–18. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/11-18>

Религиозный фактор – понятие, часто употребляемое. Если обойтись без формулировки строгих дефиниций, детализация которых обычно вызывает полемику, то в обобщающем виде религиозный фактор характеризуется как воздействие вероучительных идей и образов на умонастроения и поведение людей в публичном пространстве [9; 14]. Причем это воздействие, имеющее разные: и позитивные и отрицательные – последствия.

Система отношений к религии в разных обществах и в разные эпохи определяется удельным весом религиозных традиций в повседневном жизненном мире населения, степенью их признания государством и влиянием религиозных институтов на фундаментальные социальные практики. С этой точки зрения, форматы религиозного фактора неизбежно претерпевают изменения не только сообразно состояниям жизни конкретных государств и обществ, но и в зависимости от региональных и глобальных социокультурных процессов.

Трансформации религиозного фактора

В современном мире проявления религиозного фактора во многом существенно отличаются от того, что обуславливало его действие ещё в относительно недавние исторические времена, когда религии выступали как мировоззренческие доминанты. Можно выделить три обстоятельства, ныне "форматирующих" религиозный фактор.

Первым обстоятельством стал вроде бы внешний для религии процесс *секуляризации*. Обычно секуляризацию в широком смысле рассматривают как резкое снижение влияния религиозных организаций на политическую, социальную и личную жизнь, подразумевая, что причины всего этого лежат за пределами религии [13]. Однако практически все признаки секуляризации сопряжены также и с каким-либо из внутренних состояний самих религиозных сообществ, с их возможностью или невозможностью решать важные проблемы последователей религий, с утратой убедительности религиозных смыслов в обыденной жизни верующих [30].

Эмпирически фиксируемые явления десекуляризации и ревитализации религии [12; 16], а также теоретизирование на тему постсекулярности [2] подтверждают лишь нелинейный характер секуляризации, которая предстает вовсе не как процесс "отмирания" религии, но как реструктуризация религиозной жизни и интеграция конфессиональных институтов в сложившийся строй светских государств и обществ.

Секулярность принесла обществу мировоззренческий и идейный плюрализм, создала возможности для индивидов и групп уйти от религиозного единообразия (чаще всего, принудительного) и идентифицировать себя сообразно множественности религиозных и иных убеждений.

Широкое распространение получила культура секулярного общества. Конфессиональные ценности вытесняются светскими ценностями, среди которых не только так называемый светский гуманизм, но и многократно обруганный, однако не исчезающий мультикультурализм с его установками на толерантность и политкорректность, а права человека стали новой сакральностью [24].

Возник риск растворения прежних нравственных стереотипов религии в так называемой "новой этике". Альтернативой этому становятся попытки реанимировать традиционные устои религиозных сообществ, что можно обозначить как "новый фундаментализм" [3] (особенно проявившийся в условиях пандемии [28]).

Реакция в обществе на секулярность постоянно создаёт проблемные ситуации. Потребовалась корректировка устоявшихся за века и поколения образов конфессионального присутствия в публичном пространстве. Государства оказались перед необходимостью устанавливая новые правовые параметры для религиозных сообществ, учитывая при этом актуальность соблюдения свободы совести и убеждений в мировоззренчески неоднородном социуме [25].

Вторым обстоятельством стал кризис исторически сложившихся моделей *идентичности* населения многих стран с ведущими экономиками. В результате широкомасштабных миграционных потоков изменяется этнический, а значит и религиозный состав населения, растет удельный вес религиозных сообществ, к которым принадлежат мигранты [4]. Известно, что значительное влияние в ряде государств Европы приобретают объединения последователей ислама. Это порождает своего рода параллелизм – новые европейцы-мусульмане формируют свои модели нормативности социальных, семейных и бытовых отношений, дистанцируясь от устоявшегося правового и культурного уклада жизни основного населения европейских стран [15, с. 209, 264, 324].

Очевидной является конфликтность социокультурных паттернов автохтонных жителей государств Европы и миграционной части населения этих государств [5; 27]. В повестку практической политики встала проблема адаптации мигрантов к цивилизационному укладу стран пребывания. Идёт очень трудная переориентация государственных и общественных институтов, исторически сформированных под местную реальность, и не готовых оперативно и адекватно реагировать на новую ситуацию [29].

Характерным примером становятся попытки "древних" европейских государств, с разной степенью успешности, реализовать вариативные образовательные стратегии, позволяющие давать людям из иной этнорелигиозной среды представления о местной культуре таким образом, чтобы это было взаимно приемлемым государству, религиозным объединениям, светскому обществу и самим мигрантам.

При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что именно вероучительный контент, то есть ядро любой религиозной системы, является наиболее удалённым от повседневных потребностей приверженцев религии и наименее востребованным. Для тех современных людей, которые маркируются понятием "верующий", как правило, не свойственно адекватное освоение доктрин, которыми конституируются исповедуемые ими религии. Конечно, всегда так называемый массовый верующий плохо или приблизительно был знаком с конфессиональными доктринами. Но это компенсировалось признанностью повседневности религиозными институтами. Ныне же, в условиях мировоззренческого плюрализма и секулярного общества, религиозная принадлежность всё больше становится "маркером", но не смыслом самоидентификации.

То, что можно сейчас назвать религиозной идентичностью, является, скорее всего, эвфемизмом, в действительности передающим в традиционной (то есть как бы в религиозной) экипировке, идентичность социальную, гражданскую, этническую [10]. Религиозная самоидентификация воспринимается людьми как более надёжная [8] преимущественно потому, что социальность сплошь и рядом неустойчива, гражданственность конфликтна, этничность же в исторической памяти сливается с религиозной принадлежностью.

Третьим важным обстоятельством можно считать *мировоззренческий плюрализм* современной глобальной цивилизации, обусловленный утратой монопольного положения исторически сложившихся религий и светских тотальных идеологий. Возникает множество новых религиозных и иных мировоззренческих сообществ, обычно в статусе меньшинств, которые воплощают право духовного выбора граждан демократических государств [21].

Как и секуляризация, это – вовсе не линейно прогрессирующий процесс. Сталкиваясь с консерватизмом стереотипов массового сознания, мировоззренческий плюрализм постоянно получает жёсткого оппонента в виде традиционализма большей части населения, охранительной государственной политики и фундаменталистских настроений в религиозной среде. Однако надо заметить, что это уже, так сказать, "новый традиционализм", не отвергающий, но эффективно использующий современные информационные технологии и вообще достижения техносферы.

Истоки религиозных потребностей намного глубже, чем политические, экономические и прочие "земные" обстоятельства существования конкретных религиозных сообществ. Религиозность генерируется мистико-сотериологическими состояниями психики и ментальности. Поэтому "смена формата" присутствия религиозного фактора в публичном пространстве означает, скорее, поиск более эффективных модусов реализации религиозных потребностей. С этой точки зрения, наблюдаемый ныне религиозный плюрализм [20] следует рассматривать не как упадок, но как реструктуризацию мировоззренческого состояния общества.

На уровне повседневности религиозные настроения проявляются не столько в массовом формализованном ритуально-культовом поведении, сколько в индивидуализации духовных практик, активизирующихся в значимых обстоятельствах жизненного цикла, а зачастую конструируемых для конкретных потребностей. Это даёт основание утверждать о "скрытом", "диффузном", "невидимом", "вернакулярном" и тому подобных модусах религии, о "вере без принадлежности" и "замещающей религии" [22]. Нефункциональные институты и практики исторических конфессий "обнуляются", уступая место тем, что более адекватны современным религиозным запросам [11].

Вместе с тем реакции на глобальные проблемы современности по нарастающей стали вызывать к жизни множество гибридных квазирелигиозных образований, сочетающих в себе разные способы самоутверждения и компенсирующих для разных контингентов населения реальные или мнимые утраты и нехватки. Из наиболее заметных – экологические движения, феминистические сообщества, вариации массового консюмеризма, а также погружение в виртуальные миры. Всё это очень разные по мотивации и масштабам явления. Но они явно расширили диапазон жизненных стратегий, доступных современному человеку. Религия в этом диапазоне остаётся заметным предметом выбора. Однако уже не единственным.

Возможные перспективы религиозного фактора

Конечно, нельзя категорично утверждать, что современное общество неуклонно избавляется от влияния религии. Скажем, христианство по-прежнему воспринимается как один из базовых устоев европейской цивилизации. Аналогичное значение базового устоя, но уже в глобальном смысле, придаётся исламу его приверженцами.

Большинством населения стран мира по-прежнему декларируется религиозная принадлежность. Например, по данным Pew Research Center за 2019 год [26], во всех 15 странах Западной Европы были крещены и называют себя христианами более 90% опрошенных. В то же время из общего числа назвавших себя христианами, лишь 58% говорят, что верят в Бога. То есть востребованность часто получает конфессиональная маркировка идентично-

сти, с приблизительным воспроизведением внешних признаков, тогда как конституирующие вероисповедание доктринальные смыслы, выраженные в священных текстах и религиозных документах, остаются далёкими от непосредственных интересов или вообще неизвестными приверженцам религий [1, с. 128–129].

Привлекательность религий для государственных институтов сейчас определяется не вероучительным содержанием, а их организационно-мобилизующим потенциалом. Очевидны и намерения конвертации религиозного фактора в идеологические установки светского государства, что может оказаться ресурсом для достижения нерелигиозных целей. Целенаправленная интеграция религиозного фактора в публичное пространство секулярных обществ, стремление использовать его для каких угодно благих намерений влечёт маргинализацию вероисповедного содержания религий и риск их превращения в политический инструмент [7].

Недавно Р. Н. Лункин предложил идею так называемой "параболы политизации" религиозной среды [6, с. 77–79]. Суть идеи – возможность эволюции религиозных сообществ от состояния структуры, исторически вытекающей из политики, к структуре, которая становится частью политической системы. Базовый отправной пункт этой эволюции – приход. От этого пункта ("приход-А") идёт импульс общинной солидарности, благодаря которому возникает религиозно мотивированная околоцерковная деятельность, включающая социальные и культурные инициативы, волонтерство (церковное и внецерковное). В результате такого процесса формируется новое качество религиозной жизни, именуемое "социальной религиозностью", совокупным субъектом которой могут быть "религиозные квазипартии", а итоговым состоянием – "гражданская религиозность". Завершает "параболу" приход "нового типа" ("приход-В"), вокруг которого, наряду с богослужебной практикой, "существует масса социальных и культурных инициатив".

Можно признать, что религиозный фактор потенциально применим для позитивных преобразований в обществе. Но в современной политике ведущими акторами являются перетекающие друг в друга светская государственная бюрократия и лидеры капиталоемких корпораций, которые определяют рамки возможностей для общества в целом, значит и для религиозных организаций и сообществ. И никому эту прерогативу "властвующая элита" не отдаст, а если чему-то и будет попустительствовать, то лишь в видах инструментально-го использования ради собственных целей.

Конечно, секулярные институты власти могут регламентировать только внешние, организационно-правовые параметры жизни последователей религий. Коренящиеся в структурах психики и ментальности фундаментальные потребности, которые опознаются как религиозные – потребность в предельных смыслах, в сакральном, в преодолении чувства разрыва между конечностью индивида и бесконечностью мироздания/бытия, равно как и потребность в следовании религиозным побуждениям в своей социальной жизни, – никуда не исчезают. Но вот способы экспликации этих потребностей и их удовлетворения трансформируются в зависимости от актуальности религиозных смыслов для людей в их конкретных жизненных ситуациях, обусловленных меняющимися социальными, экономическими, техногенными и прочими вполне земными обстоятельствами [19].

В синхронном измерении никакая религия не существует исключительно так, как она сложилась диахронно, за века и поколения своей истории. Любая религия для ныне живущих является именно такой, какой именно они эту религию сумели воспринять, мыслить, чувствовать, адаптировать к своему настоящему. Поэтому в любом обществе можно встретить спектр вариаций отношения к религии.

Общество может длительно пребывать в каком-то достигнутом состоянии, пока свойства сложившегося уклада обеспечивают его относительную устойчивость. Когда внутренние процессы приводят к исчерпанию прежних ресурсов стабильности – реальных и символических, и к этому добавляются также внешние факторы, влияющие на данное общество, тогда с неизбежностью начинается эволюционная или революционная реструктуризация базовых устоев – экономических, политических, идеологических. Для религий

наступает "момент истины", их потенциал проходит строгую проверку на соответствие или препятствование прогрессу [8].

Социальная динамика невозможна без акторов – коллективных и индивидуальных субъектов производимых перемен. Поэтому существенную роль в происходящих процессах играет мировоззренческая составляющая, ключевые смыслы которой задаются умонастроениями, убеждениями и верованиями участников. Скажем, подлинный исток политизации религиозных сообществ коренится не столько в амбициях религиозных организаций (их руководства), сколько в гражданском поведении верующих, мотивированном их религиозными убеждениями.

Общественное устройство, трансформируясь под влиянием меняющихся потребностей и интересов, в свою очередь, само зримо или неявно устанавливает для них своего рода рамочные условия. Оптимальным для социальной стабильности выступает мировосприятие, консолидирующее большинство субъектов общественных отношений. В этом плане *религии, как средоточия общеразделяемых смыслов, оказываются высокофункциональными средствами консолидации.*

В то же время качественные и количественные параметры религиозного фактора определяются тем, насколько необходимыми оказываются какие-либо религии для конкретных индивидов, социальных групп и этнических общностей. Константность религиозных потребностей всегда сочетается с переменчивостью формата их проявлений и реализации в социальном пространстве.

В периоды общественного переустройства неизбежными становятся *ревизия традиций и возникновение новаций*, идёт поиск путей, позволяющих преодолеть (или обойти) трудности и обрести убедительную привлекательную перспективу [18]. Многоосставность современных обществ с необходимостью порождает плюралистичность этого поиска, разнообразие форм удовлетворения мировоззренческих и социальных потребностей, появление разного рода новаций [17]. Возникает вопрос о сосуществовании религиозной и нерелигиозной частей населения не как об их паритете, но как амальгаме.

Выводы

Очевидно, что в современном мире приходится иметь дело с новыми форматами религиозного фактора в публичном пространстве. Происходит нарастающая дифференциация и, одновременно, диффузия того объекта, который конвенционально именуется религией. Секуляризация определяется не уменьшением числа верующих, а степенью свободы в отношении к религии.

Религии перестают привлекать собственно вероучительным содержанием, адекватное освоение которого не является приоритетным для повседневного жизненного мира последователей религиозных традиций – на первое место выходит идентификационное, маркировочное свойство религиозной принадлежности.

Возникла множественность мировоззренческих явлений, которые инерционно идентифицируются как религиозные (или религиоподобные), но уже с трудом или принудительно поддаются описанию с помощью прежних стереотипизированных клише. Всё непонятнее становится, по каким признакам какие-либо явления опознавать именно как религиозные.

Можно сказать, что религия уже перестала быть такой, какой она моделируется на страницах учебников, словарей и энциклопедий, которые воспроизводят преимущественно исторические или уходящие в историю представления о религиозном факторе. Да и правовые акты также далеко не всегда адекватны изменениям, происходящим в сфере общественных отношений по поводу религии, просто не отражают эти изменения.

Ныне сформировался широчайший диапазон вариаций мировоззренческих исканий. Возникает новая реальность – быть может, то, с чем приходится иметь дело, это уже и не религия, как её привыкли понимать, и нужны новые, более точные объяснения.

Литература

1. Андреева Л. А., Смирнов М. Ю., Щербаков В. П. Процесс дехристианизации в Европейском Союзе // Современная Европа. 2018. № 5. С. 120–130.
2. Богатырёв Д. К., Шишова М. И. Постсекулярная гипотеза и особенности российской постсекулярности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 3. С. 95–109.
3. Головушкин Д. А. Религиозный фундаментализм / религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2015. № 1. С. 87–97.
4. Дятлов А. В., Попов А. В. Сажин П. В. Идентичность в пространстве Европейского Союза // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 22. № 6. С. 170–177.
5. Казанова Х. Страх Европы перед религией. Берлинские речи о религиозной политике / пер. с нем. Е. М. Мирошниковой // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сб. статей. Вып. 11. Владивосток: Дальневост. фед. ун-т, 2015. С. 88–105.
6. Лункин Р. Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество: монография / Центр по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН. Москва: ИЕ РАН: Нестор-История, 2020. 504 с.
7. Мирошникова Е. М., Смирнов М. Ю. Основные тренды отношения государств Европейского Союза к религии // Современная Европа. 2020. № 3. С. 196–206.
8. Мчедлова М. М. Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Изд-во "Весь мир", 2017. С. 334–339.
9. Мчедлова М. М. Религиозный фактор // Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 279–280.
10. Пронина Т. С. Религиозная идентичность: теоретические модели и подходы к изучению // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 9. С. 48–63.
11. Смирнов М. Ю. Цифровизация как "обнуление" религий // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2019. № 3. С. 137–145.
12. Смирнов М. Ю. Новые формы религиозной жизни общества // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 177–184.
13. Степанова Е. А. Теории секуляризации в "проекте модерна": возможности и границы // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2009. № 9. С. 54–73.
14. Телегин В. Н., Телегина С. В., Шмидт В. В. Религиозный фактор как инструмент политики стран Европейского Союза // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 2. С. 92–107.
15. Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен "параллельных" обществ в системе международно-политических отношений: монография / науч. ред. Л. А. Андреева, И. В. Следзевский, М. Ю. Смирнов. СПб.: Владимир Даль, 2021. 551 с.
16. Трансформации религий в современном обществе и культуре: моногр. / [Л. А. Андреева, О. А. Бокова, А. В. Конева и др.] науч. ред. М. Ю. Смирнов. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2019. 140 с.
17. Феномен новых религий в ситуации религиозного плюрализма и религиозной конкуренции / сост. и науч. ред. М. Ю. Смирнов. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2019. 124 с.
18. Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация / пер. с англ. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30). С. 33–56.
19. Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна / пер. с фр. А. С. Агаджаняна // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 254–268.
20. Casanova J. Immigration and the New Religious Pluralism: EU/US Comparison // Democracy and the New Religious Pluralism / ed. by Thomas Banchoff. Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2007. P. 59–84.
21. Davie G. Pluralism, Tolerance, and Democracy: Theory and Practice in Europe // Democracy and the New Religious Pluralism / ed. by Thomas Banchoff. Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2007. P. 223–242.
22. Davie G. Vicarious religion: A Methodological challenge // Everyday religion: Observing Modern Religious Lives by N. Ammerman. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2006. P. 21–35.
23. Davie G., Ammerman, N. T. Does religion contribute to or inhibit social progress? // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal. 2020. No. 3. P. 185–192. (In English)
24. Freedom of religion or belief and security: Policy guidance. Warsaw: Published by the OSCE [Organization for Security and Co-operation in Europe] Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR), 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osce.org/odihr/429389?download=true> (дата обращения: 21.01.2022).

25. Pace E. The changing Soul of Europe: The challenge to the secular State // *EuAre Lectures: Ex Nihilo and First Annual Conference 2017–2018* / ed. by Francesca Cadeddu. Bologna: European Academy of Religion (EuARE); Fondazione per le scienze religiose Giovanni XXIII (FSCIRE), 2019. P. 71–86.
26. Religion – Research and data from the Pew Research Center [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/topic/religion/> (дата обращения: 21.01.2022)
27. Religious complexity in the public sphere: Comparing Nordic countries / ed. by I. Furseth. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 341 p.
28. Religious fundamentalism in the Age of Pandemic / ed. by Nina Käsebage [Vol. 21 in the series Religionswissenschaft]. Bielefeld: transcript Verlag, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1515/978383839454855> (дата обращения: 21.01.2022 г.).
29. State and Church in the European Union. In conjunction with the European Consortium for State and Church Research. 3-rd ed. / Robbers G. (ed.). Baden-Baden (Germany): Nomos Verlagsgesellschaft, 2019. 688 p.
30. Taylor Ch. A Secular Age. Cambridge (MA); London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. xii + 878 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Andreeva L. A., Smirnov M. YU., SHHerbakov V. P. Protsess dekhristianizatsii v Evropejskom Soyuze // *Sovremennaya Evropa*. 2018. № 5. S. 120–130.
2. Bogatyryov D. K., SHishova M. I. Postsekulyarnaya gipoteza i osobennosti rossijskoj postsekulyarnosti // *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii*. 2015. T. 16. № 3. S. 95–109.
3. Golovushkin D. A. Religioznyj fundamentalizm / religioznyj modernizm: kontseptual'nye protivniki ili ambivalentnye fenomeny? // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 2015. № 1. S. 87–97.
4. Dyatlov A. V., Popov A. V., Sazhin P. V. Identichnost' v prostranstve Evropejskogo Soyuzha // *Gumanitarij YUga Rossii*. 2016. T. 22. № 6. S. 170–177.
5. Kazanova KH. Strakh Evropy pered religiej. Berlinskije rechi o religioznoj politike / per. s nem. E. M. Miroshnikovo // *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennij aspekt*. Sb. statej. Vyp. 11. Vladivostok: Dal'nevost. fed. un-t, 2015. S. 88–105.
6. Lunkin R. N. TSerkvi v politike i politika v tserkvyakh. Kak sovremennoe khristianstvo menyaet evropejskoe obshhestvo: monografiya / TSentr po izucheniyu problem religii i obshhestva IE RAN. Moskva: IE RAN: Nestor-Istoriya, 2020. 504 s.
7. Miroshnikova E. M., Smirnov M. YU. Osnovnye trendy otnosheniya gosudarstv Evropejskogo Soyuzha k religii // *Sovremennaya Evropa*. 2020. № 3. S. 196–206.
8. Mchedlova M. M. Religioznaya i konfessional'naya identichnost' // *Identichnost': Lichnost', obshhestvo, politika. E'ntsiklopedicheskoe izdanie / otv. red. I.S. Semenenko*. M.: Izd-vo "Ves' mir", 2017. S. 334–339.
9. Mchedlova M. M. Religioznyj faktor // *E'ntsiklopedicheskij slovar' sotsiologii religii / pod red. M. YU. Smirnova*. SPb.: Platonovskoe filosofskoe obshhestvo, 2017. S. 279–280.
10. Pronina T. S. Religioznaya identichnost': teoreticheskie modeli i podkhody k izucheniyu // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2017. № 9. S. 48–63.
11. Smirnov M. YU. TSifrovizatsiya kak "obnulenie" religij // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. 2019. № 3. S. 137–145.
12. Smirnov M. YU. Novye formy religioznoj zhizni obshhestva // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. 2020. № 1. S. 177–184.
13. Stepanova E. A. Teorii sekulyarizatsii v "proekte moderna": vozmozhnosti i granitsy // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*. 2009. № 9. S. 54–73.
14. Telegin V. N., Telegina S. V., SHmidt V. V. Religioznyj faktor kak instrument politiki stran Evropejskogo Soyuzha // *Evraziya: dukhovnye traditsii narodov*. 2012. № 2. S. 92–107.
15. Transformatsii global'nogo konfessional'nogo geoprostranstva: fenomen "parallel'nykh" obshhestv v sisteme mezhdunarodno-politicheskikh otnoshenij: monografiya / nauch. red. L. A. Andreeva, I. V. Sledzevskij, M. YU. Smirnov. SPb.: Vladimir Dal', 2021. 551 s.
16. Transformatsii religij v sovremenno obshhestve i kul'ture: monogr. / [L. A. Andreeva, O. A. Bokova, A. V. Koneva i dr.] nauch. red. M. YU. Smirnov. SPb.: LGU imeni A. S. Pushkina, 2019. 140 s.
17. Fenomen novykh religij v situatsii religioznogo plyuralizma i religioznoj konkurentsii / sost. i nauch. red. M. YU. Smirnov. SPb.: LGU imeni A. S. Pushkina, 2019. 124 s.
18. E'jzenshtadt SH. Novye religioznye konstellyatsii v strukturakh sovremennoj globalizatsii i tsivilizatsionnaya transformatsiya / per. s angl. // *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2012. № 1 (30). C. 33–56.
19. E'rv'e-Lezhe D. V poiskakh opredelennosti: paradoksy religioznosti v obshhestvakh razvitoj moderna / per. s fr. A. S. Agadzhanjana // *Gosudarstvo, religiya, TSerkov' v Rossii i za rubezhom*. 2015. № 1 (33). S. 254–268.

20. Casanova J. Immigration and the New Religious Pluralism: EU/US Comparison // *Democracy and the New Religious Pluralism* / ed. by Thomas Banchoff. Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2007. P. 59–84.
21. Davie G. Pluralism, Tolerance, and Democracy: Theory and Practice in Europe // *Democracy and the New Religious Pluralism* / ed. by Thomas Banchoff. Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2007. P. 223–242.
22. Davie G. Vicarious religion: A Methodological challenge // *Everyday religion: Observing Modern Religious Lives* by N. Ammerman. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2006. P. 21–35.
23. Davie G., Ammerman, N. T. Does religion contribute to or inhibit social progress? // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 2020. No. 3. P. 185–192. (In English)
24. Freedom of religion or belief and security: Policy guidance. Warsaw: Published by the OSCE [Organization for Security and Co-operation in Europe] Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR), 2019. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.osce.org/odihr/429389?download=true> (data obrashheniya: 21.01.2022).
25. Pace E. The changing Soul of Europe: The challenge to the secular State // *EuAre Lectures: Ex Nihilo and First Annual Conference 2017–2018* / ed. by Francesca Cadeddu. Bologna: European Academy of Religion (EuARE); Fondazione per le scienze religiose Giovanni XXIII (FSCIRE), 2019. P. 71–86.
26. Religion – Research and data from the Pew Research Center [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.pewresearch.org/topic/religion/> (data obrashheniya: 21.01.2022)
27. Religious complexity in the public sphere: Comparing Nordic countries / ed. by I. Furseth. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 341 p.
28. Religious fundamentalism in the Age of Pandemic / ed. by Nina Käsehage [Vol. 21 in the series Religionswissenschaft]. Bielefeld: transcript Verlag, 2021. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.1515/9783839454855> (data obrashheniya: 21.01.2022).
29. State and Church in the European Union. In conjunction with the European Consortium for State and Church Research. 3-rd ed. / Robbers G. (ed.). Baden-Baden (Germany): Nomos Verlagsgesellschaft, 2019. 688 p.
30. Taylor Ch. *A Secular Age*. Cambridge (MA); London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007. xii + 878 p.

Информация об авторе

Михаил Юрьевич Смирнов, д-р социол. наук, профессор кафедры философии Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mirsnov@yandex.ru

Information about the author

Mikhail Yu. Smirnov, Doctor of Sociology, Professor, Department of Philosophy, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: mirsnov@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 25.03.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 08.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 16.05.2022

Научная статья
УДК 911.3:33
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/19-33>

Религиозная ситуация в Дальневосточном федеральном округе на современном этапе: общая характеристика

Светлана Михайловна Дударёнок
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, demyanenko@ecrin.ru

Аннотация. В статье рассмотрены количественные и качественные характеристики современной религиозной ситуации в Дальневосточном федеральном округе; дана характеристика процесса возрождения различных религиозных конфессий в ДФО в постсоветский период истории и их современное состояние; появление в дальневосточной мусульманской умме значительного мусульманского населения с иной, не российской идентичностью, что может привести к росту межконфессиональных и межэтнических конфликтов. Автор выделяет основные черты современной религиозной ситуации в ДФО, отличающие ее от религиозной ситуации в других регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: *Дальневосточный федеральный округ, религиозная ситуация, религия, религиозное возрождение, секуляризация, религиозная организация, "традиционные" религии*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00496 А

Для цитирования: Дударёнок С. М. Религиозная ситуация в Дальневосточном федеральном округе на современном этапе: общая характеристика // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 19–33. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/19-33>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/19-33>

Religious situation in the Far Eastern Federal District at the present stage: general characteristics

Svetlana M. Dudarenok
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, dudarenoksv@gmail.com

Abstract. The article deals with the quantitative and qualitative characteristics of the current religious situation in the Far Eastern Federal District; the characteristics of the process of revival of various religious confessions in the Far Eastern Federal District in the post-Soviet period of history and their current state are given; the appearance in the Far Eastern Muslim Ummah of a significant Muslim population with a different, non-Russian identity, which can lead to an increase in interfaith and interethnic conflicts. The author the main features of the modern religious situation in the Far Eastern Federal District, which distinguish it from the religious situation in other regions of the Russian Federation.

Key words: *Far Eastern Federal District, religious situation, religion, religious revival, secularization, religious organization, "traditional" religions*

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00496 A

For citation: Dudarenok S. M. Religious situation in the Far Eastern Federal District at the present stage: general characteristics // Ojkumena. Regional researches. 2022. No.2. P. 19–33. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/19-33>

Введение

Тема религии и религиозности в российском обществе продолжает находиться в эпицентре внимания как общественности, так и науки, прежде всего религиоведения, политологии и социологии. Религиозную ситуацию по России в целом анализировали в своих работах М.М. Мчедлова, И.С. Поминова, В.А. Тишков, Е.К. Элбакян [17; 21; 29; 31] и др.

Вопросы взаимоотношения религии и общества, правового статуса религиозных объединений, их распространении и удельном весе в существующем конфессиональном спектре, степени участия и влияния религиозных институтов и практик в социально-политических и духовно-нравственных процессах на уровне российских регионов рассматривались в работах П.К. Дашковского, С.М. Дударёнок, В.В. Козина, А.Г. Нестеровой, М.Ю. Смирнова, И.М. Фадеевой, О.П. Федирко, А.И. Поспеловой, Н.В. Поталовой [4; 7; 14; 18; 22; 23; 27; 28] и др.

Формированию нового конфессионального пространства в странах ближнего зарубежья в контексте безопасности Российской Федерации посвятили ряд своих публикаций В.Л. Данилов и М.Ф. Муртазин [3; 15].

Религиозная ситуация в российских регионах все чаще становится темой международных и общероссийских конференций [25; 26].

Несмотря на отдельные хорошо изученные учеными вопросы, сложно-организованное российское общество продолжает порождать проблемы (противоречия между светским и религиозным, между последователями различных конфессий, между принимающим обществом и мигрантами), делая обозначенную тему по-прежнему актуальной и востребованной для социальной консолидации и укрепления российской идентичности.

Основной целью данной статьи является общая характеристика современной религиозной ситуации в Дальневосточном федеральном округе (ДФО).

Количественная и качественная характеристика современной религиозной ситуации в Дальневосточном федеральном округе

В современной науке под религиозной ситуацией понимается "комплекс отношений в обществе по поводу религии, существующих в конкретное время и в определенных пространственных масштабах (глобальном, региональном, одной страны, одной местности)" [30, с. 254]. Религиозная ситуация определяется количественными и качественными показателями.

Количественная характеристика религиозной ситуации основана на статистических данных. Нормы законодательства ограничивают возможности использования официальных статистических материалов. Из государственных источников мы можем получить лишь малый объем информации для количественной характеристики религиозной ситуации (количество зарегистрированных религиозных организаций, их распределение по вероисповеданиям, количество образовательных учреждений, издательств, культовых зданий, религиозных СМИ и т.д.).

Количественная характеристика религиозной ситуации ДФО (количество и конфессиональная принадлежность религиозных организаций) представлена в таблице (табл. 1).

Таблица 1. Количество зарегистрированных религиозных объединений в ДФО на 31 декабря 2021 г.
Table 1. The number of registered religious associations in the Far Eastern Federal District on December 31, 2021

Конфессии	Приморский край	Хабаровский край	Камчатский край	Забайкальский край	Амурская область	Сахалинская область	Магаданская область	Еврейская автономная область	Чукотский автономный округ	Республика Бурятия	Республика Саха (Якутия)	ИТОГО:
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Русская православная церковь (МП)	118	80	44	87	82	72	26	42	6	83	84	724
Апостольская православная церковь										5		5
Армянская апостольская церковь	2			1	1						1	5
Адвентизм (АСД)	20	9	1	2	7	6	1	2		2	5	55
Евангельские христиане-баптисты	11	20	2	8	13	4	3	5		4		70

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Христиане веры евангельской	48	37	4	8	2	31	8	8	4	28	14	192
Евангельские христиане	37	4			6	4	1	1	1	4	32	90
Церковь Полного Евангелия	1	3	7			1						12
Вера Бахаи	1	1	1	1		1				1	1	7
Старообрядчество	4	1		2	1					10	1	19
Буддизм	3	5		10	3	1				76	2	100
Общество Сознания Кришны (вайшнавизм)	2	1								1		4
Ислам	10	9	2	8	1	1	2	1		3	8	45
Иудаизм	6	3		1	1			2		1	1	15
Лютеранство	2	3		1			1			2		9
Католицизм	6	3	1	1	2	1	1			1	4	20
Методизм	4	2										6
Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны)	2	1				1				1		5
Пресвитериане	52	13			1	16		1		5		88
Российское Библейское общество	1											1
Шаманизм				2						19		21
Новоапостольская Церковь		1									2	3
Религия Аар Айыы											6	6
ИТОГО:	330	196	62	132	120	139	43	62	11	246	161	1502

Источник: составлено автором на основе реестров Управлений Министерства юстиции РФ по субъектам Дальневосточного федерального округа

Source: compiled by the author based on the registers of the departments of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the subjects of the Far Eastern Federal District.

Как видно из таблицы, в ДФО зарегистрированы 1502 религиозных объединения 23 конфессий. Наибольшее количество зарегистрированных религиозных объединений приходится на приходы Русской Православной Церкви Московского Патриархата (РПЦ МП) – 724, что составляет 48,20% от общего количества зарегистрированных в ДФО религиозных объединений.

По регионам их количество от общего количества религиозных объединений составляет: в Приморском крае 35,75% (118); в Хабаровском крае – 40,81% (80); в Камчатском крае – 70,96% (44); в Забайкальском крае – 65,90% (87); в Амурской области – 68,33% (82); в Сахалинской области – 51,79% (72); в Магаданской области – 60,46% (26); в Еврейской автономной области – 67,74% (42); в Чукотском автономном округе – 54,54% (6); в Республике Бурятия – 33,73% (83) и в Республике Саха (Якутия) – 52,17% (84).

За тридцать постсоветских лет количество православных приходов увеличилось в 24 раза. Рост количества приходов по субъектам ДФО представлен в таблице (табл. 2).

Позиции Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) на территории Дальнего Востока стали укрепляться с конца 80-х годов XX в. Наиболее ярко это иллюстрирует создание (или возрождение) дальневосточных епархий и митрополий РПЦ.

Таблица 2. Количество зарегистрированных православных религиозных объединений в ДФО
Table 2. The number of registered Orthodox religious associations in the Far Eastern Federal District

Регион ДФО	1990	2021
Приморский край	5	118
Хабаровский край	7	80
Амурская область	8	82
Камчатская край (область)	1	44
Магаданская область	1	26
Сахалинская область	1	72
Еврейская автономная область	0	42
Чукотский автономный округ	0	6
Забайкальский край	2	87
Республика Бурятия	2	83
Республика Саха (Якутия)	3	84
ИТОГО:	30	724

Источник: составлено автором на основе реестров Управлений Министерства юстиции РФ по субъектам Дальневосточного федерального округа

Source: compiled by the author based on the registers of the departments of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the subjects of the Far Eastern Federal District.

В настоящее время на территории ДФО действуют 4 митрополии: **Приморская**, объединяющая Владивостокскую, Находкинскую и Арсеньевскую епархии (создана 5 октября 2011 г.; глава: митрополит Владивостокский и Приморский Владимир – *Самохин Михаил Викторович*); **Приамурская**, объединяющая Амурскую, Ванинскую и Хабаровскую епархии (создана 5 октября 2011 г.; глава: митрополит Хабаровский и Приамурский Артемий – *Снигур Александр Николаевич*); **Бурятская**, объединяющая Улан-Удэнскую и Северобайкальскую епархии (создана 5 мая 2015 г.; глава: митрополит Улан-Удэнский и Бурятский Иосиф – *Балабанов Игорь Анатольевич*); **Забайкальская**, объединяющая Читинскую и Нерчинскую епархии (создана 25 декабря 2014 г.; глава: митрополит Читинский и Петровский-Забайкальский Димитрий – *Елисеев Виталий Викторович*); а также епархии прямого подчинения: **Магаданская и Синегорская** (образована 31 января 1991 г.; глава: архиепископ Иоанн – *Александр Владимирович Павлихин*); **Петропавловская и Камчатская** (образована 3 ноября 1993 г.; глава: архиепископ Феодор – *Андрей Леонидович Малаханов*); **Южно-Сахалинская и Курильская** (образована 23 февраля 1993 г.; глава: архиепископ Никанор – *Николай Николаевич Анфилатов*); **Благовещенская и Тындинская** (образована 28 декабря 1993 г.; глава: архиепископ Лукиан – *Леонид Сергеевич Куценко*); **Биробиджанская и Кульдурская** (образована 7 октября 2002 г.; глава: архиепископ Биробиджанский и Кульдурский Ефрем – *Роман Васильевич Просянок*); **Якутская и Ленская** (образована 23 февраля 1993 г.; глава: архиепископ Якутский и Ленский Роман – *Лукин Алексей Александрович*); **Анадырская и Чукотская** (образована 19 июля 2000 г.; глава: архиепископ Анадырский и Чукотский Ипатий – *Голубев Валерий Юрьевич*).

По всей территории ДФО строятся новые и восстанавливаются старые православные храмы. О возрождении православной традиции на территории региона свидетельствует возрождение и рост монастырей. Всего на территории ДФО действует 17 обителей: 5 в Приморье; 4 в Республике Саха (Якутия); 3 в Республике Бурятия; по 2 в Хабаровском крае и Амурской области; по одному в Еврейской автономной области, Магаданской и Сахалинской областях.

В большинстве субъектов ДФО завершено строительство кафедральных соборов. Создана система религиозного образования: в каждой дальневосточной епархии существует сеть воскресных школ; в городах Владивостоке, Улан-Удэ, Магадане, Якутске, Мирном, Петропавловске-Камчатском, Хабаровске работают православные гимназии, первая из них была открыта во Владивостоке в 1997 г., последняя – в Хабаровске в 2019 г.; в двух епархиях (Владивостокской, Якутской) работают духовные училища; 1 сентября 2005 г. начались занятия в первой высшей духовной школе – Хабаровской Духовной Семинарии, – созданной 10 июня 2005 г. решением Священного Синода РПЦ (МП) по предложению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с целью подготовки духовенства для дальневосточных епархий, а 6 октября 2011 г. в Духовную Семинарию было преобразовано Якутское духовное училище.

Каждая епархия имеет православные периодические издания или программы в СМИ, рассчитанные на широкую аудиторию. В своей структуре дальневосточные епархии имеют следующие отделы: миссионерский, молодежный, религиозного образования и катехизации, по взаимодействию с Вооруженными Силами, по тюремному служению, по взаимодействию с правоохранительными органами, по взаимодействию со СМИ, по церковной благотворительности и социальному служению, по связям с общественностью и ряд других [6, с. 298–334].

Православие на территории Дальнего Востока представлено не только сторонниками Московского Патриархата, но и последователями Апостольской православной церкви (АПЦ)¹, а также старообрядцами.

Приходы АПЦ существуют на территории Республики Бурятия в г. Северобайкальск, в пос. Таксимо, Муя, Новый Уоян.

Старообрядческие общины активно функционировали на территории ДФО до октября 1917 г. В Забайкалье это были потомки русских старообрядцев, посланных сюда в конце XVIII в. за участие в антиправительственных бунтах и высланных в середине XIX в. из бывших польских владений. Их селили семьями, поэтому их стали называть семейскими. Уходя от преследования властей и малоземелья, они активно переселялись на новые земли² и сыграли значительную роль в хозяйственном освоении дальневосточного региона. В результате репрессий и массовой эмиграции количество старообрядцев резко сократилось, но тем не менее немногочисленные незарегистрированные общины продолжали существовать весь советский период в Амурской и Магаданской областях, в Хабаровском и Приморском краях, в Забайкалье и Республике Бурятия. В силу специфики быта, закрытости миру, стремления сохранить в чистоте вероучительную и культовую сторону своего вероучения старообрядцы не доставляли органам власти особого беспокойства. Религиозная жизнь протекала в семейном кругу или индивидуально.

Возрождение старообрядчества на территории региона начинается в конце 1980-х гг. Наиболее активно этот процесс шел в Приморье. В северных районах края сохранились небольшие общины часовенного и федосеевского согласия; на юге, в городах Большом Камне, Владивостоке и Уссурийске сложились общины белокриницкого согласия, в которых значительную часть составляют верующие молодого возраста. Они смогли наладить религиозную

¹ **Апостольская православная церковь (АПЦ)** – российское религиозное объединение, зарегистрированное Министерством юстиции РФ 6 мая 2004 г.; малочисленная церковная группа, относящаяся к альтернативному (неканоническому православию) русской традиции либеральной ориентации. Во главе иерархии стоит митрополит Виталий (*Виталий Юрьевич Кужеватов*), Митрополит Московский и Всероссийский; секретарь Священного Синода АПЦ – Глеб Якунин. Создателями АПЦ выступили бывший священник РПЦ Глеб Якунин, митрополиты Русской истинно-православной церкви (РИПЦ) Виталий (*Кужеватов*) и Стефан (*Линицкий*), бывший заштатный игумен Ставропольской епархии РПЦ Кириак (*Темериди*). 31 января 2000 г. на пресс-конференции в Национальном институте прессы была оглашена декларация о создании общественного движения "За возрождение православия". На основе положений декларации была создана Православная церковь "Возрождения", 13 мая 2000 года переименованная в Апостольскую православную церковь (АПЦ).

² В кон. XIX – нач. XX в. многие из них переселились в Якутию, к Аянскому тракту, на Амур и в Приморье.

Таблица 3. Динамика роста протестантских религиозных объединений в ДФО
 Table 3. The dynamics of growth of Protestant religious associations in the Far Eastern Federal District

Регион ДФО	1990	2000	2021
Приморский край	34	169	172
Хабаровский край	36	85	92
Амурская область	12	68	30
Камчатская край (область)	3	14	23
Магаданская область	3	37	14
Сахалинская область	4	74	62
Еврейская автономная область	1	7	17
Чукотский автономный округ	0	3	5
Забайкальский край	н/д	7	19
Республика Бурятия	н/д	27	45
Республика Саха (Якутия)	н/д	27	53
ИТОГО:	93	518	532

Источник: составлено на основе материалов текущих архивов отделов по связям с общественными и религиозными организациями администраций субъектов, входящих в Дальневосточный федеральный округ и Текущих архивов Управлений Минюста РФ по субъектам ДФО

Source: compiled by the author on the basis of materials from the current archives of departments for relations with public and religious organizations of the administrations of the constituent entities of the Far Eastern Federal District and the current archives of the departments of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the constituent entities of the FEFD.

жизнь и приобрели такое влияние, что в Белокрыницкую Церковь перешли старообрядцы-беспоповцы, проживающие в этих регионах.

В октябре 1998 г. Собор Русской Православной Старообрядческой Церкви (РПСЦ) принял решение о воссоздании Дальневосточной епархии [11]. Первоначально новая епархия находилась во временном управлении епископа Новосибирского и всея Сибири Силуяна (в миру *Симона Анфиногеновича Килина*).

В феврале 2005 г. правящим архиереем возрождённой Уссурийской и всего Дальнего Востока епархии был утверждён епископ Герман (в миру *Юрий Иванович Савельев*), однако осенью 2007 г. он ушёл в раскол, за что был лишён сана; 25 апреля 2010 г. во епископа Уссурийского и всего Дальнего Востока был рукоположен священноинок Патермуфий (в миру *Пётр Гаврилович Артемихин*). Постоянным местом служения стал кафедральный храм Покрова Пресвятой Богородицы в г. Хабаровске.

22 октября 2010 г. решением Архиерейского собора РПСЦ было восстановлено историческое название епархии – "Иркутско-Амурская и всего Дальнего Востока" с включением в неё Иркутской области. 21 октября 2014 г. решением Освященного Собора Русской православной старообрядческой церкви Иркутско-Амурская и всего Дальнего Востока епархия была поделена на Иркутско-Забайкальскую и Хабаровскую и всего Дальнего Востока. Хабаровскую и всего Дальнего Востока епархию с октября 2018 г. временно возглавляет епископ Григорий (в миру *Геннадий Васильевич Коробейников*).

По начавшей действовать в 2007 г. государственной программе содействия переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, из Уругвая и Боливии на Дальний Восток переехали старообрядцы, в основном потомки выходцев из Приморского края. Реэмигранты-беспоповцы из Южной Америки компактно проживают в нескольких населенных пунктах Приморского края и Амурской области.

В настоящее время на территории ДФО действует 19 старообрядческих общин: 10 в Республике Бурятия, 4 – в Приморском крае, 2 – в Забайкаль-

ском крае, по одной в Хабаровском крае, Амурской области и Республике Саха (Якутия).

Довольно прочные позиции на территории ДФО занимает протестантизм. На территории округа зарегистрирована 532 протестантская церковь, что составляет 35,35% от общего количества зарегистрированных в ДФО религиозных объединений. Наиболее распространенными являются христиане веры евангельской (192), евангельские христиане (90), евангельские христиане-баптисты (70) и адвентисты седьмого дня (55). Данные конфессии, особенно на юге Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, Амурская область), занимали прочные позиции и в советское время, и должны восприниматься как традиционные, в дополнение к более традиционным, исторически признанным [10; 12; 13].

Активно началось в 1990-е гг. возрождение пресвитерианства и методизма. Общины пресвитериан и методистов появились на Дальнем Востоке благодаря миссионерам из США, проповедовавшим среди российских корейцев, в начале XX в. и просуществовали вплоть до депортации корейцев с территории Дальнего Востока в Казахстан в 1937-1938 гг. В настоящее время в регионе действует 88 объединений пресвитериан: 52 из них на территории Приморского края, 13 – Хабаровского края и 16 – Сахалинской области; 6 – методистов, 4 из которых на территории Приморья. В Приморском крае зарегистрированы 4 духовных учебных заведений методистов и пресвитериан (3-пресвитериан и 1 –методистов). В значительной степени укреплению позиций методистов и пресвитериан способствовала деятельность зарубежных религиозных миссий, которые активно начали работать на территории Дальнего Востока после принятия ФЗ "О свободе вероисповедания" (1990). Сокращение количества зарегистрированных протестантских религиозных организаций в Амурской, Магаданской и Сахалинской областях свидетельствует только о том, что данные организации продолжают действовать вне правового поля.

Возрождение организованной религиозной жизни дальневосточных лютеран связано с личностью гамбургского пастора Манфреда Брокманна, который в мае 1992 г. приехал в отпуск, а в сентябре 1993 г. переехал во Владивосток на постоянное место жительства. 7 ноября 1993 г. епископ Георг Кречмар и суперинтендант Николай Шнайдер ввели его в должность пастора лютеранской церкви Св. Павла и пропта (духовного главы) лютеранских приходов Дальнего Востока.

Благодаря активности М. Брокмана в 1990-е гг. лютеранские общины возникли в Хабаровске (1994), Комсомольске-на-Амуре (1995 г.), Уссурийске (1997), Арсеньеве (1999). В ряде населенных пунктов возникли "кружки" российских немцев, которые в 2000-е гг. были преобразованы в общины.

Евангелическо-лютеранская церковь Дальнего Востока России оказывала и оказывает значительное влияние на социальную и культурную жизнь региона. Одним из наиболее значимых социально-культурных проектов являются Дни немецкой культуры, которые проводятся ежегодно с 1993 г. Организаторами данного проекта являются евангелическо-лютеранская община Св. Павла во главе с М. Брокманном.

В настоящее время на территории региона действует 9 лютеранских религиозных организаций и несколько религиозных групп [8, с. 45–56].

Похожим образом возродилась на Дальнем Востоке и Римско-католическая церковь, её возрождение связано с деятельностью католического священника из США Мирона (Майрона) Эффинга [9, с. 172–208].

С самого начала своей деятельности католический приход г. Владивостока включился в культурную жизнь приморской столицы. В нем проводятся концерты органной музыки и профессиональных певцов, периодически проходят конференции с приглашением научной общественности г. Владивостока. Приход выпускает свою газету и пр.

В 1990-е гг. католические приходы возникли в Хабаровске (1992), Благовещенске (1992), Магадане (1993), Южно-Сахалинске (1992), Петропавловске-Камчатском (1998) и в других городах Дальнего Востока, но центром религиозной жизни католиков Дальнего Востока продолжает оставаться католический приход Пресвятой Богородицы г. Владивостока.

До революции в Якутии, где в настоящее время действует 4 католических прихода, католицизм был исключительно религией ссыльных поляков

и литовцев и по численности занимал второе положение после православия. Это дает католикам основания утверждать, что католичество является для Якутии "традиционной религией". Однако в настоящее время потомки поляков не проявляют большой активности, и католические общины в Республике Саха (Якутия) являются по преимуществу русскими, но начинает расти представительство в католических общинах якутов – 12 % от общего числа членов. Большую часть состава католических общин Республики Саха (Якутия) составляет интеллигенция [19].

Католические приходы ДФО уделяли большое внимание, особенно в 1990-е гг., благотворительной работе. Католики осуществляли свои благотворительные программы через представительства католической благотворительной организации "Каритас", которая впервые была зарегистрирована в 1993 г. в г. Владивостоке. Позднее отделения данной организации появились при всех католических приходах ДФО.

Приоритетными направлениями деятельности "Каритас" являлись: *медицинская помощь* для инвалидов, малоимущих, одиноких пенсионеров, многодетных семей; *социальная программа*, включающая приобретение продуктов питания, одежды, благотворительные обеды и духовное общение; *социально-психологическая программа поддержки женщин* (просвещение женщин в вопросах абортот и контрацепции, сохранение здоровья матери и жизни ребенка).

Возрождение религиозной жизни мусульман в Дальневосточном федеральном округе, начавшееся также с 1990-х гг., сопровождалось конфликтами как с органами власти и представителями других религий, так и конфронтацией внутри самих мусульманских общин.

Одним из социальных рисков и угроз для дальневосточной периферии России, напрямую связанных с процессом исламского возрождения, является миграция: интенсивные внутренние миграционные потоки, характерные для постсоветской России, привели к появлению мусульманских общин вдали от традиционных регионов, в которых исповедуется ислам, – от Дальнего Востока до Крайнего Севера. В результате к Северному Кавказу и Поволжью добавляется еще один регион с сильным мусульманским влиянием, получивший в научной литературе название "полярный ислам" [20]. В ДФО устремляется безработная молодежь Кавказа и Центральной Азии, поэтому "полярная" умма неуклонно количественно растет.

Современное мусульманское сообщество в Дальневосточном федеральном округе представлено 42 официально зарегистрированными религиозными организациями, относящимися к нескольким структурам федерального уровня – прежде всего к Центральному духовному управлению мусульман России (ЦДУМ) (11 общин), Духовному управлению мусульман Азиатской части России (ДУМАЧР) (5 общин) и Духовному управлению мусульман РФ (22 общины), между которыми на протяжении двадцати лет идет конкурентная борьба. Есть и полностью независимые (4) общины. Большинство организаций имеет пестрый этнический состав (во многих общинах председателями являются выходцы из Центральной Азии, а имамами – с Северного Кавказа) [16].

Мусульмане российского Дальнего Востока консолидируются по земляческому признаку: выходцы из Поволжья – татары, башкиры; представители Кавказа – чеченцы, аварцы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки и ингуши; представители центрально-азиатских государств – узбеки, таджики. Взаимоотношения этих групп по вопросу лидерства очень сложные. Так, например, мусульманские религиозные организации Приморского края возглавляют представители старожильческой части населения – татары, зато активнее посещают моленные дома узбеки. Более религиозны выходцы из республик Северного Кавказа, менее религиозны татары и азербайджанцы. При сохранении интенсивности миграционных потоков из государств Центральной Азии роль исламского фактора в общественных взаимоотношениях в ДФО будет возрастать.

Участие татар в религиозной жизни мусульман в Дальневосточном федеральном округе сравнительно скромное, в мечеть они почти не ходят. Большинство приходящих на пятничный намаз – узбеки, таджики и выходцы с Северного Кавказа. Поэтому в ряде регионов ДФО у истоков исламского воз-

рождения оказались приезжие с Северного Кавказа и из Центральной Азии [16, с. 396].

Выходцы из Северного Кавказа (Дагестан, Чечня, Ингушетия) заложили основу мусульманских общин в Якутии, Приморском крае, в г. Сусуман Магаданской области. Выходцы из Средней Азии (Таджикистан и Узбекистан) стояли у основания ряда общин Приморского края, Амурской области и Еврейской автономной области [16, с. 350]. Где-то они действовали сообща, поэтому для Дальневосточного региона не редкость такое сочетание – председатель мусульманской общины – выходец из Средней Азии, а имам – выходец из Северного Кавказа. Татары среди руководителей мусульманских общин представлены в Сахалинской и Магаданской областях, в Хабаровском крае, а также в Приморье и Якутии.

Внутри дальневосточной мусульманской уммы существуют заметные этноконфессиональные различия: уроженцы российского Поволжья – Татарстана и Башкирии – придерживаются более традиционной, умеренной версии ислама, чем выходцы из республик Северного Кавказа и государств Центральной Азии. В полном соответствии с данными социологов о том, как в принимающем обществе функционируют мигрантские сообщества, выходцы из южных мусульманских регионов формируют свои диаспоральные сетевые структуры, которые берут на себя работу с вновь прибывающими мигрантами. У этих структур есть неформальные лидеры, которые иногда более авторитетны, чем имамы и другие официальные руководители.

Недавно приехавшие мигранты, не будучи религиозными на родине, активно исламизируются. Они едут на Дальний Восток не наобум, а по приглашению каких-то своих земляков, которые предлагают им работу в торговле (в магазинах или на рынках) или строительстве.

С самого начала иммигрант имеет дело с представителями общины – договоренности о трудоустройстве, съеме жилья, установка деловых и соседских связей часто возникает на встречах в халяльном кафе или в мечети. В результате такого общения мигранты начинают принимать более радикальные версии ислама, который приносят с собой выходцы из кавказских регионов России и стран Центральной Азии.

Реисламизация мигрантов изменила порядок урегулирования споров: если раньше они разрешались "по понятиям" через криминал, то сейчас – преимущественно по адатам, по договоренности между конфликтующими сторонами. Транснациональные сети перехватили инициативу у официальных организаций. Развитие сетевого активизма показывает тщетность аппаратных игр религиозных и светских властей вокруг муфтиятов, поскольку они не играют ключевой роли.

Одним из проявлений "исламского возрождения" в Дальневосточном федеральном округе является появление здесь последователей радикального (салафитского) ислама. В ДФО действовали или действуют несколько радикальных организаций, состоящих как из мигрантов, так и из местного мусульманского населения. В их числе "Исламская партия Туркестана" (ИПТ, прежнее название – "Исламское движение Узбекистана" – ИДУ), "Хизб ут-Тахрир аль-Ислами", "Имарат Кавказ", "Таблиги Джамаат", "Нурджулар", "Хайят Тахрир аш-Шам", "Джебхат ан-Нусра", "Катиба Таухид валь-Джихад" и др. (Все перечисленные организации признаны в РФ экстремистскими и террористическими и запрещены).

27 августа 2015 г. секретарем Совета безопасности РФ Н.П. Патрушевым было сделано заявление о проникновении на Дальний Восток "Исламского государства" (ИГ), деятельность которого в России запрещена судом. Глава Совбеза отмечал, что террористическая группировка "Исламское государство" пытается вербовать в свои ряды трудовых мигрантов, которые работают на Дальнем Востоке России. По его словам, "сейчас как в таежных поселках, так и в крупных городах Дальнего Востока пытаются незаконно легализоваться граждане других государств, среди которых могут быть и подозреваемые в причастности к международным террористическим и экстремистским организациям и незаконным вооруженным формированиям", что в дальневосточном регионе "в той или иной степени отмечаются угрозы национальной безопасности" [1].

В различных регионах ДФО деятельность салафитских организаций имеет свою специфику, наиболее активно салафитские организации действовали в регионе в нулевые и десятые годы. Несмотря на то что в последнее время деятельность радикалов по ряду обстоятельств значительно снизилась, угроза дестабилизации обстановки как в России в целом, так и на территории ДФО в частности по-прежнему сохраняется.

Возрождение иудаизма на Дальнем Востоке России началось с Еврейской автономной области. В 1989 г. в Биробиджане был создан клуб возрождения еврейской культуры "Эйникайт". Члены клуба проявили интерес к иудаизму и положению Биробиджанской синагоги. Руководитель клуба, написал письмо единоверцам во Франкфурт с просьбой прислать религиозную литературу. На просьбу откликнулся Лео Рейнхардт, который прислал несколько экземпляров Талмуда и Танаха и заверил членов клуба "Эйникайт", что готов поставить безвозмездно 20 тонн религиозной литературы. При поддержке еврейских обществ в стране и за рубежом процесс восстановления иудейской общины в ЕАО с начала 1990-х гг. стал интенсивным.

В 1997 г. благодаря финансовой поддержке Американского еврейского распределительного комитета "Джойнт" была образована религиозная община "Фрейд". Ее председателем стал Л.Г. Тойтман, возглавлявший общину вплоть до своей кончины в 2007 г. При общинном центре стали работать 10 клубов по интересам – от спортивных, молодежных до тех, которые имеют религиозно-культурную направленность и куда входят люди среднего и старшего возраста.

Возрождение еврейских религиозных общин во Владивостоке и Хабаровске произошло в 1993 г. Долгое время владивостокскую общину возглавлял Владимир Янкелевич [24]. Вместе с религиозными общинами стали возрождаться еврейские культурные центры. Общественность региона негативно оценивает деятельность ряда еврейских организаций (например, Сохнут), ориентированную на побуждение молодых дальневосточников еврейской национальности к выезду на историческую родину. В настоящее время на территории ДФО действует 15 иудейских общин, 6 из них в Приморском крае.

После депортации с территории Дальнего Востока народов, традиционно исповедующих буддизм (китайцев, корейцев и японцев), буддийская традиция в регионе сохранилась только в Бурятии и Забайкалье – традиционных буддийских регионах. В среде российских бурят в основном распространены буддизма школы Гелуг-па.

Новый этап в истории буддизма на российском Дальнем Востоке начался в 1990-е гг. Но возникшие в этот период буддийские общины не имеют исторической преемственности с общинами прошлого и представляют другие направления буддийского учения. Это школы "Карма Кагью" (первоначальное название "Карме Че Линг"), "Дзог-чен", "Вон-буддизм" (вонбульгё) и др. [5, с. 74–78].

В Приморском и Хабаровском краях, Амурской области интерес к учению буддийской школы Карма-кагью появились в 1993 г., после посещения Дальнего Востока Оле Нидалом (Дания), который в январе 1994 г. с целой группой иностранцев и российских миссионеров прибыл на Дальний Восток. На волне интереса к различной экзотике, в том числе к восточным учениям, лекции Оле Нидала вызвали большой интерес и стали возникать небольшие религиозные группы [5, с. 78–80].

В настоящее время в ДФО зарегистрировано 100 буддийских общин, 76 из них школы Гелуг-пе в Республике Бурятия и 10 – в Забайкальском крае, в регионах традиционного распространения буддизма. В Камчатском крае, Магаданской области, ЕАО и ЧАО за весь послесоветский период не возникло ни одного буддийского религиозного объединения.

На территории Республики Бурятия и Забайкальского края зарегистрированы 21 религиозная организация аборигенных народов (буряты, эвенки, якуты и др.) – шаманизм.

Несмотря на то, что шаманизм – ранняя и достаточно древняя форма религии, он продолжает активно развиваться и по сей день. 27 мая 2019 в Улан-Удэ был открыт первый в России шаманский храм – "Тэнгэрин Ордон" (Дворец неба). В день открытия перед входом разожгли два очищающих костра, через которые провели всех верующих, затем в новом храме был прове-

дён обряд благополучия. Новый храм вмещает более трехсот верующих. Его строили шесть лет на добровольные пожертвования прихожан; спонсорскую помощь меценатов и правительства Республики Бурятия. В "Тэнгэрин Ордон" не только проводят молебны, но и занимаются исследовательской работой и собирают архив. В дальнейшем в храме планируют открыть музей шаманизма [2].

В Республике Саха (Якутия) зарегистрированы 6 религиозных организаций Аар Айбы – древней религии народа саха. Проповедниками религии Аар Айбы, посредниками между богами и людьми являются Айбы – шаманы. Интерес к религии Аар Айбы в Якутии растет год от года. В ряде населенных пунктов Республики Саха (Якутия) построены культовые сооружения – дома Арчы [33].

Из так называемых "нетрадиционных религий" в ДФО имеет официальную регистрацию Вера Бахаи (7), Общество Сознания Кришны (вайшнавы, 4) и Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны, 3). Некоторые из "нетрадиционных религий" зарегистрировались как общественные организации, большая же часть действует без организации юридического лица, как религиозные группы. В 1990-е–2000-е годы конфессиональное разнообразие "нетрадиционных религий" в Приморском и Хабаровском краях достигало 30-40 наименований. Большая часть из них в настоящее время прекратили свою деятельность.

Данные, приведенные в *таблице 1*, учитывают только зарегистрированные религиозные объединения. Одновременно с ними, в ДФО действуют незарегистрированные религиозные группы различных вероисповеданий, например, снятые с регистрации и запрещенные Верховным судом РФ в 2017 г. как экстремистские Свидетели Иеговы; часть протестантских религиозных организаций Амурской, Сахалинской и Магаданской областей ушли с правового поля и действуют как религиозные группы и пр.

Основываясь на данных, которыми располагают сотрудники отделов по связям с общественными и религиозными организациями субъектов ДФО, мы предполагаем, что незарегистрированных религиозных групп различных вероисповеданий приблизительно столько же, сколько и зарегистрированных или немногим меньше.

Выводы

Подводя итог анализу процессов, происходящих в религиозной сфере на территории Дальневосточного федерального округа можно сделать несколько выводов.

Во-первых, в многонациональном и поликонфессиональном дальневосточном регионе, где процесс "религиозного возрождения" сопровождался конфликтами ряда конфессий с органами власти и напряженными межконфессиональными отношениями, религия способствует самоидентификации религиозно-этнической группы, ее интеграции и сплочению перед лицом господствующей социальной группы, исповедующей другую религию (православие): поляки – католики, немцы – лютеране, татары – мусульмане, евреи – иудеи и др. В регионе, где проживают представители более 120 народов России, культурно-конфессиональная самоидентификация способствует как сохранению национальной самобытности, так и поиску основ межконфессионального и межэтнического диалога.

Во-вторых, религиозная ситуация в ДФО в последние годы определяется несколькими основными тенденциями: а) благодаря усиленной поддержке государственных органов активизируется деятельность РПЦ (МП), особенно в сфере школьного образования, вооруженных сил и финансово-имущественных отношений с государством; б) несмотря на нежелание органов власти признавать за ними статус "традиционных для региона религий", прочные позиции продолжают занимать в ДФО протестантские церкви, что связано не столько с финансовой поддержкой зарубежных религиозных центров, сколько с наличием значительного опыта деятельности в неблагоприятных условиях, полученного еще в годы советской власти; в) удельный вес "нетрадиционных религий" (новых религиозных движений – НРД) в Дальневосточном федеральном округе крайне мал, однако в СМИ продолжает присутствовать тема

НРД, причем преимущественно в порицательной тональности, что вызывает неприязнь к этим сообществам и к людям к ним принадлежащим.

В-третьих, хотя в ДФО в настоящее время сохраняется спокойная ситуация по поводу религии (нет открытых конфликтов на религиозной почве и явных мотивов к возникновению таковых), потенциал конфликтности, так или иначе связанный с религией, существует. Этот потенциал обусловлен рядом объективных характеристик населения ДФО, основные из них – полиэтничность и поликонфессиональность. В результате трудовой и социальной миграции в ряде субъектов ДФО формируется регион с сильным мусульманским влиянием, получивший в научной литературе название "полярный ислам". Недостаточно контролируемые миграционные процессы привели к появлению в дальневосточной мусульманской умме значительного мусульманского населения с иной, не российской идентичностью. В этих условиях проблемы сохранения межконфессионального мира и целостности Российского государства становятся особо актуальными.

В-четвертых, во всех регионах ДФО с разной интенсивностью идет процесс ревитализации религии и повышения уровня религиозности населения, особое место в процессе религиозного возрождения отводится "традиционным" религиям, потенциал которых, за исключением православия, не особенно велик. Стремление органов власти субъектов ДФО укрепить позиции "традиционных" религий, оказывать им всяческую помощь и поддержку вызваны "озабоченностью" сохранением у жителей культурной идентичности, политической, экономической и духовной безопасности страны. Нам представляется, что в вопросе сохранения культурно-национальной идентичности дальневосточников государству во многом могли бы помочь такие протестантские конфессии, как баптизм, евангельское христианство, адвентизм и пятидесятничество.

Литература

1. Глава Совбеза: ИГИЛ на Дальнем Востоке вербует мигрантов. [Электронный ресурс]. URL: <https://nazaccent.ru/content/17366-glava-sovbeza-igil-na-dalnem-vostoke.html> (дата обращения: 25.02.2022).
2. Дамбаев Б., Мигоцкая Т. В Улан-Удэ открыли первый в России шаманский храм [Электронный ресурс]. URL: <https://bgtrk.ru/news/society/173364/> (дата обращения: 28.02.2021).
3. Данилов В.Л. Современная религиозная ситуация в Казахстане как угроза безопасности России // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2018. № 2(5). С. 202–209.
4. Дашковский П.К., Шершнева Е.А., Бичелдей У.П., Монгуш А.В. Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. 2021, № 2. С. 18–34.
5. Дударёнок С.М. Буддийская традиция на российском Дальнем Востоке: история и современность // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII Международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 22–23 мая 2017 г.). Вып. 7 / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. С. 74–78.
6. Дударёнок С.М. Возрождение православия на Дальнем Востоке России в конце 1980-х – 1990-е годы // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 1(33). С. 298–334.
7. Дударёнок С.М. Особенности формирования и тенденции развития религиозного пространства Дальнего Востока в постсоветских период // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2015. Вып. 52. С. 323–345.
8. Дударёнок С.М., Сердюк М.Б. Возрождение лютеранской религиозной традиции на российском Дальнем Востоке (90-е гг. XX – начало XXI вв.) // Вопросы культурологии. 2017. № 10. С. 45–56.
9. Дударёнок С.М., Федирко О.П. Возрождение и развитие протестантизма и католицизма на Дальнем Востоке России в 1990-е годы // Журнал фронтальных исследований / Journal of Frontier Studies. 2020. № 4. С. 172–208.
10. Дударёнок С.М., Федирко О.П. Церковь христиан адвентистов седьмого дня Дальнего Востока Российской империи и СССР (1910-1990-е гг.): монография / под ред. С.М. Дударёнок (отв. редактор) [Серия "Религиозная жизнь Дальнего Востока России"]. М.: Источник жизни, 2021. 475 с.: ил.
11. Елисеев Е. Е. Роль съездовского движения мирян в становлении Дальневосточной епархии РПСЦ // Старообрядчество: история и культура: Сб. ст. Барнаул, 2003. Вып. 2.
12. История евангельских христиан-баптистов Дальнего Востока России в XIX-XX вв.: монография; [под ред. С.М. Дударёнок, О.П. Федирко, М.С. Чернявского]. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2021. 556 с.: ил.

13. История христиан веры евангельской (пятидесятников) Дальнего Востока России (1920-е – конец 1980-х гг.): монография / Под редакцией: Федирко О.П. (отв. редактор), Дударёнок С.М., Устинова А.Г. [Религиозная жизнь Дальнего Востока России] М.: ООО "Терция", 2018. 464 с.
14. Козин В.В., Фадеева И.М. Религиозная ситуация в Республике Мордовия [Электронный ресурс] : монография / Науч. центр соц.-экон. мониторинга. URL: <http://ncsem.e-mordovia.ru/Documents/Publications/978-5-7103-4183-4.pdf> (дата обращения 02.12.2021).
15. Муртазин М.Ф. Религиозная ситуация в современном Азербайджане // Россия и новые государства Евразии. 2021. № II (LI). С. 163–179.
16. Мусульмане на Дальнем Востоке России: история и современность (монография). А.С. Гарифулин, Р.Н. Павлинова, Д.В. Руденкин, А.Н. Старостин /автор-составитель, главный редактор А.Н. Старостин; руководитель проекта, отв. редактор А.С. Гарифуллин. Казань: Типография "Алгоритм+", 2020. 656 с.
17. Мчедлова М.М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 110–118.
18. Нестерова А.Г. Динамика религиозной ситуации в Волгоградской области (2011-2014 гг.) // Научный результат. Социология и управление. 2015. Том 1. Вып. №1. URL: <http://rrsociology.ru/journal/article/377/> (дата обращения: 29.01.2022).
19. Николаев А. Современная религиозная ситуация в Республике Саха (Якутия): проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://www.religare.ru/2_43720.html (дата обращения: 28.02.2021).
20. Омаров М.А., Магомедов А.К. Полярный ислам в постсоветской России: рождение феномена в контексте "новой" этно-социальной мобильности // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2020. № 4. С. 103–113. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polyarnyy-islam-v-postsovetskoj-rossii-rozhdenie-fenomena-v-kontekste-novoy-etno-sotsialnoy-mobilnosti> (дата обращения: 29.01.2022).
21. Поминова И.С., Кузнецов С.Ю. Современная религиозная ситуация в России // Молодежь и современный мир: психологические проблемы взаимодействия. сборник научных трудов. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2021. С. 126–131.
22. Поспелова А.И. Религиозные объединения в Магаданской области: взаимоотношения с государством и обществом // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. М.: РОИР, 2004. С. 276–283.
23. Потапова Н.В. Островной мир Северной Пасифики, как "контактная зона": этно-конфессиональный аспект (на примере Сахалина и Курильских островов) // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы. сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума: в 2 т. Симферополь, 2021. С. 141–147.
24. Прикоснувшись к истории. Еврейская диаспора Дальнего Востока России. XIX–XXI век. Владивосток: Еврейский религиозно-культурный центр, 2000. 176 с.
25. Религиозная ситуация в российских регионах: тезисы докладов и сообщений Седьмой всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 8–9 октября 2020 г.) / отв. за выпуск к.и.н., доц. А.А. Морозов. Омск: Омская академия МВД России, 2020. 108 с.
26. Религиозная ситуация на Северо-Западе: традиционные религии/религиозные традиции: кол. монография по материалам Международной научной конференции (Бюллетень Центра этно-религиозных исследований. № 2 (10). 2018). СПб.: Издательство "Любавич", 2018. 188 с.
27. Смирнов М.Ю. Религиозная ситуация в регионе как внутривластный фактор // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Том 18. Вып. 4. С. 195–202.
28. Федирко О.П., Владимиров Д.А. Религиозное неравенство на Дальнем Востоке через призму судебной практики (2016–2019 гг.) // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7 (109). Ч. 4. С. 192–197.
29. Элбакян Е.С. Глобальное и этноконфессиональное в религиозной ситуации на постсоветском пространстве // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2014. Т. 2. № 3. С. 121–132.
30. Энциклопедический словарь социологии религии / Под редакцией М.Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. 508 с.
31. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: ИЭА РАН, 2018. 561 с.
32. Этнорелигиозные процессы в трансграничном пространстве Западной Сибири, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики в XX – начале XXI в.: коллективная монография / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. 268 с.
33. Яковлев А.И., Яковлева К.М. // Неоязыческие культовые сооружения в современном якутском селе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoyazycheskie-kultovye-sooruzheniya-v-sovremennom-yakutskom-sele/viewer> (дата обращения 01.03.2022).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Glava Sovbeza: IGIL na Dal'nem Vostoke verbuet migrantov. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://nazaccent.ru/content/17366-glava-sovbeza-igil-na-dalнем-vostoke.html> (data obrashheniya: 25.02.2022).
2. Dambaev B., Migotskaya T. V Ulan-Udeh odkryli pervyj v Rossii shamanskij khram [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://bgtrk.ru/news/society/173364/> (data obrashheniya: 28.02.2021).
3. Danilov V.L. Sovremennaya religioznaya situatsiya v Kazakhstane kak ugroza bezopasnosti Rossii // Vestnik Omskoj Pravoslavnoj Dukhovnoj Seminarii. 2018. № 2(5). S. 202–209.
4. Dashkovskij P.K., SHershneva E.A., Bicheldej U.P., Mongush A.V. Religioznaya situatsiya v Respublike Tyva (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) // Novye issledovaniya Tuvy. 2021. № 2. S. 18–34.
5. Dudaryonok S.M. Buddijskaya traditsiya na rossijskom Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremenost' // Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (Blagoveshhensk – KHehjkheh, 22–23 maya 2017 g.). Vyp. 7 / Otv. red. D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. Blagoveshhensk: Izd-vo BGPU, 2017. S. 74–78.
6. Dudaryonok S.M. Vozrozhdenie pravoslaviya na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse 1980-kh – 1990-e gody // Vestnik Ekaterinburgskoj dukhovnoj seminarii. 2021. № 1(33). S. 298–334.
7. Dudaryonok S.M. Osobennosti formirovaniya i tendentsii razvitiya religioznogo prostranstva Dal'nego Vostoka v postsovetских period // Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noj istorii. 2015. Vyp. 52. S. 323–345.
8. Dudaryonok S.M., Serdyuk M.B. Vozrozhdenie lyuteranskoj religioznoj traditsii na rossijskom Dal'nem Vostoke (90-e gg. XX – nachalo XXI vv.) // Voprosy kul'turologii. 2017. № 10. S. 45–56.
9. Dudaryonok S.M., Fedirko O.P. Vozrozhdenie i razvitiye protestantizma i katolitsizma na Dal'nem Vostoke Rossii v 1990-e gody // ZHurnal frontirnykh issledovanij / Journal of Frontier Studies. 2020. № 4. S. 172–208.
10. Dudaryonok S.M., Fedirko O.P. TSerkov' khristian adventistov sed'mogo dnya Dal'nego Vostoka Rossijskoj imperii i SSSR (1910-1990-e gg.): monografiya / pod red. S.M. Dudaryonok (otv. redaktor) [Seriya "Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii"]. M.: Istochnik zhizni, 2021. 475 s.: il.
11. Eliseev E. E. Rol' s"ezdovskogo dvizheniya miryan v stanovlenii Dal'nevostochnoj eparkhii RPSTS // Staroobryadchestvo: istoriya i kul'tura: Sb. st. Barnaul, 2003. Vyp. 2.
12. Istoriya evangel'skikh khristian-baptistov Dal'nego Vostoka Rossii v XIX-XX vv.: monografiya; [pod red. S.M. Dudaryonok, O.P. Fedirko, M.S. CHernyavskogo]. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2021. 556 s.: il.
13. Istoriya khristian very evangel'skoj (pyatidesyatnikov) Dal'nego Vostoka Rossii (1920-e – konets 1980-kh gg.): monografiya / Pod redaktsiej: Fedirko O.P. (otv. redaktor), Dudaryonok S.M., Ustinova A.G. [Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii] M.: OOO "Tertsiya", 2018. 464 s.
14. Kozin V.V., Fadeeva I.M. Religioznaya situatsiya v Respublike Mordoviya [EHlektronnyj resurs]: monografiya / Nauch. tsentr sots.-ehkon. monitoringa. URL: <http://ncsem.e-mordovia.ru/Documents/Publications/978-5-7103-4183-4.pdf> (data obrashheniya 02.12.2021).
15. Murtazin M.F. Religioznaya situatsiya v sovremennom Azerbajdzhane
16. // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2021. № II (LI). S. 163–179.
17. Musul'mane na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya i sovremenost' (monografiya). A.S. Garifulin, R.N. Pavlinova, D.V. Rudenkin, A.N. Starostin /avtor-sostavitel', glavnyj redaktor A.N. Starostin; rukovoditel' proekta, otv. redaktor A.S. Garifullin. Kazan': Tipografiya "Algoritm+", 2020. 656 s.
18. Mchedlova M.M. Religiya, obshchestvo, gosudarstvo: vyzovy i ugrozy sovremenosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2016. № 10. S. 110–118.
19. Nesterova A.G. Dinamika religioznoj situatsii v Volgogradskoj oblasti (2011-2014 GG.) // Nauchnyj rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie. 2015. Tom 1. Vyp. №1. URL: <http://rrsociology.ru/journal/article/377/> (data obrashheniya: 29.01.2022).
20. Nikolaev A. Sovremennaya religioznaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya): problema i perspektivy [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.religare.ru/2_43720.html (data obrashheniya: 28.02.2021).
21. Omarov M.A., Magomedov A.K. Polyarnyj islam v postsovetской Rossii: rozhdienie fenomena v kontekste "novoj" etno-sotsial'noj mobil'nosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (EHlektronnyj zhurnal). 2020. № 4. S. 103–113. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polyarnyy-islam-v-postsovetской-rossii-rozhdienie-fenomena-v-kontekste-novoy-etno-sotsialnoy-mobilnosti> (data obrashheniya: 29.01.2022).
22. Pominova I.S., Kuznetsov S.YU. Sovremennaya religioznaya situatsiya v Rossii // Molodezh' i sovremennyj mir: psikhologicheskie problemy vzaimodejstviya. sbornik nauchnykh trudov. Tambov: Izd-vo Tambovskogo gos. un-ta, 2021. S. 126–131.
23. Pospelova A.I. Religioznye ob"edineniya v Magadanskoj oblasti: vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom // Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennyj aspekty. M.: ROIR, 2004. S. 276–283.

24. Potapova N.V. Ostrovnoj mir Severnoj Pasifiki, kak "kontaktnaya zona": ehno-konfessional'nyj aspekt (na primere Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov) // Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya: global'nye vyzovy i tsivilizatsionnye otvety. sbornik nauchnykh trudov XKHKHVII Mezhdunarodnogo KHar-askogo foruma: v 2 t. Simferopol', 2021. S. 141–147.
25. Prikosnuvshis' k istorii. Evrejskaya diaspora Dal'nego Vostoka Rossii. XIX–XXI vek. Vladivostok: Evrejskij religiozno-kul'turnyj tsentr, 2000. 176 s.
26. Religioznaya situatsiya v rossijskikh regionakh: tezisy dokladov i soobshhenij Sed'moj vseros. nauch.-prakt. konf. (Omsk, 8–9 oktyabrya 2020 g.) / otv. za vypusk k.i.n., dots. A.A. Morozov. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2020. 108 s.
27. Religioznaya situatsiya na Severo-Zapade: traditsionnye religii/religioznye traditsii: kol. monografiya po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (Byulleten' TSentra ehnoreligioznykh issledovaniy. № 2 (10). 2018). SPb.: Izdatel'stvo "Lyubavich", 2018. 188 s.
28. Smirnov M.YU. Religioznaya situatsiya v regione kak vnutripoliticheskij faktor // Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii. 2017. Tom 18. Vyp. 4. S. 195–202.
29. Fedirko O.P., Vladimirov D.A. Religioznoe neravenstvo na Dal'nem Vostoke cherez prizmu sudebnoj praktiki (2016–2019 gg.) // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2021. № 7 (109). CH. 4. S. 192–197.
30. EHLbakyan E.S. Global'noe i ehnokonfessional'noe v religioznoj situatsii na postsovet'skom prostranstve // Vestnik Leningrad'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. 2014. T. 2. № 3. S. 121–132.
31. EHntsiklopedicheskij slovar' sotsiologii religii / Pod redaktsiej M.YU. Smirnova. SPb.: Platonovskoe filosofskoe obshhestvo, 2017. 508 s.
32. EHtnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii / pod red. V.A. Tishkova, V.V. Stepanova. Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: IEHA RAN, 2018. 561 s.
33. EHtnoreligioznye protsessy v transgranichnom prostranstve Zapadnoj Sibiri, Kazakhstana i Mongolii v kontekste gosudarstvennoj politiki v XX – nachale XXI v.: kollektivnaya monografiya / pod red. P.K. Dashkovskogo. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2019. 268 s.
34. YAkovlev A.I., YAkovleva K.M. // Neoyazycheskie kul'tovye sooruzheniya v sovremennom yakut'skom sele [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoyazycheskie-kul'tovye-sooruzheniya-v-sovremennom-yakut'skom-sele/viewer> (data obrashheniya 01.03.2022).

Информация об авторе

Светлана Михайловна Дударёнок, д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Information about the author

Svetlana Dudarenok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Lead Researcher of the Department of Social and Political Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Поступила в редакцию

(Received) 25.03.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 08.05.2022

Принята к публикации

(Accepted) 16.05.2022

Религиозные предпочтения жителей современной Амурской области, Забайкальского края и Республики Саха (Якутия): по материалам социологического опроса

Оксана Петровна Федирко
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, fedirko@ihaefe.ru

Аннотация. В статье на основе авторских социологических исследований и публикаций прослеживаются специфические особенности конфессионального пространства западных и северо-западного регионов ДФО, сформировавшиеся в зависимости от географического расположения, вида субъекта (область, край, национальная республика). В научный оборот вводятся данные социологического опроса "Религиозно-этническая самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI в.", проведенного с апреля 2020 по сентябрь 2021 гг. на территории Забайкальского края, Республики (Саха) и Амурской области среди разных возрастных групп. Рассматриваются ответы респондентов по четырем группам вопросов: численность верующих, конфессиональная принадлежность, участие в религиозной жизни и место религии в жизни опрошенных. Автор приходит к выводу о размытости понятия "верующий" у участников опроса, о крайне низком уровне конфессиональной грамотности и желания принимать участие в жизни религиозной организации. Делается вывод о малом влиянии религии на жизнь большинства самоидентифицирующих себя с той или иной религией.

Ключевые слова: религия, предпочтения, население, Амурская область, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00496 А

Для цитирования: Федирко О. П. Религиозные предпочтения жителей современной Амурской области, Забайкальского края и Республики Саха (Якутия): по материалам социологического опроса // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 34–44. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/34-44>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/34-44>

Religious preferences of residents of the modern Amur Region, the Trans-Baikal Territory and the Republic of Sakha (Yakutia): based on the materials of a sociological survey

Oksana P. Fedirko
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, fedirko@ihaefe.ru

Abstract. The article, on the basis of sociological research and publications, traces the specific features of the formation of the confessional space of the western and north-western regions of the Far Eastern Federal District, formed depending on the geographical location, type of subject (region, territory, national republic). The data of the sociological survey "Religious and ethnic self-identification of the population of the Far East at the beginning of the XXI century", conducted from April 2020 to September 2021 in the territory of the Trans-Baikal Territory, the Republic (Sakha) and the Amur Region among different age groups, are being introduced into scientific circulation. The respondents' answers to four groups of questions are considered: the number of believers, confessional affiliation, participation in religious life and the place of religion in the lives of the respondents. The author comes to the conclusion about the vagueness of the concept of "believer" among the respondents, about the extremely low level of confessional literacy and the desire to take part in the life of a religious organization. It is concluded that there is little influence of religion on the life of the majority of self-identifying themselves with a particular religion.

Key words: religion, preferences, population, Amur Region, Trans-Baikal Territory, Republic of Sakha (Yakutia)

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00496 A

For citation: Fedirko O. P. Religious preferences of residents of the modern Amur Region, the Trans-Baikal Territory and the Republic of Sakha (Yakutia): based on the materials of a sociological survey // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 34–44. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/34-44>

Включение в состав Российской империи территории Дальнего Востока было длительным процессом. Первыми дальневосточными землями на пути российских первопроходцев XVII – сер. XIX вв. были Забайкалье, Якутия и Амурская область. Именно здесь сформировалось особое отношение к религии – сочетание высокого уровня секулярности с декларативной принадлежностью к синодальному православию. Это явление было обусловленным специфическими особенностями заселения и развития западных регионов Дальнего Востока. Первопроходцы в большинстве своем не были глубоко верующими людьми. Это были "лихие" люди, зачастую ранее совершившие преступления, нередко особо тяжкие, из-за чего вынужденные скрываться от за-

Таблица 1. Отношение к религии жителей Амурской области, Забайкальского края и Республики Саха (Якутия), в%
Table 1. Attitude towards religion of residents of the Amur region, Trans-Baikal Territory and the Republic of Sakha (Yakutia), in%

Отношение к религии	Амурская область	Забайкальский край	Республика Саха (Якутия)	Всего от общего числа опрошенных
верующие	42,0	53,3	43,8	46,3
сомневающиеся и затруднившиеся с ответом	3,8	14,4	11,9	10,0
не религиозные	54,2	32,3	44,3	43,6

Источник: составлено автором на основе результатов социологического опроса "Религиозно-этническая самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI в.", проведенного на территории Забайкальского края, Республики (Саха) и Амурской области с апреля 2020 по сентябрь 2021 гг.

Source: compiled by the author based on the results of the sociological survey "Religious and Ethnic Self-Identification of the Population of the Far East at the Beginning of the 21st Century", conducted on the territory of the Trans-Baikal Territory, the Republic of Sakha (Yakutia) and the Amur Region from April 2020 to September 2021.

кона. Для первых колонистов приверженность к православию была способом самоидентификации с русской цивилизацией. В то же время религия выступала инструментом для включения аборигенных народов Сибири и Дальнего Востока в число поданных Российской империи. "Приобщая коренные народы к атрибутам православной культуры, церковь не стремилась проникнуть в их аборигенную душу, как это происходило в западноевропейских колониях. Приняв крещение, люди могли безбоязненно оставаться язычниками" [23, с. 159].

В последующие периоды, в рамках добровольного и насильственного переселения, на Дальний Восток прибыли переселенцы из различных районов России и зарубежья. Они были приверженцами различных конфессий, либо не исповедовали никакой, и это определило высокий уровень толерантности населения региона к инаковерию или неверию. Государственная политика СССР по отношению к религии стала еще одним фактором, усложнившим религиозный ландшафт Дальнего Востока.

Исторически традиционными религиями в регионе признаются православие: старообрядство и РПЦ МП (Русская Православная Церковь Московский Патриархат), протестантизм (евангельские христиане-баптисты (ЕХБ), евангельские христиане (ЕХ), Адвентисты седьмого дня (АСД), ислам. Все эти конфессии существуют на Дальнем Востоке более ста лет и являются привлекательными для жителей региона. Однако для западных и северо-западных районов Дальневосточного федерального округа под определение традиционных религий попадает буддизм и языческие верования коренных народов Якутии, Забайкалья и Приамурья.

Проблемы религиозной самоидентификации на Дальнем Востоке получили раскрытие в фундаментальном исследовании "История Дальнего Востока России" [5; 16; 16], в серии монографий "Религиозная жизнь Дальнего Востока России" [9; 10; 11], в трудах С.М. Дударёнок [8], Н.В. Потаповой [20], А.И. Поспеловой [19] и других.

Особенности религиозной жизни Забайкалья освещены в работах Е.В. Дроботушенко [6; 7], Ю.В. Гавриловой [4], А.В. Жукова, А.А. Жуковой [12; 13], Н.В. Романовой, В.И. Младенова, С.В. Кононова [12; 21; 22;], Н.С. Кондакова, М.С. Шевченко [13].

Проблемы религиозной идентичности жителей Республики Саха (Якутия) стали предметом исследования А.В. Михайловой, В.Б. Надькина, Л.Н. Поповой, М.С. Попова [17], И.С. Астаховой [2; 3].

Анализ религиозных предпочтений жителей современной Амурской области сделан в работах А.П. Забияко, О.В. Пелевиной [15], О.П. Федирко [24].

Таблица 2. Конфессиональная самоидентификация жителей Амурской области, Забайкальского края и Республики Саха (Якутия), в%
Table 2. Confessional self-identification of residents of the Amur Region, the Trans-Baikal Territory and the Republic of Sakha (Yakutia), in%

	Амурская область	Забайкальский край	Республика Саха (Якутия)	Всего
Православие	61,7	56,5	38,1	55,4
Внеконфессиональная религиозность	8,7	7,7	31	13,5
Буддизм	0,5	29,7	1,2	13,1
Язычество и шаманизм	1,5	0,9	20,2	4,5
ХВЕ (пятидесятники)	10	1,1	0	4,4
ХВЕ и ЕХБ	10,2	0,5	0	4,3
Ислам	3,6	0,9	1	1,8
Аар Айыы	0	0	6	1
Католицизм и лютеранство	1	0,5	0	0,6
Общество сознание Кришны	0,5	0,9	0	0,6
ЦИХСПД (мормоны)	1	0,4	0	0,6
Тенгрианство	0	0	2,3	0,4
Свидетели Иеговы	0,5	0,4	0	0,4
Другие конфессии	1	0,5	0,5	0,7

Источник: составлено автором на основе результатов социологического опроса "Религиозно-этническая самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI в.", проведенного на территории Забайкальского края, Республики Саха (Якутия) и Амурской области с апреля 2020 по сентябрь 2021 гг.

Source: compiled by the author based on the results of the sociological survey "Religious and Ethnic Self-Identification of the Population of the Far East at the Beginning of the 21st Century", conducted on the territory of the Trans-Baikal Territory, the Republic of Sakha (Yakutia) and the Amur Region from April 2020 to September 2021.

Для оценки динамики изменений религиозных предпочтений нами используются данные Атласа религий и национальностей Российской Федерации [1] за 2012 г.

Однако сосредоточим свое внимание на результатах тех работ, которые были написаны на основе социологических исследований.

Несмотря на достаточно обширную историографию, комплексных современных изысканий, рассматривающих религиозную самоидентификацию населения западных регионов ДФО в целом, не предпринималось.

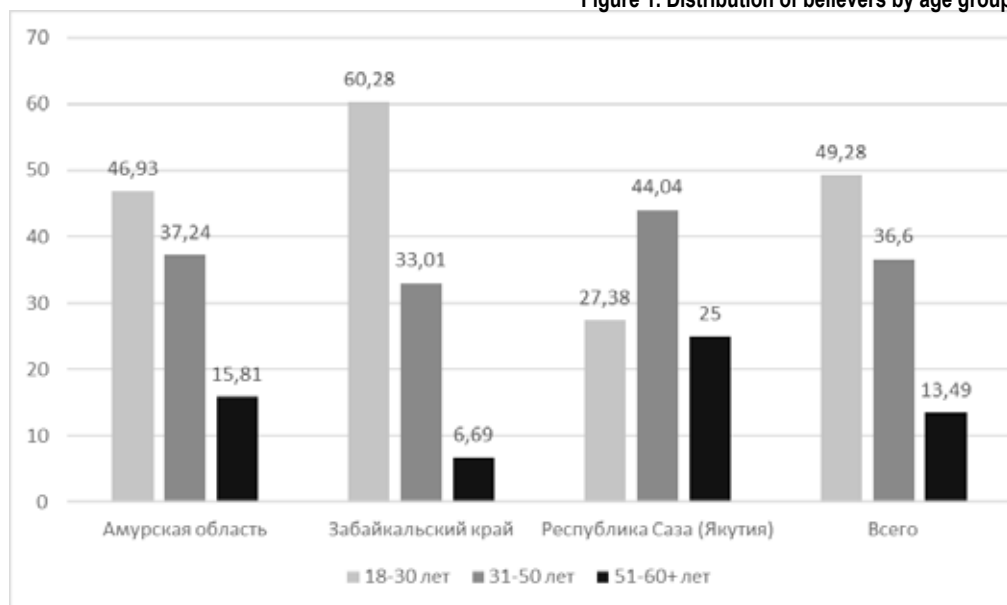
Целью данной статьи является анализ и характеристика религиозных предпочтений населения трех субъектов Российской Федерации в рамках Дальневосточного федерального округа.

Источниковой базой исследования явились результаты социологического опроса "Религиозно-этническая самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI в.", проведенного на территории Забайкальского края, Республики (Саха) и Амурской области с апреля 2020 по сентябрь 2021 гг. Социологический опрос базируется на основе рекомендаций федерального агентства по делам национальностей. Для реализации сформулированной выше цели использованы и глубинные интервью.

В качестве основного сбора первичной эмпирической информации использовался метод анкетного опроса. Необходимость использования этого метода была обусловлена режимом мониторинга, в котором проводилось исследование. Обработка анкетных данных была проведена методом компьютерного подсчета в Microsoft Office Excel 2016.

Для социологического исследования использована квотная выборка. В соответствии с рекомендациями В.А. Ядова [25], при генеральной совокуп-

Рис 1. Распределение верующих по возрастным группам
Figure 1. Distribution of believers by age groups

Источник: составлено автором на основе результатов социологического опроса "Религиозно-этническая самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI в.", проведенного на территории Забайкальского края, Республики Саха (Якутия) и Амурской области с апреля 2020 по сентябрь 2021 г.

Source: compiled by the author based on the results of the sociological survey "Religious and Ethnic Self-Identification of the Population of the Far East at the Beginning of the 21st Century", conducted on the territory of the Trans-Baikal Territory, the Republic of Sakha (Yakutia) and the Amur Region from April 2020 to September 2021.

ности, превышающей 5 тыс. человек, объем выборки составляет 625 чел., т.е. фактическая ошибка составляет 4%. На основе предварительного анализа генеральной совокупности были выбраны два признака – возраст и место жительства. Размер выборочной совокупности составил 720 чел, что позволило обеспечить представительство во всех административно-территориальных образованиях в выборочной совокупности и повысило ее репрезентативность. Все квотные определения количества опрашиваемых лиц по возрастным группам произведены в соответствии с их представительством в генеральной совокупности.

Полученная информация относительно всех принявших участие в опросе респондентов располагается линейно, показывая простое процентное распределение ответов.

В данном исследовании результаты проведенного опроса освещаются не в полном накопленном объеме, а акцентируются на сегменте выяснения религиозных предпочтений жителей западной и северо-западной частей ДФО.

Для определения специфических особенностей конфессионального пространства западных и северо-западного регионов ДФО использовался компаративный анализ результатов исследования.

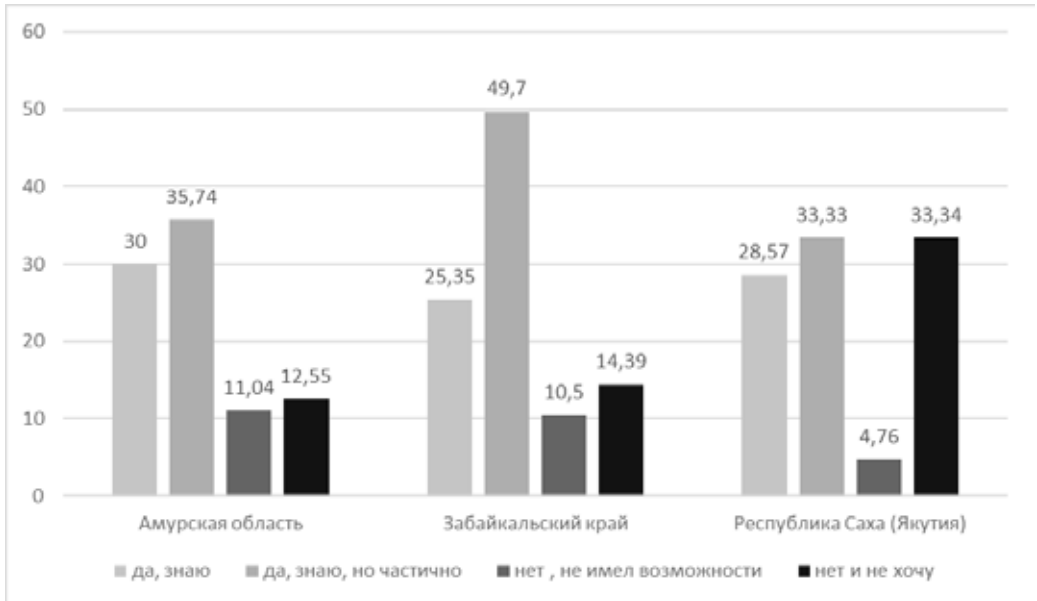
Первая группа данных связана с определением численности верующих среди населения современного Забайкальского края, Республики (Саха) и Амурской области (табл. 1).

Далее анализ результатов социологического опроса будет проведен только по группе "верующие".

Проводя сравнение с результатами социологических опросов, проведенных ранее в западных территориях ДФО, обнаруживается, что численность тех, кто идентифицирует себя как верующий, увеличилась незначительно. Одновременно рост числа людей, которые не отождествляют свою жизнь с религиозными нормами, растет.

Так по материалам социологического исследования в Республике Саха (Якутия), проведенного в 2006 г., "к категории верующий себя отнесли 39,5 %

Рис 2. Ответы на вопрос "Знаете ли Вы вероучение той религии, которую исповедуете?"
Figure 2. Answers to the question "Do you know the dogma of the religion you profess?"

Источник: составлено автором на основе результатов социологического опроса "Религиозно-этническая самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI в.", проведенного на территории Забайкальского края, Республики Саха (Якутия) и Амурской области с апреля 2020 по сентябрь 2021 г.

Source: compiled by the author based on the results of the sociological survey "Religious and Ethnic Self-Identification of the Population of the Far East at the Beginning of the 21st Century", conducted on the territory of the Trans-Baikal Territory, the Republic of Sakha (Yakutia) and the Amur Region from April 2020 to September 2021.

населения" [3, с. 93], т. о. рост составил 4,3 %. Неверующими себя назвали в 2006 г. 9,9 % [3, с. 93], в 2022 г. их число увеличилось на 34,4 %.

В Забайкальском крае социологический опрос был проведен в 2010 г. [14]. По сравнению с полученными забайкальскими коллегами данными число верующих в крае снизилось на 10%, а не религиозных стало на 15 % больше. В данном случае увеличение этой группы произошло за счет снижения числа колеблющихся и сделавших свой мировоззренческий выбор.

Самый большой рост группы не верующих произошел за последние 12 лет в Амурской области и составил 41,2% [1].

В целом численность верующих и не верующих в трех рассматриваемых регионах ДФО примерно равна, что свидетельствует о новых процессах в системе государственно-конфессиональных отношений после принятия "пакета Яровой" в 2016 г. и полутора лет пандемии Covid-19.

При анализе полученных в результате проведенных нами исследований выявлено, что самый высокий процент идентифицирующих себя как "верующие" приходится на молодёжную (возраст 18–30 лет) и среднюю (возраст 31 – 50 лет) возрастные группы. Среди старшей возрастной группы (возраст 51 – 60 +), таким образом, самоидентифицируют себя как верующие чуть больше 13% респондентов (рис. 1).

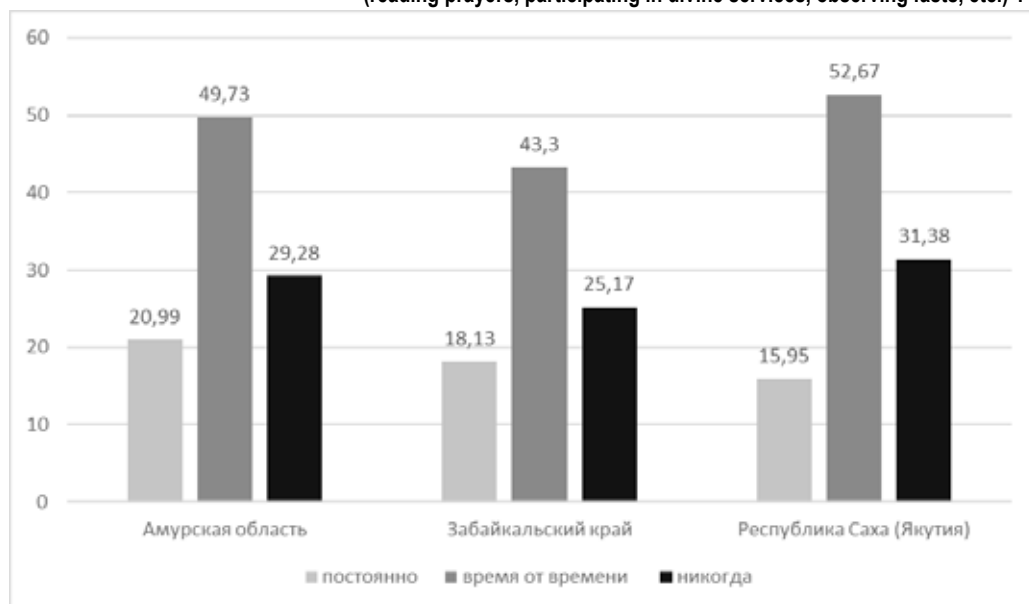
Однако следует признать, что большая часть молодежи в качестве религиозной принадлежности признает не традиционные религии, а вне конфессиональную (диффузную религиозность).

При выявлении конфессиональной самоидентификации жителей западных и северо-западного регионов ДФО выделены шесть больших групп религиозных учений наиболее популярных среди них (табл. 2).

Для всех трех территорий лидирующее место занимает православие (РПЦ МП и старообрядство). С ним идентифицируют себя 55,4% населения.

Обращаясь к опросам, которые были проведены ранее в субъектах дальневосточного региона, можно отметить, что численность приверженцев право-

Рис 3. Ответы на вопрос "Как часто Вы исполняете обряды и ритуалы, определенные Вашей религией? (чтение молитв, участие в богослужениях, соблюдение постов и т.п.)".
Fig 3. Answers to the question "How often do you perform rites and rituals defined by your religion? (reading prayers, participating in divine services, observing fasts, etc.)".

Источник: составлено автором на основе результатов социологического опроса "Религиозно-этническая самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI в.", проведенного на территории Забайкальского края, Республики Саха (Якутия) и Амурской области с апреля 2020 по сентябрь 2021 гг.

Source: compiled by the author based on the results of the sociological survey "Religious and Ethnic Self-Identification of the Population of the Far East at the Beginning of the 21st Century", conducted on the territory of the Trans-Baikal Territory, the Republic of Sakha (Yakutia) and the Amur Region from April 2020 to September 2021.

славия снизилось в Республике Саха (Якутия) на 6,9%, в Забайкалье на 14,4%, в Амурской области же, наоборот, выросло на 35,7 %. В интервью, взятом у 10 респондентов жителей Амурской области, удалось выяснить, что в сознании современных амурчан укрепился тезис о культуuroобразующей функции православия в России. Данные респонденты посещают храмы, празднуют религиозные праздники, принимают участи в религиозных обрядах (венчание, крещение) руководствуясь эстетическим чувствами, при этом являясь по сути нерелигиозными людьми.

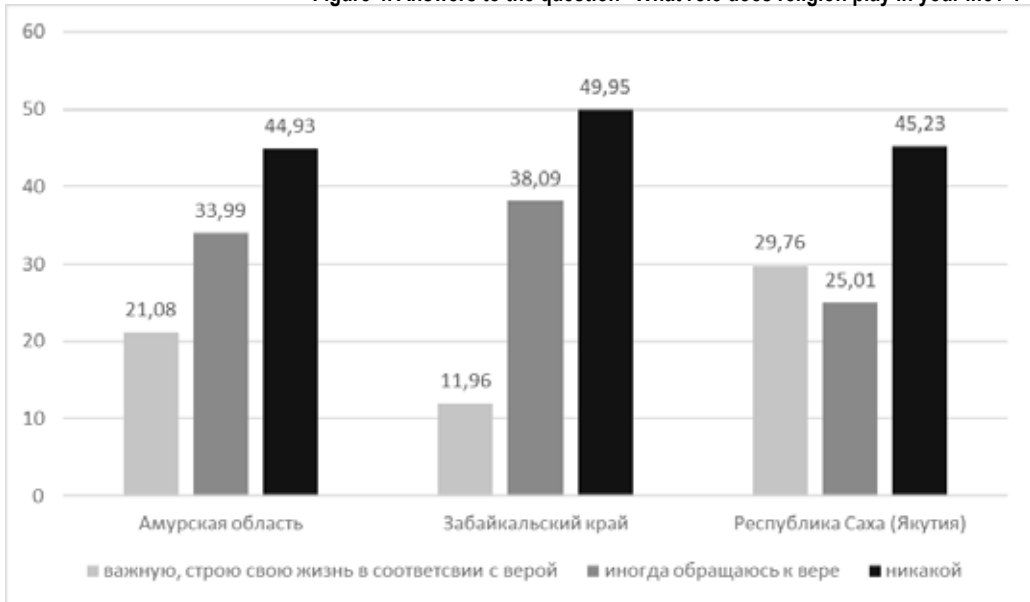
На втором месте по степени распространения находится внеконфессиональная (диффузная религиозность). Более 13,5% опрошенных отмечали, что они "верят в единого Бога", "мать-природу и отца-создателя", "просто в бога, вне какой-то конфессии", "верят в духов и других сверхъестественных существ" и т.д. 87% сторонников данного типа религиозности составляют люди молодежной возрастной группы от 18 до 30 лет.

Судя по данным, приведенным в Атласе религий и национальностей России, за последние 10 лет в Амурской области произошел резкий спад численности приверженцев диффузных религиозных практик с 41% до 8,7%. При этом в отношениях властных структур с религиозными объединениями не произошло качественных сдвигов, повлекших столь серьезные изменения в религиозных предпочтениях молодежи.

В то же время по Республике Саха (Якутия) отмечается увеличение с 17% до 31% сторонников внеконфессиональной религиозности. В Забайкалье же прослеживается снижение с 28% до 7,7%. Анализу причин, явившихся основой для сложившейся ситуации, планируется уделить внимание в наших дальнейших исследованиях.

Сопоставление данных о вероисповедных идентификациях территориальных групп в дальнейшем не принес новых сюрпризов.

Рис 4. Ответы на вопрос "Какую роль играет религия в Вашей жизни?".
Figure 4. Answers to the question "What role does religion play in your life?".

Источник: составлено автором на основе результатов социологического опроса "Религиозно-этническая самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI в.", проведенного на территории Забайкальского края, Республики Саха (Якутия) и Амурской области с апреля 2020 по сентябрь 2021 гг.

Source: compiled by the author based on the results of the sociological survey "Religious and Ethnic Self-Identification of the Population of the Far East at the Beginning of the 21st Century", conducted on the territory of the Trans-Baikal Territory, the Republic of Sakha (Yakutia) and the Amur Region from April 2020 to September 2021.

Буддизм, как и в данных предыдущего опроса, лидировал среди респондентов Забайкальского края. Язычество и шаманизм в Республике Саха (Якутия). Евангельские христиане, баптисты и пятидесятники прочно удерживают третью позицию в рейтинге религиозных предпочтений жителей современной Амурской области. Это, на наш взгляд, объясняется не только историческим традициями рассматриваемых субъектов ДФО, но активной деятельностью религиозных лидеров.

С исламом идентифицируют себя 1,8% опрошенных, наибольшее количество из которых проживает в Амурской области.

Участники опроса из Республики Саха (Якутия) обозначили в качестве собственных уникальных религий, с которыми они себя идентифицируют тенгрианство (2,3%) и Аар Айбы (6%).

Остальные религиозные направления представлены небольшим количеством верующих. Последователей католицизма и лютеранства, Общества сознания Кришны, мормонов по 0,6% от общего числа респондентов. Несмотря на запрет деятельности в Российской Федерации, 0,4% опрошенных признаются в том, что являются сторонниками учения Свидетелей Иеговы. Среди других религий были названы Церковь саентологии, Армяно-григорианская церковь, даосизм, методизм. Имеют смешанное вероисповедание 0,3 %.

Согласно данным произведенного опроса, религиозно мировоззрение формируется в семье, поскольку 72,4 % верующих ответили на вопрос "Является ли кто-либо из членов Вашей семьи верующим?" утвердительно. Отметим, что разница в показателях по регионам составляет + 2%.

Рассматривая вопрос то том, что стало причиной для обращения к той или иной вере, необходимо учесть – большинство опрошенных (68,2%) ответили, что это был их собственный выбор. В ходе глубинных интервью жителей Амурской области выяснилось, что "в возрастной группе 31–50 лет большая часть верующих членов семьи – это представители поколения сорокалетних, принявших веру в конце 1990-х – начале 2000 годов в период религиозного ренессанса в регионе" [24, с. 45].

В среднем около 65% верующих заявляют о том, что они знают вероучение той религии, которую исповедуют (рис. 2).

При ответе респондентов на контрольный вопрос об участии в ритуальной деятельности (рис. 3) констатируется ситуация, схожая с описанной выше. Большая часть опрошенных чувствует в обрядовой деятельности конфессий время от времени. При этом в ходе интервью они отмечают свое участие в посещениях храмов во время церковных праздников, молитвы перед значительными событиями в жизни, участие в церковных церемониях (свадьбы, похороны, крещение) и т.д.

Интервьюируя категорию "верующие" о том, какую роль играет религия в их жизни, сталкиваемся с парадоксальной ситуацией – чуть менее половины опрошенных отметили, что религия не играет в их жизни никакой роли (рис. 4). В ответах звучали пояснения "это дань традиции", "я живу в светском обществе, где правит закон, а не религиозные нормы", "вера сама по себе, а жизнь диктует свои правила" и тому подобное.

Таким образом, данные, полученные в результате проведенного нами интервью-опроса, позволяют утверждать, что большая часть участников обозначенного исследования, утверждая свой статус "верующие", не имеют четкого представления о том, что это значит. В понимании большинства из них, верующий – это человек прошедший инициацию, даже если этот обряд был осуществлен с ним в пору младенчества, что ярко иллюстрирует размытость и противоречивость представлений о религии у большей части населения Амурской области, Забайкальского края и Республики Саха (Якутия).

Определение конфессиональных предпочтений фиксирует распространение на территории заявленных субъектов ДФО широкого спектра религиозных учений, что в свою очередь позволяет определиться с выбором тем, кто стремится стать частью религиозной организации.

Исходя из результатов уже проведенных исследований, можно утверждать, что выбор религии чаще происходит благодаря семейному воспитанию, традициям, а не под воздействием внешних факторов, к которым нами относится система образования и средства массовой информации.

Однако, на наш взгляд, для большинства индивидуумов, самоидентифицирующих себя с той или иной религией, характерным является низкий уровень конфессиональной "грамотности" и желания получить ее, низкая мотивация к участию в жизни религиозных структур, эпизодическое обращение к религиозной обрядности и слабое влияние религиозных догм на повседневную жизнь верующих.

Религия, в понимании большинства опрошенных, выступает как часть культуры, позволяющей идентифицировать себя с государством, территорией, этносом, нацией.

Литература

1. Арена. Атлас религий и национальностей. Российская Федерация. Исследовательская служба "Среда", 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://sreda.org/arena> (дата обращения 13.02.2022 г.)
2. Астахова И.С. Религиозная идентичность населения Якутии: история и современность // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (8). С. 26–31.
3. Астахова И.С. Религиозная идентичность населения Якутии: история и современность // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2016. № 4 (10). С. 89–97.
4. Гаврилова Ю.В. Особенности синкретизма религий Забайкалья // Общество: философия, история, культура. 2017. № 12. С. 58–62.
5. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. чл.-корр. РАН Н.Н. Крадина, отв. ред. Г.А. Ткачева / История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 3. Владивосток: Дальнаука, 2020. 944 с.;
6. Дроботушенко Е.В. Забайкальский край в миграционных процессах современной России: проблемы и перспективы // Четырнадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Материалы Четырнадцатых Байкальских социально-гуманитарных чтений; материалы Всероссийской политологической конференции с международным участием; Всероссийской социально-гуманитарной конференции, Петровских философских чтений: в 2 т. Иркутск, 2021. С. 25–29.
7. Дроботушенко Е.В. Межконфессиональные отношения на территории Забайкалья: история и современность // Мир Евразии: от древности к современности. сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2021. С. 364–368 и др.

8. Дударёнок С.М. Религия в идеологических ориентациях и мировоззренческих представлениях дальневосточной интеллигенции. 1990-е гг // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2 (53). С. 111–122.
9. Дударёнок С.М., Мурыгина Е.А., Поспелова А.И., Потапова Н.В., Федирко О.П., Чернявский М.С. История евангельских христиан-баптистов Дальнего Востока России в XIX–XX вв. / монография / Отв. ред. Дударёнок С.М., Федирко О.П., Чернявский М.С. [Религиозная жизнь Дальнего Востока России]. ИИАЭ ДВО РАН, СПб, Реноме, 2021. 544 с.
10. Дударёнок С.М., Федирко О.П. Церковь христиан адвентистов седьмого дня Дальнего Востока России (1910–1990-е гг.): монография / Под редакцией: Дударёнок С.М. (отв. редактор) [Религиозная жизнь Дальнего Востока России] М., 2021. 475 с.
11. Дударёнок С.М., Федирко О.П., Поспелова А.И., Потапова Н.В., Островская О.П., Синичкин А.В. История христиан веры евангельской (пятидесятников) Дальнего Востока России (1920-е-конец 1980-х гг.): монография / Под редакцией: Федирко О.П. (отв. редактор), Дударёнок С.М., Устинова А.Г. [Религиозная жизнь Дальнего Востока России] М.: ООО "Терция", 2018. 464 с.
12. Жуков А.В., Жукова А.А., Романова Н.П. Религиозная угроза, как категория классического философского, религиоведческого и политического дискурса // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 24. № 2. С. 74.
13. Жуков А.В., Кондакова Н.С., Шевченко М.С. Религиозные предпочтения населения Забайкальского края // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 1. С. 235–243.
14. Жуков А.В., Кондакова Н.С., Шевченко М.С. Современная религиозная ситуация на территории Забайкальского края (по материалам социологического исследования) // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 4 (71). С. 102–110.
15. Забияко А.П., Пелевина О.В. Особенности современной конфессиональной ситуации в Амурской области: внеинституциональная религиозность населения // Современные проблемы науки. Материалы Российской национальной научной конференции с международным участием. 2017. С. 77–80.
16. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5 Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.
17. Михайлова А.В., Попова Л.Н., Солдатова М.С. Взгляд молодежи к исламу: кейс республике Саха (Якутия) // Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Т. 19. № 11. С. 286–290.
18. Михайлова В.В., Надькин В.Б. Религиозная идентичность и этнополитика в республике Саха (Якутия) // Межконфессиональная миссия. 2014. № 3. С. 72.
19. Поспелова С.В., Поспелова А.И. Сравнительный анализ этноконфессиональной ситуации Магаданской области (конец XX –начало XXI вв.) // Социология религии в обществе позднего модерна. 2020. Т. 9. С. 85–92.
20. Потапова Н.В. Островной мир Северной Пацифики, как "контактная зона": этно-конфессиональный аспект (на примере Сахалина и Курильских островов) / Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы. сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума : в 2 т.. Симферополь, 2021. С. 141–147.
21. Романова Н.П., Кононов С.В., Шевченко М.С., Шевченко Ю.С. Региональная безопасность в современных федеральных государственных образованиях: властный и региональный дискурсы // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27. № 1. С. 85–94.
22. Романова Н.П., Младенов В.И., Жуков А.В. Категоризация религиозно-политических угроз в современном социальном дискурсе на территории Российской Федерации // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27. № 6. С. 73–79.
23. Тураев В.А. Цивилизационная миссия русского народа в культурном пространстве Тихоокеанской России и проблемы постсоветской интеграции // Россия и АТР. 2016. № 2 (92). С. 151–169. (159)
24. Федирко О.П. Религиозная самоидентификация жителей современной Амурской области (по материалам социологических опросов) // Теория и практика общественного развития. 2022. № 1. С. 42–49
25. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара. 1995. 332 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arena. Atlas religij i natsional'nostej. Rossijskaya Federatsiya. Issledovatel'skaya sluzhba "Sreda", 2012. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://sreda.org/arena> (data obrashheniya 13.02.2022 g.)
2. Astakhova I.S. Religioznaya identichnost' naseleniya YAKutii: istoriya i sovremennost' // *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*. 2016. № 2 (8). S. 26–31.
3. Astakhova I.S. Religioznaya identichnost' naseleniya YAKutii: istoriya i sovremennost' // *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*. 2016. № 4 (10). S. 89–97.
4. Gavrilova YU.V. Osobennosti sinkretizma religij Zabajkal'ya // *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2017. № 12. S. 58–62.
5. Dal'nij Vostok SSSR: 1941–1945 gg. / pod obshh. red. chl.-korr. RAN N.N. Kradina, otv. red. G.A. Tkacheva / *Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii*. T. 3. Kn. 3. Vladivostok: Dal'nauka, 2020. 944 s.;
6. Drobotushenko E.V. Zabajkal'skij kraj v migratsionnykh protsessakh sovremennoj Rossii: problemy i perspektivy // *CHetyrnadsatye Bajkal'skie sotsial'no-gumanitarnye chteniya. Materialy CHetyrnadsat'nykh Bajkal'skikh sotsial'no-gumanitarnykh chtenij; materialy Vserossijskoj politologicheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem; Vserossijskoj sotsial'no-gumanitarnej konferentsii, Petrovskikh filosofskikh chtenij: v 2 t. Irkutsk*, 2021. S. 25–29.
7. Drobotushenko E.V. Mezhkongressional'nye otnosheniya na territorii Zabajkal'ya: istoriya i sovremennost' // *Mir Evrazii: ot drevnosti k sovremennosti. sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Ufa, 2021. S. 364–368 i dr.
8. Dudaryonok S.M. Religiya v ideologicheskikh orientatsiyakh i mirovozzrencheskikh predstavleniyakh dal'nevostochnoj intelligentsii. 1990-e gg // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2020. № 2 (53). S. 111–122.
9. Dudaryonok S.M., Murygina E.A., Pospelova A.I., Potapova N.V., Fedirko O.P., CHernyavskij M.S. Istoriya evangel'skikh khristian-baptistov Dal'nego Vostoka Rossii v XIX–KHKH vv. / monografiya / *Otv. red. Dudaryonok S.M., Fedirko O.P., CHernyavskij M.S. [Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii]*. IIAEH DVO RAN, SPb, Renome, 2021. 544 s.
10. Dudaryonok S.M., Fedirko O.P. TSerkov' khristian adventistov sed'mogo dnya Dal'nego Vostoka Rossii (1910–1990-e gg.): monografiya / *Pod redaktsiej: Dudaryonok S.M. (otv. redaktor) [Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii] M.*, 2021. 475 s.
11. Dudaryonok S.M., Fedirko O.P., Pospelova A.I., Potapova N.V., Ostrovskaya O.P., Sinichkin A.V. Istoriya khristian very evangel'skoj (pyatidesyatnikov) Dal'nego Vostoka Rossii (1920-e- konets 1980-kh gg.): monografiya / *Pod redaktsiej: Fedirko O.P. (otv. redaktor), Dudaryonok S.M., Ustinova A.G. [Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii] M.*: OOO "Tertsiya", 2018. 464 s.
12. ZHukov A.V., ZHukova A.A., Romanova N.P. Religioznaya ugroza, kak kategoriya klassicheskogo filosofskogo, religiovedcheskogo i politicheskogo diskursa // *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. T. 24. № 2. S. 74.
13. ZHukov A.V., Kondakova N.S., SHEvchenko M.S. Religioznye predpochteniya naseleniya Zabajkal'skogo kraja // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2012. № 1. S. 235–243.
14. ZHukov A.V., Kondakova N.S., SHEvchenko M.S. Sovremennaya religioznaya situatsiya na territorii Zabajkal'skogo kraja (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) // *Vestnik CHitinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 4 (71). S. 102–110.
15. Zabayako A.P., Pelevina O.V. Osobennosti sovremennoj kongressional'noj situatsii v Amurskoj oblasti: vneinstitutsional'naya religioznost' naseleniya // *Sovremennye problemy nauki. Materialy Rossijskoj natsional'noj nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. 2017. S. 77–80.
16. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5 *Obshhestvo i vlast' na rossijskom Dal'nem Vostoke v 1960–1991 gg.* / pod obshh. red. V.L. Larina; otv. red. A.S. Vashhuk. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2016. 940 s.
17. Mikhajlova A.V., Popova L.N., Soldatova M.S. Vzgljad molodezhi k islamu: kejs respubliky Sakha (YAKutiya) // *ZHurnal nauchnykh statej Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*. 2017. T. 19. № 11. S. 286–290.
18. Mikhajlova V.V., Nad'kin V.B. Religioznaya identichnost' i ehtnopolitika v respublike Sakha (YAKutiya) // *Mezhkongressional'naya missiya*. 2014. № 3. S. 72.
19. Pospelova S.V., Pospelova A.I. Sravnitel'nyj analiz ehtnokongressional'noj situatsii Magadanskoj oblasti (konets XX - nachalo XXI vv.) // *Sotsiologiya religii v obshhestve pozdnego moderna*. 2020. T. 9. S. 85–92.
20. Potapova N.V. Ostrovnoj mir Severnoj Patsifiky, kak "kontaktnaya zona": ehno-kongressional'nyj aspekt (na primere Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov) / *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya: global'nye vyzovy i tsivilizatsionnye otvety. sbornik nauchnykh trudov XKHKHVII Mezhdunarodnogo KHarakskogo foruma : v 2 t. Simferopol'*, 2021. S. 141–147.
21. Romanova N.P., Kononov S.V., SHEvchenko M.S., SHEvchenko YU.S. Regional'naya bezopasnost' v sovremennykh federal'nykh gosudarstvennykh obrazovaniyakh: vlastnyj i regional'nyj diskursy // *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. T. 27. № 1. S. 85–94.

22. Romanova N.P., Mladenov V.I., Zhukov A.V. Kategorizatsiya religiozno-politicheskikh ugroz v sovremennom sotsial'nom diskurse na territorii Rossijskoj Federatsii // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T. 27. № 6. S. 73–79.
23. Turaev V.A. TSivilizatsionnaya missiya russkogo naroda v kul'turnom prostranstve Tikhookeanskoj Rossii i problemy postsovetsoj integratsii // Rossiya i ATR. 2016. № 2 (92). S. 151–169. (159)
24. Fedirko O.P. Religioznaya samoidentifikatsiya zhitelej sovremennoj Amurskoj oblasti (po materialam sotsiologicheskikh oprosov) // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2022. № 1. S. 42–49
25. YAdov V.A. Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody. Samara. 1995. 332 s.

Информация об авторе

Оксана Петровна Федирко, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: fedirko@ihaefe.ru

Information about the author

Oksana P. Fedirko, Doctor of Historical Sciences, Lead Researcher, Department of Social and Political Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: fedirko@ihaefe.ru

Поступила в редакцию
(Received) 25.03.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 08.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 16.05.2022

Республика Бурятия: взаимоотношения между религиозными организациями и гражданскими институтами

Светлана Владимировна Васильева

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, sv_vasilieva@mail.ru

Светлана Зинатовна Ахмадулина

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, lana_clio@mail.ru

Дарима Цырендоржиевна Будаева

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия, darb@rambler.ru

Аннотация. В статье освещается современная религиозная ситуация в Республике Бурятия через описание особенностей изменения взаимоотношений между религиозными организациями и гражданскими институтами. Особое внимание уделяется нормативно-правовому регулированию деятельности религиозных организаций в условиях многоконфессионального региона.

Ключевые слова: Республика Бурятия, религиозные организации, правовое регулирование, традиционные конфессии, профессиональные новообразования, поликонфессиональное пространство

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00496 А

Для цитирования: Васильева С. В., Ахмадулина С. З., Будаева Д. Ц. Республика Бурятия: взаимоотношения между религиозными организациями и гражданскими институтами // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 45–54. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/45-54>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/45-54>

Republic of Buryatia: relationship between religious organizations and civil institutions

Svetlana Vladimirovna Vasilyeva

Buryat State University named after Dorji Banzarov, Ulan-Ude, Russia, sv_vasilieva@mail.ru

Svetlana Zinatovna Akhmadulina

Buryat State University named after Dorji Banzarov, Ulan-Ude, Russia, lana_clio@mail.ru

Damira Tsyrendorzhievna Budaeva

Buryat State University named after Dorji Banzarov, Ulan-Ude, Russia, darb@rambler.ru

Abstract. The article highlights the current religious situation in the Republic of Buryatia through the description of change in the relationship between religious organizations and civil institutions. Particular attention is paid to the legal regulation of the activities of religious organizations in a multi-confessional region.

Key words: Republic of Buryatia, religious organizations, legal regulation, traditional confessions, confessional innovations, polyconfessional space

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00496 A

For citation: Vasilyeva S. V., Akhmadulina S. Z., Budaeva D. Ts. Republic of Buryatia: relationship between religious organizations and civil institutions // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 45–54. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/45-54>

Введение

В настоящий момент на территории Республики Бурятия действуют 252 зарегистрированные религиозные организации. Из них 85 входит в состав Бурятской митрополии Русской Православной Церкви (Московский патриархат), представленной двумя епархиями – Улан-Удэнская и Бурятская, и Северобайкальская и Сосновоозёрская. Второе место по численности занимают религиозные организации буддистов (73), самым представительным религиозным объединением буддистов является Буддийская традиционная сангха России (БТСР). Третьими по численности являются религиозные объединения протестантов (51).

Римско-католическая церковь представлена одной религиозной организацией, старообрядцы представлены двенадцатью, ислам тремя, иудаизм одной, шаманизм девятнадцатью, мормоны одной, Общество Сознание Кришны (ОСК) одной, вера Бахаи одной, Апостольская православная церковь пятью. Кроме того, действуют 32 зарегистрированные религиозные группы: 1 буддийская, 3 шаманские, 26 протестантских, 2 – ОСК.

По данным социологических опросов, профессиональный состав населения являет следующую картину: 51,8% представлены христианскими конфессиями (в том числе 32% исповедующих православие, 0,9% старообряд-

чество, 0,4% католичество, 0,4% протестантство, 18,1% не делят на конфессии и указывают свою принадлежность к христианству); 39% – буддизмом; 1,6% – исламом; 3,4% – шаманизмом. При этом особенностью Бурятии является двоеверие: буддизм и шаманизм – 0,9%; христианство и буддизм – 1,6%; христианство, буддизм и шаманизм – 1,1%, шаманизм и ислам – 0,2%, все религии – 0,2%. Количество атеистов, по данным разных соцопросов, составляет от 9 до 13 % [7].

Подавляющее большинство русских при определении своей религиозной принадлежности указало на православие (84%) и старообрядчество (12%). Среди бурят больше распространен буддизм (89%). Среди русских также имеется небольшая прослойка приверженцев буддизма. Появление среди русских, впрочем, и среди бурят протестантов объясняется преимущественно успешностью деятельности протестантских миссионеров, направленной на раскрытие положительного смысла данной религии для неверующих и иноверцев, однако появление среди русских неглубоких следов исламского учения, по всей вероятности, связано с повышенной подвижностью населения, появлением мечети, созданием национально смешанных семей и т.д. Конфессиональная принадлежность как бурят, так и русских показывает отсутствие жесткой привязки между национальной принадлежностью и вероисповеданием. Встречаются лица, демонстрирующие религиозный синкретизм, ответившие, что их вероисповедание "православие + буддизм", "буддизм + шаманизм".

Характеристика основных религиозных конфессий Республики Бурятия

Православие. Бурятская и Улан-Удэнская митрополия Русской Православной Церкви (Московский патриархат) – самая большая религиозная организация в Бурятии. В 2015 г. епархия была преобразована в Бурятскую митрополию в составе Улан-Удэнской и Бурятской и Северобайкальской и Сосново-Озёрской епархий. Савватий (Антонов) был возведен в сан митрополита, а новую епархию возглавил наместник Посольского монастыря Николай (Кривенко).

Одним из проблемных моментов в деятельности РПЦ на территории Бурятии является нехватка священников. На 85 действующих приходов в 2019 г. приходилось 69 священнослужителей, 58 в Улан-Удэнской и Бурятской епархии, 11 в Северобайкальской и Сосновоозёрской епархии.

Православные приходы включены в жизнь современного общества и проводят большую социально значимую работу: активно борются с алкоголизмом и наркоманией, проводят молебны и крещение заключенных в исправительно-трудовых колониях, занимаются поддержкой малоимущих и людей без определенного места жительства, в летнее время для детей создают на Байкале православные лагеря отдыха и т. д. Результатом эффективного взаимодействия органов власти Бурятии и православной церкви стало проведение культурных и спортивных мероприятий, концертов, посвященных "Рождеству Христову", "Крещению Господню", Пасхе и другим религиозным православным праздникам. Бурятская митрополия успешно сотрудничает с научными и образовательными учреждениями. Все мероприятия проводятся с целью формирования приоритета нравственных и патриотических ценностей как необходимого условия личностного развития, а также стимулирования учащих на активную познавательную и творческую деятельность.

Буддисты занимают второе место по численности среди религиозных организаций республики. "Исторически сложилось, что в Бурятии развился буддизм школы Гелуг, и современные буддийские организации воспроизводят традиционную для Бурятии организационную форму монастырей-дацанов, в то время как часть общин, включая не относящиеся к школе Гелуг, были созданы в форме дхарма-центров" [3, с. 103–107]. На общероссийском, федеральном уровне было зарегистрировано два буддийских объединения: Буддийская традиционная сангха России (глава Пандито Хамбо Лама Дамба Аюшеев) и Духовное управление буддистов России (председатель Нимажап Илюхинов) (три дацана). В состав Буддийской традиционной сангхи России входит 33 дацана (в 2013 г. было 28), кроме того, в других регионах страны имеются еще 18 буддийских общин, относящихся к традиционной сангхе.

Кроме вышеназванных двух общероссийских религиозных объединений буддийского толка на территории республики действуют независимые буддийские религиозные общины, зарегистрированные в Управлении Министерства юстиции РФ по Республике Бурятия, не входящие в вышеперечисленные общероссийские буддийские объединения и ведущие обособленные буддийские церемониалы и обряды: ЦРО "Объединения буддистов Бурятии" (7 дацанов), ЦРО объединения "Майдар" (5 дацанов) и "независимые" буддийские общины (25 общин) [4, с. 18–28]. Таким образом, большинство буддийских общин Бурятии исповедуют религию одного направления, но действуют автономно.

Несмотря на то, что буддизм исповедуют не только граждане Бурятии, Тывы, Калмыкии, но и других регионов России, именно Бурятия уже более трех веков является центром. Сангха России выступает социальным партнером государства в решении как социальных, так и экономических вопросов. По инициативе хамбо ламы реализуются многие проекты, очень востребованные населением. Например, проект "Социальная отара" получил поддержку президента, и сейчас в Республике Бурятия десятки отар получили школы. Реализация этого проекта продолжается, и о нем известно далеко за пределами Бурятии. В 2019 г. стартовал новый проект сангхи – "Народное стадо" (Арадай мал) по разведению крупного рогатого скота (КРС) бурятской породы. Особое внимание сангха уделяет сохранению и развитию бурятской культуры, языка, традиционных видов спорта, традиционных промыслов. Тысячи школьников занимаются национальной борьбой, стрельбой из лука, шахматами, многие уже приносят в копилку Бурятии медали чемпионов мира и России, все они начинали свои первые шаги на турнирах сангхи. За последние 20 лет проделана огромная работа по возрождению буддизма России. Основные усилия сангхи были направлены на восстановление разрушенных дацанов и создание новых. Повсеместно в Бурятии, Иркутской области и Забайкальском крае, во многих регионах и городах Российской Федерации восстанавливаются и строятся дацаны, дуганы и субурганы.

Старообрядчество представлено на территории Республики Бурятия двумя централизованными религиозными организациями: Русская древлеправославная церковь (РДЦ) и Русская православная старообрядческая церковь (РПСЦ).

Самой представительной старообрядческой религиозной организацией на территории республики является Русская древлеправославная церковь. Древлеправославные приходы Республики Бурятия входят в состав Сибирской епархии РДЦ. Возглавляет епархию митрополит Сибирский Сергей (Попков), прибывший в Бурятию в 1995 г. и начавший свою деятельность рядовым священником. За активную работу по созданию новых приходов был в 2005 г. рукоположен в сан епископа, а в 2015 г. возведен в сан митрополита, что стало историческим событием для старообрядцев Бурятии и всех прихожан Сибирской епархии РДЦ, которая включает в себя общины, расположенные на территории Сибири, Дальнего Востока и Восточного Казахстана. В Республике Бурятия построено 8 храмов РДЦ и одна часовня, ведется активная работа по строительству ещё 7 храмов. Паству окормляют 10 священников. В Улан-Удэ построен и действует кафедральный собор Рождества Христова, который освящен 29 июля 2018 г. древлеправославным патриархом Александром.

Русская православная старообрядческая церковь (РПСЦ) представлена в Бурятии пятью зарегистрированными приходами и одним храмом. С 2010 г. до конца 2019 г. руководил приходами РПСЦ в Бурятии епископ Иркутско-Амурский и всего Дальнего Востока Патермуфий (Артемехин). С 28 января 2019 г. постановлением Архиерейского собора РПСЦ назначен временно управлять Иркутско-Забайкальской епархией, вести работу по подбору и подготовке кандидата в новые архиереи епископ Томско-Енисейский Григорий (Коробейников).

Старообрядцы Бурятии принимают активное участие в работе по сохранению и популяризации традиционной культуры староверов Забайкалья (семейских). В 2007 г. Бурятия стала организатором первой встречи старообрядцев мира "Путь Аввакума", которая собрала около 3 000 делегатов из 11 регионов России, 10 стран дальнего и ближнего зарубежья. В форуме приня-

ли участие древлеправославные священники различных церквей и согласий, представители Русской Православной Церкви, более 100 ученых. Форум призвал единомышленников создать международное общественное движение "Старообрядцы мира". В 2015 и 2021 гг. Республика Бурятия еще раз продемонстрировала статус региона-транслятора старообрядчества России. На площадках национально-культурных центров районов компактного проживания старообрядцев-семейских были организованы международный этнофорум старообрядцев мира, Всероссийский фестиваль фольклорных коллективов России "Раздайся-Карагод" и многое другое.

Для сохранения и развития культуры, традиций и обычаев сторонников древлеправославия в Бурятии решено создать автономное учреждение "Центр культуры старообрядцев Забайкалья". На базе Бурятского государственного университета с 28 октября по 3 ноября 2020 г. прошла онлайн-викторина "Нить памяти", посвященная 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума. Цель викторины – увеличить число молодых людей, обладающих знаниями по истории и культуре старообрядчества России и Забайкалья. В викторине приняло участие более 80 учащихся школ республики, студенты БГУ и других вузов города.

С конца 1980-х гг. в республике идет процесс возрождения **шаманизма**. Шаманизм исповедуют буряты и эвенки, очень часто симпатизирует шаманизму и русское население. Самой представительной организацией шаманов является местная религиозная организация "Тэнгэри" в г. Улан-Удэ, у которой есть представительства в Иркутской области и Забайкальском крае.

По мнению исследователей, в современной Бурятии представлены специфические религиозные социально-профессиональные сообщества шаманов, характеризующиеся особой институциональной структурой, включающей социальные религиозные культовые и внекультовые практики. Эти специфические религиозные образования являются новацией в традиционном шаманизме, поскольку в противовес слабоструктурированным связям между обособленными родовыми бурятскими шаманами сегодня действуют шаманские сообщества, ориентированные на воспроизводство как традиционного шаманизма, так и неошаманизма, как городского, так и интернационального. Такая трансформация может быть признаком того, что "изначально тесно связанная с родовыми практиками, сегодня шаманистская религия ориентирована на вне родовые и надэтнические группы, изменившиеся социальные условия, учитывает изменения социальной структуры населения, этнических, образовательных и иных характеристик мест обитания" [5, с. 111–117]. Многие современные культовые служители шаманизма обладают светским образованием и широким кругозором, включающим научные знания. Они могут адаптировать духовные послания предков к современным реалиям и способствуют пониманию их в различных социальных слоях и общностях.

Религиозный синкретизм способствует религиозно-культурной разобщенности не только среди различных этносов, совместно проживающих на определенной территории. Нередки случаи противостояния на почве религиозного синкретизма внутри одного этноса, исповедующего одну религию. Ярким примером данного явления можно считать деятельность традиционных шаманов Бурятии и их синкретизированных ответвлений.

Сложившуюся ситуацию описывает в своей статье И.С. Урбанаева: "... возрождающийся на базе остаточной классической традиции боо-мургэл современный бурятский шаманизм активно усваивает влияние иных культурных, мистических, философских традиций, в силу чего представляется возможным говорить о неошаманизме как устойчивой тенденции, с которой пытаются бороться представители "чистой" традиции боо-мургэл" [14, с. 192–207].

Таким образом, "борцы" за классический шаманизм способствуют возрождению традиций бурят, а следовательно, сохранению национального самосознания и в то же время вносят элементы разобщенности в среду бурятского народа. Несмотря на противоречия между приверженцами традиционного шаманизма и представителями его синкретизированных форм, между ними никогда не возникали открытые военные столкновения.

Особо следует выделить деятельность региональных этнических элитных групп, которые рассматривают "буддизм и шаманизм... как единый механизм национального возрождения, способствующий этнической интеграции

как никакой другой компонент традиционного мировоззрения" [1, с. 56–59], причем это утверждение справедливо не только по отношению к представителям бурятского этноса. В целом, как отмечают многие исследователи, формирование религиозной ситуации происходит вне какого-либо концептуального оформления со стороны государства.

Шаманские организации проводят активную работу с населением, оказывают психологическую поддержку людям, совместно с органами власти и научными учреждениями проводят научные конференции по шаманизму. 19 февраля 2021 г. состоялась международная онлайн-конференция, посвященная проблемам экологии, – проект ассоциации буддийских общин "Арья Сангха" при участии духовных лидеров буддизма и шаманизма, ученых и экологов-активистов. От лица шаманов Бурятии в конференции принял участие Баир Жамбалович Цырендоржиев, глава шаманской религиозной организации, председатель правления, заарин боо, верховный шаман. Конференция была первым этапом проекта, направленного на формирование правильного намерения в умах людей и выработку практических шагов по изменению ситуации в отношении бережного отношения к природе.

Сегодня в республике живет и трудится более 20–30 тысяч мусульман, из них большую часть составляют тюркоязычные народы: татары, башкиры, узбеки, киргизы, казахи и азербайджанцы. Кроме того, есть люди других национальностей, исповедующие ислам: чеченцы, афганцы, таджики, русские, буряты и другие. Рост числа мусульман идет и за счет военных, служащих в войсковых частях республики. По воспоминаниям членов Совета местной религиозной организации мусульман (МРОМ) г. Улан-Удэ, община сформировалась к 2000 г. Тогда же члены МРОМ определились с внешним подчинением, местная религиозная организация мусульман г. Улан-Удэ входит в Духовное управление мусульман азиатской части России (ДУМАЧР). В то время в общине было около 50 человек, и пятничные намазы проводились на квартире, где читали намаз и изучали основы ислама. Так, мусульмане собирались по квартирам несколько лет, пока один из верующих, афганец по национальности, Мохаммад Шоайб Расули не предложил использовать один из своих магазинов как молящийся дом [12, с. 124].

Восстановление мусульманской общины в Улан-Удэ относится к середине 90-х гг. XX в., это было определено ростом миграции населения из Средней Азии и Кавказа. В процессе создания мусульманской уммы можно выделить три этапа. Первый этап отличался своей стихийностью и неконтролируемостью. Инициативу по восстановлению ислама в Бурятии проявили выходцы из Афганистана. Неуклонный рост мусульманских мигрантов в конце 1990-х – начале 2000-х гг. привёл к появлению значительного количества верующих, для которых актуальной задачей стала постройка мечети. На тот момент верующие молились у себя дома и им была необходима официально зарегистрированная религиозная организация, которая появилась после Учредительного собрания мусульман Бурятии. Имамом стал исламский экстремист, бывший в международном розыске Бахтияр Умаров, которого через четыре года в 2008 г. власти депортировали в Узбекистан, его назначение главой мусульманской уммы говорит о бесконтрольности и неуправляемости со стороны общества и местного самоуправления [6, с. 107–115].

Вторым этапом стала ставка на консолидацию религиозного мусульманского общества Бурятии на основе татарского этноса. В 2010 г. на место имама был назначен Айрат Гизатуллин, уроженец Башкирии, выпускник Российского исламского университета, заключивший контракт с организацией на четыре года. Он начал активно сотрудничать с татарским населением республики. Сделал попытку интенсивно вовлекать татар в умму, начал проводить занятия по изучению татарского языка, проводил мероприятия, призванные заинтересовать молодежь. Однако большинство татарского населения было атеистами и достаточно индифферентно к религиозным отношениям. Вот что он сказал по этому поводу: "В Бурятии около 10 тыс. татар, в Улан-Удэ около шести. Однако они не знают ничего ни друг о друге, ни друг друга. Татары в Бурятии практически не общаются друг с другом". В период руководства Айрата Гизатуллина была построена первая мечеть в Бурятии, в её столице – городе Улан-Удэ [2, с. 145–146]. Ответственными за строительство мечети стали председатель МРОМ Басыр Васильевич Нургалиев, заместитель

имама Сафиуллы Хамид и член Совета МРОМ Мохаммад Шоайб Расули. С появлением новой мечети жизнь верующих мусульман в Бурятии активизировалась. Мечеть работает ежедневно. Верующие приходят сюда совершать ежедневный пятикратный намаз, на пятничную молитву здесь собирается более 300–500 мусульман. На крупные праздники (Курбан-байрам, Ураза-байрам) приходит более трех тысяч человек.

Сегодня должность имама центральной мечети г. Улан-Удэ занимает заместитель председателя местной религиозной организации мусульман г. Улан-Удэ Сафиуллы Хамид, который известен своей меценатской деятельностью и вкладом в строительство и обустройство мечети. Кроме того, Сафиуллы Хамид еженедельно проводит экскурсии по основам ислама для студентов и школьников в стенах мечети, а также ведет большую разъяснительную работу среди осужденных в колониях, занимается социальными проектами [9].

В г. Улан-Удэ действует приход "Святейшего Сердца Иисуса Христа" Римско-католической Апостольской Администрации католиков латинского обряда Азиатской части России. Католическая община в Бурятии начала складываться во второй половине XIX века. Ее костяк составляли сосланные на поселение участники польских восстаний 1830–1831, 1863 гг., а в последствии – члены революционных кружков, а также квалифицированные рабочие, прибывшие из Польши и Литвы на строительство Транссибирской магистрали. Кроме поляков и литовцев католиками были армяне, чехи, итальянцы, проживавшие на территории республики. Основная масса католиков проживала на станциях железной дороги в Мысовске, Танхое, Верхнеудинске, Петровском Заводе и Хилке. Католический храм в Верхнеудинске появился в 1907 г., но уже в 1930-е гг., прекратил свое существование. Вновь здание костела было построено в 2004 г. Сегодня состав прихожан католического храма представлен людьми разных национальностей (поляки, буряты, русские, немцы, украинцы, татары и т.д.). Руководит приходом на протяжении многих лет пастор Адам Романюк.

На современной религиозной карте республики значительное место занимают **протестантские религиозные организации**, находящиеся на третьем месте по численности среди религиозных организаций в Бурятии. Сегодня только в г. Улан-Удэ и его пригородах действует более десяти христианских общин, объединенных в несколько союзов, крупнейшими из которых являются Централизованная религиозная организация "Церковь христиан веры евангельской в Бурятии" и Ассоциация христианских церквей в Республике Бурятия "Союз христиан", хотя и они имеют различные (но родственные) ориентации: евангельскую, пресвитерианскую, лютеранскую и пятидесятническую. Вот только некоторые из них: Церковь христиан веры евангельской "Надежда", Христианская пресвитерианская церковь "Шалом", Церковь христиан веры евангельской Христа Спасителя, Христианская пресвитерианская церковь пос. Усть-Брянь, Христианская церковь "Богатый урожай" (пос. Нижние Тальцы), Христианская церковь "Благовестие", Христианская церковь "Горжествующий Сион" и др. [8].

В 2016 г. был создан пасторский совет евангельских церквей и приходов г. Улан-Удэ. Возглавил данный совет С.А. Переславцев, руководитель МРО христиан веры евангельской церкви "Новый завет" г. Улан-Удэ.

Представители протестантов входят в состав Совета по взаимодействию с религиозными организациями при Главе Республики Бурятия, в частности, это Виктор Иванович Колмынин – епископ Ассоциации христианских церквей "Союз христиан" в Республике Бурятия.

В 2009 г. в Улан-Удэ проходило празднование 190-й английской духовной миссии в Забайкалье. Мероприятие было организовано В.И. Колмыниным. Проведению такого мероприятия предшествовала огромная исследовательская работа, которой занимался известный в Бурятии краевед и учёный, кандидат исторических наук Алексей Васильевич Тиваненко. Результатом проведенных исследований стала книга "История английской духовной миссии в Забайкалье (начало XIX столетия)", представляющая научное издание с подробными описаниями жизни миссионеров [13]. Ранее при содействии Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия прошли краеведческие экспедиции с целью поиска и изучения исторических мест,

связанных с деятельностью английских миссионеров. Полученные находки стали экспонатами нового музея истории английской миссии.

Протестантские организации ведут активную проповедническую и миссионерскую работу, особенно среди молодежи, распространяют свою религиозную литературу, издают газеты, организуют летние лагеря для детей из малообеспеченных семей, раздают гуманитарную помощь, распространяют запрет на употребление табака и алкогольных напитков.

Также в Улан-Удэ зарегистрированы общины: Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны), Новоапостольской церкви, Веры Бахаи, Общества Сознания Кришны. Без официальной регистрации действуют последователи церкви объединения Муна, Фалуныгун, Саентологии, Эллэ Аят. Имеются и отдельные представители рериховского движения: рериховское общество (г. Улан-Удэ), ассоциация "Мир через культуру" (г. Улан-Удэ), молодежный центр "Урусвати – Утренняя звезда" (г. Северобайкальск) и многие другие [2, с. 153–154].

Сегодня деятельность централизованной религиозной организации Свидетелей Иеговы признана экстремистской в России. В Бурятии деятельность последователей на данный момент сфокусирована на личном закрытом общении бывших адептов между собой, возможно, на дружеских, семейных встречах или с использованием сети Интернет и др. Учитывая, что несколько поколений было воспитано в рамках данной религиозной системы, правовой запрет будет вынуждать найти нелегальные формы и механизмы общения последователей Свидетелей Иеговы [2, с. 178].

Если мы обратим внимание на концентрацию нетрадиционных религиозных объединений (НРО) по территории республики, то станет заметно, что большинство из них ведут свою деятельность преимущественно в городах (Улан-Удэ, Гусиноозерск, Кяхта, Закаменск и др.).

Таким образом, нетрадиционные религии ориентированы большей частью на городских жителей. Наиболее полно весь вероисповедный спектр представлен в республиканском центре. Для Бурятии г. Улан-Удэ своего рода мегаполис, который становится центром религиозной жизни для большинства конфессий республики. Примечательно, что среди приверженцев НРО большой процент занимают выходцы из сельской местности. После того как человек переселяется из деревни в город и оказывается в достаточной мере отделен от привычного сельского уклада жизни, он уже в значительной степени готов присоединиться к одной из "новых религий". И наоборот, люди, сохранившие связи с семьей, с земляками, гораздо менее расположены примыкать к "новым религиям". Осознанное решение о присоединении к новому религиозному движению легче принимать тем, кто осознает себя одиноким. Немаловажное значение имеет необходимость адаптации к новым социокультурным условиям (к городу, коллективу и т. д.), когда человек нуждается в финансовой и моральной поддержке.

Заключение

Государственное регулирование деятельности религиозных организаций в Бурятии характеризуется тем, что органы государственной власти (Народный хурал) Бурятии официально закрепили особое положение некоторых религиозных организаций: Русской православной церкви, представляющей православие, Буддийской традиционной сангхи России, олицетворяющей традиционное для Бурятии течение буддизма, Русской древлеправославной церкви, представляющей старообрядчество, и единственной на то время шаманской религиозной организации "Боо-мургал" [3, с. 103–107]. Также закон ввел понятие "конфессиональные новообразования". К ним относились все нетрадиционные религиозные организации и конфессии. Согласно тексту закона, "конфессиональные новообразования – это религиозные течения, объединения, возникающие в определенной этнокультурной среде или социальной среде, имеющие отличия от традиционных конфессий в содержании и формах религиозной теории и практики". Конкретные различия в отношениях между религиозными организациями и государством также прописаны в законе. Несмотря на то, что в преамбуле Конституции Российской Федерации религиозные объединения равны перед законом, в федеральном законе за № 125 "О свободе совести и о религиозных объединениях" [11] указано, что данный

закон признает "особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры", уважает христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России.

В первоначальной редакции закона Республики Бурятия "О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия", принятого в 1997 г., также имелся ряд положений, дифференцирующих религиозные объединения по их отношению к "исторически сложившимся конфессиям и верованиям" или к "конфессиональным новообразованиям" [10]. Так, к исторически сложившимся конфессиям и верованиям были отнесены Буддийская традиционная сангха России, древлеправославие, православие и шаманизм, а "конфессиональные новообразования – новые религиозные течения, объединения, возникающие в определенной этнокультурной или социальной среде, имеющие отличия от традиционных конфессий в содержании и формах религиозной теории и практики" [3].

В 2000 г. положения закона "О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия", разделявшие религиозные организации на традиционные и нетрадиционные, были признаны противоречащими Конституции Республики Бурятия. В соответствии с последовавшей редакцией закона "О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия" институты государственного регулирования религии вновь стали неформальными. Понятия "традиционные", "нетрадиционные религии" начали удаляться из всех официальных документов. Тем не менее религиозные организации, которые ранее получили статус традиционных, продолжали следовать данной практике. За традиционными конфессиями закреплялась их особая роль, учитывавшая их значимость в истории, культуре, обществе республики.

Подводя итог, необходимо отметить, что Республика Бурятия является поликонфессиональным регионом, в котором сосуществует множество религиозных организаций. С 2000-х гг. религиозные организации республики в целом меняют вектор с активного роста на сохранение и удержание позиций, занятых ими в 1990-е гг. Государство стремится упорядочить религиозное пространство республики, чтобы контролировать религиозную ситуацию. Прежние институты государственного регулирования религиозной сферы становятся преимущественно неформальными. Органы государственной власти стремятся выстраивать тесные взаимоотношения с узким кругом религиозных организаций, презентуя их в официальном дискурсе как общественные организации. Поддерживая отдельные религиозные организации, органы государственной власти оказывают влияние на религиозную ситуацию в республике в целом.

На современном этапе на религиозную ситуацию в Республике Бурятия влияет ряд факторов. Прежде всего это продолжающийся процесс религиозного возрождения, в рамках которого конструируются идейные модели конфессионального и тесно с ним связанного этнического дискурса. Другим фактором выступает воздействие государственной политики и деятельности негосударственных политических институтов, политических партий и групп в области религии.

Литература

1. Амаголонова Д. Религия в конструировании современной бурятской идеи // *Власть*. 2008. № 7. С. 56–59.
2. Ахмадулина С.З. Правовое регулирование деятельности нетрадиционных религий в России (на материалах Республики Бурятия). Улан-Удэ, 2019. 276 с.
3. Бадмацыренов Т.Б. Религиозная ситуация и религиозные сообщества в Республике Бурятия // *Власть*. 2015. Том 23. № 4. С. 103–107.
4. Бадмацыренов Т.Б. Социальная структура буддийского сообщества: компоненты и их взаимодействия // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2017. № 2 (41). С. 18–28
5. Бадмацыренов Т.Б., Дансарунова С.А. Социальная структура шаманских сообществ современной Бурятии // *Власть*. 2019. Том. 27. № 5. С. 111–117.
6. Варнавский П.К. Мусульманская община Улан-Удэ в контексте взаимодействия мигрантов и принимающего общества // *Известия*. 2016. Т.18. С. 107–115.

7. Жалсанова В.Г., Бреславский А.С., Бильтрикова А.В. Межнациональные отношения в республике Бурятия: оценки экспертного сообщества [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 01.03.2022).
8. Мир Вашему дому: газета Христианских евангельских Церквей г. Улан-Удэ. 2009. №6 (6). 4 с.
9. Мусульмане Бурятии. [Электронный ресурс]. URL: <https://muslim-03.ru> (дата обращения 13.03.2022).
10. О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия : Закон РБ от 23.12.1997 N 610-I // Бурятия. 1998. 16.01 (8).
11. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ // Информационно-правовой портал "Гарант". [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/171640/> (дата обращения 01.03.2022).
12. Региональная национально-культурная автономия татар Бурятии: история, становление, перспективы развития / С.Р. Баталова, Л.В. Кальмина, С.З. Ахмадулина [и др.]. Улан-Удэ, 2012. С. 124.
13. Тиваненко А.В. История английской духовной миссии в Забайкалье (начало XIX столетия) Улан-Удэ, 2009. 251 с.
14. Урбанаева И.С. Буддизм, христианство и шаманизм: роль религиозного фактора в процессе глобализации и основы взаимопонимания традиционных конфессий Байкальского региона // Мир буддийской культуры: Материалы международного симпозиума. 10–14 сентября 2001 г. Улан-Удэ, Агинское. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2001. С. 192–207.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Amagolonova D. Religiya v konstruirovanii sovremennoj buryatskoj idei // Vlast'. 2008. № 7. S. 56–59.
2. Akhmadulina S.Z. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti netraditsionnykh religij v Rossii (na materialakh Respubliki Buryatiya). Ulan-Udeh, 2019. 276 s.
3. Badmatsyrenov T.B. Religioznaya situatsiya i religioznye soobshhestva v Respublike Buryatiya // Vlast'. 2015. Tom 23. № 4. S. 103–107.
4. Badmatsyrenov T.B. Sotsial'naya struktura buddijskogo soobshhestva: komponenty i ikh vzaimodejstviya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2017. № 2 (41). С. 18–28
5. Badmatsyrenov T.B., Dansarunova S.A. Sotsial'naya struktura shamanskikh soobshhestv sovremennoj Buryatii // Vlast'. 2019. Tom. 27. № 5. S. 111–117.
6. Varnavskij P.K. Musul'manskaya obshhina Ulan-Udeh v kontekste vzaimodejstviya migrantov i primimayushhego obshhestva // Izvestiya. 2016. T.18. S. 107–115.
7. Zhalsanova V.G., Breslavskij A.S., Bil'trikova A.V. Mezhnatsional'nye otnosheniya v respublike Buryatiya: otsenki ehkspertnogo soobshhestva [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru> (data obrashheniya 01.03.2022).
8. Mir Vashemu domu: gazeta KHristianskikh evangel'skikh TSerkvej g. Ulan-Udeh. 2009. №6 (6). 4 s.
9. Musul'mane Buryatii. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://muslim-03.ru> (data obrashheniya 13.03.2022).
10. O religioznoj deyatel'nosti na territorii Respubliki Buryatiya : Zakon RB ot 23.12.1997 N 610-I // Buryatiya. 1998. 16.01 (8).
11. O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh: federal'nyj zakon ot 26.09.1997 N 125-FZ // Informatsionno-pravovoj portal "Garant". [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://base.garant.ru/171640/> (data obrashheniya 01.03.2022).
12. Regional'naya natsional'no-kul'turnaya avtonomiya tatar Buryatii: istoriya, stanovlenie, perspektivy razvitiya / S.R. Batalova, L.V. Kal'mina, S.Z. Akhmadulina [i dr.]. Ulan-Udeh, 2012. S. 124.
13. Tivanenko A.V. Istoriya anglijskoj dukhovnoj missii v Zabajkal'e (nachalo XIX stoletiya) Ulan-Udeh, 2009. 251 s.
14. Urbanaeva I.S. Buddizm, khristianstvo i shamanizm: rol' religioznogo faktora v protsesse globalizatsii i osnovy vzaimoponimaniya traditsionnykh konfessij Bajkal'skogo regiona // Mir buddijskoj kul'tu-

ry: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. 10–14 sentyabrya 2001 g. Ulan-Udeh, Aginskoe. CHita: Izd-vo ZabGPU, 2001. S. 192–207.

Информация об авторах

Светлана Владимировна Васильева, д-р ист. наук, профессор кафедры религиоведения и теологии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, e-mail: sv_vasilieva@mail.ru

Светлана Зинатовна Ахмадулина, канд. ист. наук, доцент кафедры религиоведения и теологии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, e-mail: lana_clio@mail.ru

Дарима Цырендоржиевна Будаева, канд. полит. наук, доцент кафедры менеджмента Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, e-mail: darb@rambler.ru

Information about the authors

Svetlana V. Vasilyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Religious Studies and Theology, Buryat State University named after Dorji Banzarov, Ulan-Ude, Russia, e-mail: sv_vasilieva@mail.ru

Svetlana Z. Akhmadulina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Religious Studies and Theology, Buryat State University named after Dorji Banzarov, Ulan-Ude, Russia, e-mail: lana_clio@mail.ru

Damira Ts. Budaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Management, Buryat State University named after Dorji Banzarov, Ulan-Ude, Russia, e-mail: darb@rambler.ru

Поступила в редакцию

(Received) 25.03.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 08.05.2022

Принята к публикации

(Accepted) 16.05.2022

Научная статья
УДК 947.084:2(571.64)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/55-63>

Религиозная ситуация в Сахалинской области: современный этап

Наталья Владимировна Потапова
Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия, napotapova@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется современная религиозная ситуация в Сахалинской области, процесс её формирования, роль и место в ней различных религиозных организаций, выявляются основные тенденции их развития. Приводятся и сопоставляются данные социологических исследований религиозной жизни региона в контексте мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Сахалинской области (2018 г.) и изучения религиозно-этнической самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI в. (2020 г.).

Ключевые слова: *религия, Дальний Восток, Сахалинская область, церковь, религиозная организация, социологический опрос*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00496 А

Для цитирования: Потапова Н. В. Религиозная ситуация в Сахалинской области: современный этап // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 55–63. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/55-63>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/55-63>

The Religious Situation in the Sakhalin Region: the Current Stage

Natalia V. Potapova
Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, napotapova@yandex.ru

Abstract. The article examines the current state of the religious situation in the Sakhalin region, the process of its formation, the role and place of various religious organizations in it, and identifies the main trends in their development. The data of sociological studies of the religious life of the region are presented and compared in the context of monitoring the state of interethnic and interfaith relations in the Sakhalin Region (2018) and studying the religious and ethnic self-identification of the population of the Far East at the beginning of the 21st century (2020).

Key words: *religion, Far East, Sakhalin region, church, religious organization, sociological survey*

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00496 A

For citation: Potapova N. V. The Religious Situation in the Sakhalin Region: the Current Stage // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 55–63. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/55-63>

Введение

Сахалинская область – единственный в Российской Федерации островной регион. На сегодняшний день в Сахалинской области зарегистрировано 138 религиозных организаций, из которых 72 представляют Русскую Православную Церковь (Московский Патриархат) (РПЦ МП), 62 протестантских, 1 католическая, 1 исламская, 1 буддийская и 1 организация Бахаи.

Специфика происходивших в регионе во второй половине XIX–XX вв. этно-религиозных процессов была связана с геополитической и военно-политической историей региона, особенностями освоения островных территорий. Бурное развитие религиозной жизни региона с начала 1990-х гг. в условиях либерализации государственной политики по отношению к религии, свободной миссионерской деятельности иностранцев, а также миграционные процессы, развернувшиеся в начале XXI в., сформировали современную этно-религиозную палитру островов. Необходимость поддержания стабильной религиозной ситуации в регионе в условиях его максимальной отдалённости от центральной части России и фронтного положения, придают особенную актуальность исследованиям религиозной ситуации на Сахалине и Курильских островах.

Изучение религиозных процессов в Сахалинской области предпринималось в конце 1990-х гг. социологом Г.И. Боровским [1]. Позднее исследования проводились по заказу Правительства Сахалинской области, но их результаты не публиковались. Религиозная жизнь региона в начале XXI в. рассматривалась в диссертационном исследовании 2004 г. и в ряде публика-

ций Н.В. Потаповой [11; 12; 13], некоторые аспекты истории православия изучались Е.Ф. Назаровой [7].

Целью статьи является обобщение информации о современной религиозной жизни региона. *Задачи*: дать общую характеристику деятельности религиозных организаций региона в постсоветский период; выявить тенденции их развития; представить основные результаты исследования религиозной самоидентификации населения области 2020 г.

Источниковой базой исследования стали неопубликованные документы (из фондов регионального государственного, ведомственных и личного архива автора); материалы прессы. Социологическое исследование, проводившееся в 2020 г. в рамках научного проекта № 20-011-00496 А "Религиозно-этническая самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI в." при финансовой поддержке РФФИ, в ходе которого было опрошено 382 респондента, позволило получить актуальную информацию о религиозной ситуации в регионе. Для достижения поставленной цели были использованы методы исторического исследования: историко-генетический, историко-сравнительный; методы социологического исследования: статистической обработки и анализа данных.

Религиозные организации Сахалинской области

С начала заселения и освоения Сахалина россиянами в середине XIX в. наиболее широко здесь было представлено православие – РПЦ МП. После закрытия православных церквей на рубеже 1920-1930-х гг., на острове не было православных приходов, хотя в 1950-1980-е гг. число верующих достигало 10 000. (ГИАСО. Ф.1142. Оп.1. Д.1. Л.115)¹. Первый православный приход Блаженной Ксении Петербургской был зарегистрирован в 1989 г., размещался он в частном доме на окраине Южно-Сахалинска (ГИАСО. Ф. П-4741. Оп.1. Д.10; Ф. П-4742. Оп.2. Д.18). В 1989-1993 гг. образовалось приходы в городах Оха, Корсаков, Холмск, Долинск, Макаров, Невельск, Александровск-Сахалинский, Поронайск, п. Тымовское. 23 февраля 1993 г. была образована ныне существующая Южно-Сахалинская и Курильская епархия. Первым её епископом в 1993-1997 гг. был Аркадий (А.П. Афонин). С апреля 2021 г. епархией руководит архиепископ Никанор (Н.Н. Анфилатов). В Южно-Сахалинске вблизи городского парка был построен кафедральный собор Воскресения Христова, освящённый в 1995 г. В 2012 г. было начато строительство, а в 2016 г. Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом был освящён новый кафедральный собор Рождества Христова в г. Южно-Сахалинске, расположенный на площади Победы. В настоящее время в епархии 8 благочиний. Центральное насчитывает 25 приходов, Корсаковское – 8, Долинское – 7, Холмское – 11, Северное – 3, Углегорское – 3, Александровск-Сахалинское – 13. Курильское благочиние включает 6 приходов, расположенных на островах Парамушир, Итуруп и Кунашир.

Традиционно широко представлен в Сахалинской области протестантизм. Общины евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) и христиан веры евангельской-пятидесятников (ХВЕП) областного центра добились регистрации в 1980 г. и 1985 гг. В 1989 г. пастор Церкви ЕХБ "Возрождение" в Южно-Сахалинске А.П. Ляшок завершил строительство молитвенного дома – первого культового здания на острове (ул. Тихая, 26). Сегодня местная религиозная организация (МРО) Церковь "Возрождение" продолжает деятельность в Духовно-культурном центре "Дом Евангелия", построенном А.П. Ляшком в 2008 г. (ул. Физкультурная, 103). В области в XXI в. действуют и другие церкви ЕХБ: в г. Корсаков, Холмск (религиозная группа); пгт. Тымовское; пгт. Ноглики.

В 1997 г. была зарегистрирована централизованная организация – Сахалинское областное объединение церквей Христиан веры евангельской Союза ХВЕП России. Возглавляет организацию П.М. Ярмолюк, с 2004 г. являющийся начальствующим епископом Российской церкви Христиан веры евангельской (РЦ ХВЕ) по ДФО. В состав её вошли церкви ХВЕП, евангельские христиане, пресвитериане, методисты. Большинство из них были созданы иностранными миссионерами после 1990 г., включение в состав централи-

¹ ГИАСО – Государственный исторический архив Сахалинской области

зованной организации давало им возможность перерегистрироваться после принятия федерального закона "О свободе совести и религиозных объединениях" 1997 г. Кроме зарегистрированных МРО, централизованная организация курирует и религиозные группы, действующие на территории области (г. Углегорск, Шахтёрск, Томари, Макаров, п. Воскресеновка, Тунгор, Некрасовка, Ныш, Вал и др.) **(ТАУМЮ СО. "Заключение по результатам контроля за соблюдением Сахалинским областным объединением церквей ХВЕ Союза ХВЕП в России" своего устава относительно целей и порядка деятельности" от 03.08.04)².**

Самая многочисленная из религиозных организаций ХВЕ – "Благодать", имеющая сегодня 9 МРО в населённых пунктах области, в начале 2000-х гг. их количество доходило до 15. Южно-Сахалинская центральная церковь "Благодать" начала действовать в 1992 г. Создал её пастор из США южнокорейского происхождения Ли Ки Рен. В 2014 г. была зарегистрирована централизованная организация "Объединение Церквей "Благодать" Христиан Веры Евангельской".

Ряд церквей заявляют о себе как о евангельских христианах. Большинство их были созданы зарубежными миссионерами и после 1997 г. вошли в централизованную организацию ХВЕП. Не вошла в централизованную организацию церковь евангельских христиан "Свет и любовь" (г. Южно-Сахалинск), относящая себя к Ассоциации церквей евангельских христиан. Она возникла в 1991 г., как южно-сахалинская корейская пресвитерианская церковь (пастор Рю Дон Хва), в 1999 г. перерегистрировалась с новым названием. Большинство прихожан – корейцы. **(ТАУМЮ СО. Д. 10. Л. 9, 73).**

Первые представители Церкви адвентистов седьмого дня (АСД) приехали в Сахалинскую область в середине 1970-х гг. В 1993 г. в областном центре были зарегистрированы Церковь АСД и Сахалинская корейская джунан-церковь АСД. Общины делились по национальному признаку – в первой прихожане были русские, вторая стала результатом миссионерской деятельности АСД Южной Кореи среди корейского населения. После 1997 г. обе общины перерегистрировались как общины Дальневосточной Конференции церкви АСД. Общины располагались в здании колледжа "Сам Юк", организованного миссионерами из Южной Кореи. Позднее это негосударственное учебное заведение превратилось в институт, имеющий богословский факультет. В 2000 г. Институт "Сам Юк" прекратил свою деятельность [2]. Общины переехали на окраину города. В 1995 г. были зарегистрированы организации АСД в г. Невельске и п. Красногорске (русские), в 1997 – в г. Корсакове и г. Холмске (корейские). К настоящему времени на территории Сахалинской области зарегистрированы 7 общин АСД: 4 общины Дальневосточного Союза АСД (г. Корсаков, г. Красногорск, г. Невельск, г. Холмск); церкви АСД в г. Южно-Сахалинске – южно-сахалинские общины № 1 и № 2, с 2019 г. зарегистрирована МРО АСД г. Углегорска [14].

С 1991 г. в областном центре действует "Христианская пресвитерианская церковь", созданная миссионерами из Южной Кореи. Первым руководителем её был Чио Ге Де. Филиалы церкви есть в 10 населённых пунктах области. После 1997 г. эта церковь вошла в централизованную организацию ХВЕП. **(Личный архив автора. Интервью с пастором Ким Те Гю. 12 декабря 2003 г.)**. Сегодня почти все прихожане – корейцы. Богослужения ведутся на корейском языке. В 1991 г. в г. Южно-Сахалинске южнокорейскими миссионерами создана ещё одна пресвитерианская церковь – Сахалинская корейская церковь "Вера, Надежда, Любовь". Позднее она вошла в состав Российского Центрального объединённого христианско-пресвитерианского общества. Имеются филиалы в г. Томари и в пгт. Смирных. **(ТАУМЮ СО. Д. 03-05/9. Л.17).**

С 1992 г. существует община Новоапостольской церкви в г. Южно-Сахалинске (создана миссионерами из Германии), она относится к Дальневосточному Региональному управленческому центру Новоапостольской церкви. Религиозные группы Новоапостольской церкви есть в г. Невельске и п. Горнозаводске.

² ТАУМЮ СО – Текущий архив Управления министерства юстиции по Сахалинской области

Методистская церковь Южно-Сахалинска стала результатом деятельности миссионеров из США. Церковь была зарегистрирована в 1993 г. В 1993-1995 гг. пастором был Че Ган Сок. В 1999 г. церковь вошла в централизованную организацию ХВЕП. Сегодня богослужения в церкви ведутся на корейском языке, большинство прихожан – корейцы. (ТАУМЮ СО. Д. 33. Л. 42).

Католические храмы существовали на Сахалине с конца XIX в. по конец 1940-х гг. В 1992 г. священник из Южной Кореи отец Якоб (Вон Ё Сул) создаёт католическую общину в Южно-Сахалинске, а в 1994 г. она была зарегистрирована (ТАУМЮ СО. Д. 57. Т.1. Л.1–3). Молеальный дом в то время находился на окраине города, в частном секторе с преимущественно корейским населением. В 2000 г. в результате миссионерской работы появились небольшие общины в г. Холмск, Корсаков, Анива, действующие в настоящее время. В 2000 г. начались работы по строительству костёла на одной из центральных улиц г. Южно-Сахалинска (пр. Победы, 26 Б). Весной 2002 г. он открыл двери для верующих. (ТАУМЮ СО. Д. 57. Л. 5, 7, 40). Сегодня настоятелем прихода "Святого Иакова" является о. Р. Балек.

Ислам был представлен на Сахалине со второй половины XIX в., однако в 1930-1990-х гг. в регионе не было мусульманских религиозных организаций. С 1998 г. в областном центре интернациональная община, выросшая за счет миграции из Средней Азии и Кавказа, стала проводить первые коллективные намазы в частных квартирах, изучала основы ислама. Община мусульман областного центра в начале 2000-х гг. разделилась на сторонников ЦДУМ и ДУМАЧР. Первые основали региональный общественный фонд "Мусульманин" в 2001 г. под руководством Т. Файзуллина. Вторая группа верующих, более крупная, объединилась в 2004 г. в религиозную группу "Сахалинская община мусульман" под руководством М. Суворцева [3]. МРО "Махалля г. Южно-Сахалинска" была зарегистрирована в 2002 г. Количество прихожан – около 60 человек: таджики, азербайджанцы, татары, узбеки и др. (ТАУМЮ СО. Д.131). "Сахалинская община мусульман" (г. Южно-Сахалинск) была зарегистрирована в 2006 г. Община неоднократно обращалась в мэрию с просьбой выделить ей землю для строительства мечети. МРО "Махалля Анивского района Сахалинской области" Центрального духовного управления Мусульман России была зарегистрирована в 2007 г. Иمامом А. Мирзоевым были организованы курсы по основам ислама и арабскому языку [4]. В настоящее время в Южно-Сахалинске действует единственная МРО "Сахалин" Центрального духовного управления мусульман России, имам-хатыб А. Гарифуллин. В 2015 г. в г. Южно-Сахалинске был открыт молитвенный дом мусульман (ул. Депова, 39).

Иудаизм также появился на Сахалине в период каторги. В 2002 г. была зарегистрирована МРО ортодоксального иудаизма в г. Южно-Сахалинске, но к 2005 г. она прекратила существование. Также с конца XIX в. известно и о деятельности на Сахалине представителей армяно-григорианской церкви. В 2005 г. была зарегистрирована Южно-Сахалинская МРО Церковь "Сурб Григор Лусаворич (Св. Григорий Просветитель)" Ново-Нахичеванской и Российской Епархии Армянской Апостольской Церкви. К настоящему времени деятельность армяно-григорианской организации также прекратилась.

В 1991 г. были зарегистрированы созданные миссионерами из Ирана и Израиля (ГИАСО. Ф.4729. Оп.1. Д.1, 2; Оп.2. Д. 8, 9, 10) религиозные общины веры Бахаи – в г. Холмске и в Южно-Сахалинске. В 2001 г. была зарегистрирована МРО последователей веры Бахаи г. Долинска. К настоящему времени сохранилась одна организация Бахаи в г. Южно-Сахалинск.

В 1993 г. в областном центре, созданные стараниями миссионеров из Владивостока, были зарегистрированы 2 общины Общества Сознания Кришны (ОСК) (вайшнав), после 1997 г. они не стали перерегистрироваться, в последующие годы действует одна группа ОСК в областном центре.

В Южно-Сахалинске существует община Церкви Иисуса Христа святых последних дней (мормоны), первые представители которой появились на Сахалине в 1997 г. В 2000 г. на остров приехали первые миссионеры из Владивостока (граждане США). Главным способом привлечения новых членов церкви стали бесплатные курсы английского языка. Собрания верующих с 2007 г. проводились в здании в центре города, по соседству с Городским собранием,

что вызвало негативную реакцию части городской общественности [16]. Сегодня организация зарегистрирована и продолжает свою деятельность.

Образование первой буддистской общины в Сахалинской области стало следствием поездки на остров миссионера одной из самых представительных буддийских организаций Японии "Риссё Косэй-кай" из г. Саппоро (Япония, Хоккайдо) в 1992 г. Южно-Сахалинская буддистская МРО "Риссё Косэй-кай" ("Общество по утверждению истинного закона и совершенствованию сообщества верующих") была зарегистрирована в 2011 г.

Свидетели Иеговы* на территории Сахалинской области начали действовать в середине 1970-х гг. В 1993 г. организация была зарегистрирована (ГИАСО. Ф.4729. Оп.1. Д.10; Оп.2. Д.11, 14). В 2001-2002 гг. в Южно-Сахалинске был построен Зал Царств (пр. Победы, д. 67 б). Жители города активно протестовали против этого строительства, в 2003 г. мэр Южно-Сахалинска Ф. Сидоренко отменил разрешение на строительство Зала Царств. Начались судебные процессы [9; 15]. В 1997-1999 гг. были зарегистрированы общины Свидетелей Иеговы* в г. Корсаков, Холмск, Александровск-Сахалинский, Оха, п. Ноглики. Количество Свидетелей Иеговы* по области составляло около 2000 чел. (ТАУМЮ СО. Протокол №1 заседания общественного совета по делам религий при администрации области 27 февраля 1997 г.) [10]. В апреле 2017 г. Верховный суд России принял решение о признании Управленческого центра Свидетелей Иеговы* в России и 395 их местных религиозных организаций экстремистскими. На момент ликвидации региональная организация насчитывала около 1500 верующих [8]. После признания организации экстремистской, здание Зала царств передано в ведение Росимущества [4].

Современное состояние религиозности населения Сахалинской области

Современные исследования говорят о традиционной, исторически обусловленной секулярности, религиозном индифферентизме и атеизме населения Сахалина, предопределённых сначала каторжным контингентом, а в XX в. – переселением на остров по вербовке и оргнабору, а также "по распределению" окончивших вузы комсомольцев и коммунистов, отсутствием на протяжении нескольких десятилетий на острове зарегистрированных религиозных организаций, молитвенных домов и храмов [13]. Эти особенности общественного сознания в значительной степени повлияли на современную религиозную ситуацию в регионе.

По результатам социологического исследования, выполненного в 2018 г., у населения Сахалинской области идентичность по религиозному признаку выражена в наименьшей степени (54%), занимая место после идентичности поколенческой, профессиональной, гражданской, по месту проживания и национальной идентичности. Как отметили авторы этого исследования, для верующих респондентов "важной является идентичность по конфессиональному признаку... Однако, учитывая низкий уровень воцерковленности респондентов, данный вид идентичности не сильно распространён" (ТАУДН ПСО. Аналитический отчет по результатам проведения социологического исследования "О состоянии межнациональных и межконфессиональных отношений в Сахалинской области". 2018 г. с. 19.)⁷ Признали себя верующими 70% опрошенных, 4% затруднились ответить, и 26% не считали себя верующими. Своё вероисповедание респонденты определили следующим образом: 58% – православные, 14% – атеисты, 6% – агностики, 5% – не определились с религией или затруднились ответить, 9% исповедуют другие христианские течения, кроме православия, 5% – мусульмане и 3% – буддисты (Аналитический отчет.... с. 74–75). Иудаизм и другие религии исповеду-

* Организация, деятельность которой запрещена в Российской Федерации

* Организация, деятельность которой запрещена в Российской Федерации

* Организация, деятельность которой запрещена в Российской Федерации

* Организация, деятельность которой запрещена в Российской Федерации

⁷ ТАУДН ПСО – Текущий архив управления по делам национальностей Правительства Сахалинской области

ют менее 0,5% респондентов. Уровень межконфессиональной толерантности характеризуется тем, что не испытывали неприязни к другим религиям 76 % опрошенных (**Аналитический отчет... с. 77–78**).

Ответы на вопросы показали, что "православные и другие христиане верят достаточно формально" – не празднуют все праздники (только 13 % знают все религиозные праздники, 63% празднуют только самые значимые праздники), редко посещают культовые учреждения (только 13 % посещают храм не реже 1 раза в неделю, а 61 % посещает несколько раз в году), не считают свою религию единственной истинной (согласились с этим утверждением всего 14% православных, 56% назвали православие лишь одной из многих религий). Наиболее убеждёнными верующими оказались приверженцы иудаизма (44% знают все религиозные праздники и 47% празднуют только самые значимые), мусульмане (41% и 26%) и буддисты (30% и 25%). Иудеи посещают молитвенный дом не реже 1 раза в неделю (73%), мусульмане (45%), другие христианские течения – 26%, а буддисты – 23%. Уверенность в том, что их религия единственная истинная наиболее ярко выражена у представителей иудаизма (91%), ислама (43%) и буддизма (32%) (**Аналитический отчет... с. 75–76**).

Исследование (выполненное при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00496 А) в 2020 г. на территории Сахалинской области выявило, что верующими себя считают 60,7% опрошенных, из них регулярно участвуют в религиозной жизни 26,72 % или 16,22 % от всего числа опрошенных. Не считают себя верующими 36,94% опрошенных. Остальные участники опроса дали иные, разнообразные варианты ответов: идентифицировали себя как верующих, но не смогли указать, к какому вероисповеданию относятся; верят в сверхъестественные силы, порчу, сглаз и т.п.; верят в силу науки; не определились в своём отношении к религии и т.п. Из назвавших себя верующими, православными себя определили 85% опрошенных (50,52% от общего числа респондентов), приверженцами ислама и буддизма назвали себя соответственно 5,42 и 2,64% верующих (3,02% и 1,57% опрошенных). Сторонники остальных христианских вероисповеданий ("христианство", "ЕХБ", "католицизм", "лютеранин") составили 6,7 %, остальные ("синтоизм", "язычник", "верю в своего бога" и др.) менее 1 % от числа опрошенных.

Только 33,62% от признавших себя верующими респондентов утвердительно ответили на вопрос: "Знаете ли вы вероучение той религии, которую исповедуете?". 48,9% от признавших себя верующими, выбрали варианты ответов "азы", "знаю, но частично", "поверхностно". 16,59% из верующих сообщили, что они не знакомы с вероучением своей религии. Что касается исполнения обрядов и ритуалов, определённых религией (чтение молитв, участие в богослужениях, соблюдение постов и т.п.), то о регулярном их исполнении заявили всего 20,9%, не исполняют их 17,9% респондентов, признавших себя верующими, остальные – это большинство верующих респондентов (61,2%), выбрали ответы "исполняю время от времени", "редко" и т.п.

Ответы на вопрос "Какую роль играет религия в Вашей жизни?" дали весьма любопытную картину. 10,9% – от всего числа опрошенных и 27,8% от признающих себя верующими, ответили, что Бог и общение с ним занимает центральное место в их жизни (варианты ответов: "без веры нет жизни"; "важную роль" и т.п.). 13,87% от всего числа опрошенных и 35,3% верующих показали весьма прагматичное отношение к вере, привели ответы: "бегу в церковь, когда плохо"; "случаются ситуации, когда обращаюсь"; "в сложные минуты"; "вспомогательную", "второстепенную"; "помогает"; "читаю молитвы, когда ситуации в жизни" и т.п. При этом ответы "не знаю", "никакой" дали 52,87% от всего числа опрошенных, то есть не только неверующие, но и значительная часть из указавших себя верующими (36,9%). О том, что они всегда стремятся ориентироваться на религиозные ценности в своей повседневной жизни (соблюдают правила и запреты, определённые их религией) заявили 15,18% от всего числа опрошенных, отрицательно ответили на этот вопрос 38,48% (это совпадает с числом неверующих респондентов). Остальные 45,72% давали ответы: "редко"; "стараясь ориентироваться", "частично", "по возможности", "ориентируюсь на общечеловеческие ценности" и т.п.

Большинство респондентов, которым была дана возможность привести разные варианты ответов, отнесли к нетрадиционным религиозным орга-

низациям Свидетелей Иеговы* (59,68%), сторонников веры Бахаи (49,47%), баптизма (34,81%), кришнаитов (33,82%), старообрядчества (31,67%), буддизма (17,27%), евангельского христианства (17%). Ответы "не знаю", "не разбираюсь", "все нетрадиционные" и т.п. составили 26, 26%. Подавляющее большинство ответов на вопрос о цели деятельности нетрадиционных религиозных организаций на территории региона можно свести к комплексу негативных характеристик: "обман", "финансовая прибыль", "зомбирование", "растление", "отвести от истинной веры" – 68,58%. Затруднились с ответом на этот вопрос 18,84% опрошенных, 11,51% видят целью их деятельности "удовлетворение религиозных потребностей граждан РФ".

Заключение

Начало формирования конфессиональной палитры Сахалинской области относится к середине XIX в. Каторжный способ колонизации Сахалина в период Российской империи и особенности процессов заселения островов в советский период, их геополитическое положение и пограничный статус предопределили особенности регионального общественного менталитета и традиций, своеобразии религиозной истории. Религиозная жизнь региона, история конфессий и деноминаций, отдельных религиозных организаций в постсоветский период напрямую связана как с исторически сложившимися традициями, так и с реализацией политики Российской Федерации в области религии. В целом сегодня Сахалинская область представляет собой достаточно сложный в конфессиональном отношении регион. В постсоветские десятилетия бурный рост числа религиозных организаций и количества верующих, характерный для 1990-х гг. сменяется стабилизацией религиозной ситуации. С начала 2000-х гг. происходит очевидное укрепление позиций РПЦ, что отражено и в результатах социологических опросов. Продолжается успешное существование многочисленных протестантских организаций, однако в общественном мнении усиливается их восприятие как нетрадиционных. Интерес к нетрадиционным организациям, созданным иностранными миссионерами, проходит, и в настоящее время преобладает весьма критическое отношение к ним. В то же время, как показывают данные опроса, нет оснований переоценивать религиозность населения региона, даже тех респондентов, которые заявляют о себе как о верующих.

Новой тенденцией на современном этапе становится развитие ислама в регионе. Этому способствуют этнические, миграционные, демографические процессы в Сахалинской области: депопуляция, естественная убыль населения, отток коренных сахалинцев, славян и части корейского населения на историческую родину, приверженцев, либо потенциальной паствы христианских церквей; рост числа мигрантов, преимущественно из стран Средней Азии. Исследование религиозных аспектов этих изменений в жизни региона будет следующим этапом работы над проектом "Религиозно-этническая самоидентификация населения Дальнего Востока в начале XXI в."

Литература

1. Боровской Г.В. Религиозность населения Сахалинской области // Свободный Сахалин. 1997. 10 июля. С. 3.
2. И Ген Сук. Быть ли адвентистскому университету на Сахалине? // Регион. 1998. 24 июля. С. 5.
3. Ислам в Сахалинской области. URL: <http://www.dumrf.ru/regions/65/history> (дата обращения: 10.03.2022).
4. Климов А. Сахалинская трудовая инспекция переедет в бывший зал царства свидетелей Иеговы. URL: <https://sakhalin.info/news/list127/185818> (дата обращения: 10.03.2022).
5. Колова Н. Какая из дорог ведёт к храму? // Советский Сахалин. 1997. 6 августа. С. 4.
6. Метабуддийские религии. URL: <http://www.philosophydic.ru/metabuddijskie-religii> (дата обращения: 17.03.2022).
7. Назарова Е.Ф. Русская православная церковь в Сахалинской области в 1989–1999 гг. // Духовная жизнь Дальнего Востока России. Материалы региональной научно-практической конференции. Хабаровск, "Частная коллекция", 2000. С. 52–56.

* Организация, деятельность которой запрещена в Российской Федерации

8. Новости Южно-Сахалинска. В Сахалинской области продолжают действовать подпольные ячейки "Свидетелей Иеговы". URL: <https://ys.sakh.com/news/ys/166896/> (дата обращения: 10.02.2022).
9. Новости Южно-Сахалинска. В Сахалинском управлении Минюста ждут руководства к действию в отношении "Свидетелей Иеговы". URL: <https://ys.sakh.com/news/ys/131309/> (дата обращения: 14.02.2022).
10. Новости Южно-Сахалинска. В Южно-Сахалинске пройдет съезд "Свидетелей Иеговы". URL: <https://ys.sakh.com/news/ys/94008/> (дата обращения: 15.03.2022).
11. Потапова Н.В. Миссия и/или филантропия: о социальных программах в деятельности религиозных организаций России в конце XX – начале XXI в. (на примере евангельских церквей Сахалина // Реформы конца XX – начала XXI вв. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. статей / отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. С. 274–283.
12. Потапова Н.В. Религиозная жизнь населения Сахалина в конце XX-начале XXI в. (основные тенденции и проблемы) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 3. Сб. статей / Сост. и общ. ред. М.И. Одинцова. Москва: РОИР, 2006. С. 139–158.
13. Потапова Н.В. Религиозная жизнь Сахалина (во второй половине XIX-начале XXI вв.). Дисс.... к.и.н. Владивосток, 2004.
14. Реестр религиозных организаций Сахалинской области. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 16.02.2022).
15. Свидетели Иеговы продолжают подпольно действовать на Сахалине и Курилах // <https://regnum.ru/news/accidents/2587966.html> (дата обращения: 10.03.2022).
16. Холмогоров Д. Дом для мормонов. URL: <https://sakhalin.info/weekly/43862> (дата обращения: 11.03.2022).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Borovskoj G.V. Religioznost' naseleniya Sakhalinskoj oblasti // Svobodnyj Sakhalin. 1997. 10 iyulya. S. 3.
2. I Gen Suk. Byt' li adventistskomu universitetu na Sakhaline? // Region. 1998. 24 iyulya. S. 5.
3. Islam v Sakhalinskoj oblasti. URL: <http://www.dumrf.ru/regions/65/history> (дата обращения: 10.03.2022).
4. Klimov A. Sakhalinskaya trudovaya inspektsiya pereedet v byvshij zal tsarstva svitatelej legovy. URL: <https://sakhalin.info/news/list127/185818> (дата обращения: 10.03.2022).
5. Kolova N. Kakaya iz dorog vedyet k khramu? // Sovetskij Sakhalin. 1997. 6 avgusta. S. 4.
6. Metabuddijskie religii. URL: <http://www.philosophydic.ru/metabuddijskie-religii> (дата обращения: 17.03.2022).
7. Nazarova E.F. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v Sakhalinskoj oblasti v 1989–1999 gg. // Dukhovnaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii. Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Khabarovsk, "CHastnaya kolektsiya", 2000. S. 52–56.
8. Novosti YUzhno-Sakhalinska. V Sakhalinskoj oblasti prodolzhayut dejstvovat' podpol'nye yachejki "Svitatelej legovy". URL: <https://ys.sakh.com/news/ys/166896/> (дата обращения: 10.02.2022).
9. Novosti YUzhno-Sakhalinska. V Sakhalinskom upravlenii Minyusta zhdut rukovodstva k dejstviyu v otnoshenii "Svitatelej legovy". URL: <https://ys.sakh.com/news/ys/131309/> (дата обращения: 14.02.2022).
10. Novosti YUzhno-Sakhalinska. V YUzhno-Sakhalinske projdyot s'ezd "Svitatelej legovy". URL: <https://ys.sakh.com/news/ys/94008/> (дата обращения: 15.03.2022).
11. Potapova N.V. Missiya i/ili filantropiya: o sotsial'nykh programmakh v deyatel'nosti religioznykh organizatsij Rossii v kontse XX – nachale XXI v. (na primere evangel'skikh tserkvej Sakhalina // Reformy kontsa XX – nachala XXI v. na postsovetskom prostranstve: regional'nyj aspekt: sb. nauch. statej / отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИАЭХ ДВО РАН, 2020. С. 274–283.
12. Potapova N.V. Religioznaya zhizn' naseleniya Sakhalina v kontse KHKH-nachale XXI v. (osnovnyye tendentsii i problemy) // Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennyyj aspekt. Vyp. 3. Sb. statej / Sost. i obshh. red. M.I. Odintsova. Moskva: ROIR, 2006. S. 139–158.
13. Potapova N.V. Religioznaya zhizn' Sakhalina (vo vtoroj polovine XIX-nachale XXI vv.). Diss.... к.и.н. Владивосток, 2004.
14. Reestr religioznykh organizatsij Sakhalinskoj oblasti. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 16.02.2022).
15. Svitetelej legovy prodolzhayut podpol'no dejstvovat' na Sakhaline i Kurilakh // <https://regnum.ru/news/accidents/2587966.html> (дата обращения: 10.03.2022).
16. KHolmogorov D. Dom dlya mormonov. URL: <https://sakhalin.info/weekly/43862> (дата обращения: 11.03.2022).

Информация об авторе

Наталья Владимировна Потапова, д-р .ист. наук, профессор кафедры российской и всеобщей истории Сахалинского государственного университета, Южно-Сахалинск, Россия, e-mail: napotapova@yandex.ru

Information about the author

Natalia V. Potapova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian and General History, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, e-mail: napotapova@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 25.03.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 08.05.2022

Принята к публикации

(Accepted) 16.05.2022

Религиозная карта Магаданской области: локальность, специфика, вариативность

Александра Ивановна Поспелова
Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия, pospp7@yandex.ru
София Валентиновна Поспелова
Института развития города Севастопольского государственного университета, Севастополь, Россия,
sonia5@yandex.ru

Аннотация. Динамику религиозных трансформаций на дальнем Востоке можно определить как путь: от религиозного ренессанса разнообразных религиозных общин, расцвету (в рамках сепарационного типа государственно-церковных отношений), к стагнации и тенденциям поиска "новой религиозности" в "иных" религиях и духовных практиках, которые выходят за рамки культурной традиции исторически "православных" этносов в мусульманстве, или неошаманизме или в МОД "Аллатра" (религиозные диффузии). Актуальность темы исследования определяется необходимостью научного анализа современного состояния религиозной картины региона, а также анализа трансграничных взаимодействий российского Дальнего Востока в сфере влияния новых жителей региона в новых социально-экономических условиях на религиозную карту.

Ключевые слова: религиозная динамика, религиозная карта Северо-Востока РФ, религиозные трансформации, религиозная диффузия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00496 А

Для цитирования: Поспелова А. И., Поспелова С. В. Религиозная карта Магаданской области: локальность, специфика, вариативность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 64–76. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/64-76>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/64-76>

The religious map of Magadan Oblast: locality, specificity, variation

Alexandra I. Pospelova
North-Eastern State University, Magadan, Russia, e-mail: pospp7@yandex.ru
Sofia V. Pospelova
Institute of City Development, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: sonia5@yandex.ru

Abstract. The dynamics of religious transformations in the Far East can be defined as a path: from religious renaissance of diverse religious communities, flourishing (within the separative type of state-church relations), to stagnation and tendencies of seeking "new religiosity" in "other" religions and spiritual practices that go beyond the cultural tradition of historically "orthodox" ethnic groups in Muslim, or neoshamanism or Allatra MOD (religious diffusion). The relevance of the research topic is determined by the need for scientific analysis of the current state of the religious picture of the region, as well as the analysis of cross-border interactions of the Russian Far East in the sphere of influence of new inhabitants of the region in the new socio-economic conditions on the religious map.

Key words: religious dynamics, religious map of the North-East of the Russian Federation, religious transformations, religious diffusion

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00496 A

For citation: Pospelova A. I., Pospelova S. V. The religious map of Magadan Oblast: locality, specificity, variation // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 64–76. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/64-76>

Введение

Современные общественные дискуссии насыщены новыми дискурсивными красками в попытках осмысления "растущего политического влияния религиозных ортодоксий" (Ю. Хабермас). Провозглашение новой геополитической доктрины России повлекло за собой дискуссии о государственно-конфессиональной политике, всплеск активности религиозных организации. Одновременно в общественно-политическом дискурсе актуализировались дискуссии о роли Русской Православной Церкви, что демонстрирует востребованность теоретического осмысления взаимоотношений роли религии в социальных процессах. Религиозная ситуация последних 30 лет в России и проблеме ее изучения освещены в достаточно большом количестве публикаций. Следует остановиться на творчестве наиболее значимых, по нашему мнению, авторов, таких как В. Лопаткин, Р. Н. Лункин, М. П. Мчедлов, М. М. Мчедлова, Т. С. Пронина, М. И. Одинцов, Н. А. Трофимчук, С. Б. Филатов, Д. Е. Фурман, М. Ю. Смирнов, Э. С. Элбакян [1; 9; 3; 12; 13; 19; 20; 21; 23].

Религиозная ситуация на территории Дальневосточного федерального округа РФ и непосредственно Магаданской области рассматривается в публи-

кациях С. М. Дударёнок, О. П. Федирко, Н. В. Потаповой А. И. Поспеловой, С. В. Поспеловой, Т. В. Башлыкова [4; 5; 6; 11; 14; 16; 22].

Чтобы представить религиозное видение современной религиозной ситуации в стране, структуру её конфессионального пространства, надо определиться с "религиозной ситуацией" в регионах. В самом общем плане под религиозной ситуацией мы будем понимать такое положение дел в обществе, регионе, на конкретном обследуемом объекте, которое характеризуется наличием, характером и интенсивностью религиозных проявлений, динамикой и направленностью их изменений, характером и степенью их воздействия на общество или обследуемый объект [9].

Анализ динамики религиозных процессов в регионах позволяет определить общие тенденции, а также акцентировать специфику государственно-конфессиональных отношений и, как следствие, параметры политических и управленческих практик.

Фактически до конца 20-х гг. XX в. Магаданская область с входившим в нее Чукотским автономным округом были стабильно дуально конфессиональными (православие и автохтонные верования). Промышленное освоение регионов в конце 20-х г. и далее до 60-х гг XX века проходило в рамках Дальстроя. К 30 гг. XX века православные церкви были уничтожены, священники были изгнаны или расстреляны. Православие стало тайной религией. Такая же участь постигла местные автохтонные верования.

Конвой 30-х гг., и особенно во время войны, повезли заключенных, увеличилось количество вольнонаемных граждан с разных регионов страны, в том числе верующих. Именно с 30-ых гг. XX в. начинается поликонфессиональная история Северо-Востока РФ. Протестантизм, католицизм, иудаизм¹ Магаданской области имеют свои крайне специфические исторические корни. [6, с. 3–17].

Освободившись из лагерей, кто-то из этих людей оставался в различных поселках Колымского края, кто-то выезжал в Магадан, чаще всего рассматривая свое пребывание в этом городе как временное, планируя в будущем вернуться в родные места². Но свободная жизнь диктовала свои условия: бывшие узники лагерей устраивались на работу, создавали семьи, обрастали новыми отношениями; многие из них оставались на территории Магаданской области до конца своей жизни. Носители разных религиозных воззрений продуцировали их в семье и социуме.

Ныне в Магаданской области насчитывается 139 тыс. жителей. Этническое многообразие при этом фактически представлено всеми большими и малыми этносами РФ (120 этносов)³. Первые пять позиций занимают русские, украинцы, эвены, белорусы и татары. Национальные доминанты складываются следующим образом: в большинстве муниципальных районах области доминируют русские (до 87% населения, указавшего национальную принадлежность); вторые по численности – украинцы (от 6% до 9%); в Омсукчанском и Среднеканском районах доминируют – эвены; в Сусуманском и Ягоднинском – ингуши; в Хасынском – татары; Северо-Эвенский район, имеющий статус национального, отличается низкой долей русских (43% населения) и высокой долей следующих за ними коряков и эвенов (по 24%) [16, с. 88].

Сложившаяся этническая картина оказывает существенное влияние на религиозные процессы в регионе. Специфика расселения жителей региона находит свое выражение в специфике религиозных распределений. Наиболее широкая палитра конфессий в городах (Магадан и Сусуман). Во всех поселках представлены протестанты разных конфессий. Мусульмане закрепляются в

¹ У мусульманства – своя более поздняя история.

² Эта специфика заложила основу для северных сценариев "отложенной жизни", когда "настоящая, свободная жизнь" мыслится за пределами региона. Ссылных давно уже нет, но сценарий прочно закрепился в массовом сознании и обуславливает волны обратной миграции населения на "материк". Собственно говоря, подобные сценарии присущи многим жителям не только РФ (феномен миграции в Европу из Африки и Азии; феномен миграции из РФ за границу)

³ Данные Комитета по статистике Магаданской области.

поселках, которые являются центрами приисков и строительства новых промышленных объектов [16, с. 68].

Методология

Источниковая база исследования представлена двумя группами материалов. Первая – это полевые дневники авторов, составленные на основе включенного наблюдения конфессиональных мероприятий; личные архивы авторов. Вторая часть источников – внутренняя литература религиозных организаций, материалы текущих архивов администраций Магаданской области.

Методология, избранная авторами для настоящего исследования, включает в себя сравнительно-историческое исследование религиозных процессов трансформации места и роли религиозного ландшафта российского Дальнего Востока; компаративный анализ деятельности миссионеров на территории региона, а также конкретно социологические исследования (качественные и количественные)

Религиозная динамика региона

Как уже отмечалось, среди жителей области в большинстве муниципальных образований преобладают представители славянских этносов, что обуславливает православные ориентации многих жителей. В то же время высокая доля выходцев из Украины и Белоруссии, особенно из западных территорий, является фактором, благоприятным для распространения протестантских конфессий (пятидесятничество, баптизм, адвентизм) и католичества. Доля этносов, являющихся основными носителями ислама и иудаизма, в области незначительна, поэтому влияние данных конфессий ограничено. Анализ динамики численности верующих (в процентах к общему количеству верующих по региону) в Магаданской области в конце XX – начале XXI вв. показывает, что в процентном отношении по самоидентификации данные оставались более-менее стабильным до начала 20-х гг. В таблице 1 представлены результаты социологических исследований в Магаданской области. Шаг таблицы обусловлен периодами исследований, которые проводились по заказу Администрации Магаданской области.

Мы наблюдаем рост православных на 0,8 %, существенный рост мусульман на 8,5 %, буддизма на 4,8 % и язычников на 3,21 %. Данный феномен мы проанализируем в разделах по конкретным вероисповеданиям.

Рост протестантских верующих по самоидентификации сопровождается снижением численности зарегистрированных религиозных организаций. Следует констатировать, что за последние 10 лет идет сокращение зарегистрированных религиозных организаций (количество религиозных организаций уменьшается за счет сокращения зарегистрированных организаций протестантов). По данным Министерства юстиции РФ, в 2005 г. в регионе было зарегистрировано 63 религиозных организации (из них 27 – православные и 28 – протестантские). Сегодня в реестр внесено 42 организации: православных – 27; протестантских – 12; 1 – мусульманская; 1 – иудаизм и 1 – католики). В порядке гипотезы можно предположить, что часть верующих "ушла" из правового поля как реакция на жесткую патерналистскую политику государства в последние годы. Так, например, в Северо-Эвенском районе работают две группы пятидесятников, но регистрироваться они не хотят, мотивируя это тем, что им "долго добираться до центра, а интернета у них нет, да и не надо это нам" (ТАОСОРОА МО)⁴.

"Традиционные" верования в регионе

По нашему мнению, преимущественно православное самосознание жителей области составляет часть национального менталитета, обусловленного тесной связью российской истории, государственности и культуры с православным христианством и Русской Православной церковью. В то же время многие (80%) из обозначивших себя православными в церковь ходят редко или не ходят совсем [15, с. 89]. По-видимому, эта часть воспринимает при-

⁴ ТАОСОРОА МО – Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Магаданской области

Таблица 1. Динамика численности верующих в Магаданской области в конце XX – начале XXI вв.
Table 1. Dynamics of the number of believers in the Magadan region in the late 20th – early XXst centuries

№ п/п	Конфессиональная принадлежность	Количество в % к общей численности населения, 1999г.	Количество в % к общей численности населения, 2005г.	Количество в % к общей численности населения, 2008г.	Количество в % к общей численности населения, 2020г.
1.	Русская Православная Церковь	46,70	51,20	57,20	58,00
2.	Ислам	0,70	0,90	0,60	9,10
3.	Старообрядцы	н/д	0,10	0,20	0,20
4.	Иудаизм	н/д	0,05	0,05	0,04
5.	Буддизм	н/д	0,50	0,50	5,30
6.	Римско-католическая церковь	0,70	2,00	2,20	2,10
7.	Евангельские Христиане баптисты	0,30	0,50	0,50	1,50
8.	Христиане Веры евангельской (пятидесятники)	1,00	1,40	1,80	3,80
9.	Евангельские христиане	1,30	1,20	0,60	3,60
10.	Адвентисты седьмого дня	1,30	0,50	0,30	0,50
11.	Новоапостольская Церковь	0,70	0,70	0,05	0,02
12.	Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны)	0,30	0,50	0,30	0,20
13.	Христиане-просвитериане	н/д	н/д	0,07	1,00
14.	Лютеране	н/д	н/д	0,07	0,78
15.	Кришнаиты	н/д	0,90	0,02	0,50
15.	Язычники	н/д	0,09	0,05	3,26

Источник: составлено авторами по данным социологических исследований.

Source: compiled by the authors based on sociological research data.

надлежность к православному вероисповеданию не как формализованное религиозное поведение, а как составляющую национального образа жизни русских (славянских) народов и естественную культурную среду. К тому же преобразования советского периода, безусловно, наложили отпечаток на мировоззрение россиян и привели к массовому появлению промежуточной категории религиозного самосознания, которую один из опрошенных охарактеризовал как "*православный атеизм*" [15, с. 89].

Другая православная конфессия – старообрядческая – находится в состоянии стагнации. Официальную регистрацию старообрядческая церковь (белокриницкого согласия) получила в 1991 г., расположена только в областном центре. Религиозную деятельность в настоящее время продолжает старо-

обрядческая церковь "Во имя иконы Пресвятая Богородица Всех Скорбящих радость". Деноминация не имеет сколько-нибудь значимых исторических корней и социальной базы в Магаданской области, к тому же инициатива создания старообрядческого прихода принадлежала священнику, перешедшему в это вероисповедание из официального православия⁵.

Деятельность других традиционных для России религий, ислама и иудаизма, имеет ряд общих черт. Поскольку влияние данных вероисповеданий характеризуется этнической избирательностью, то их распространенность ограничена местами проживания представителей народов – носителей религии, а религиозные организации в основном закрыты для представителей других этносов.

История мусульманства насчитывает не более 30 лет. До 90-х годов XX в. мусульмане не проявляли себя в регионе. В социологических исследованиях 1987 г., проведенных Администрацией Магаданской области ("Социалистический образ жизни на Севере"), никто из респондентов не отождествлял себя с мусульманством. Приверженцы ислама в Магаданской области – это в основном ингуши, (проживающие в Сусуманском и Ягоднинском районах), а также татары и башкиры (проживающие в г. Магадан). Мусульманская мечеть в настоящее время имеется в г. Сусуман (расположена в частном доме, религиозная организация не зарегистрирована), в г. Магадан (расположена в здании бывшего кинотеатра), поскольку татаро-башкирская диаспора в городе наиболее многочисленная. В Сусумане, кроме того, имеется официально зарегистрированная этническая община ингушей "Магас", которая выполняет не религиозные, а культурно-социальные функции, в контексте которых продуцируются культурные нормы ислама. Рост количества мусульманских верующих сегодня зависит от мигрантов из республик Средней Азии. Следует отметить, что в области мусульманства пропаганда ведется "скрытыми" миссионерами, приход в мусульманство представителей других этносов наблюдается только в зонах исправительно-трудовых лагерей, но это единичные случаи принятия ислама русским населением, которое происходит по личным мотивам. Вследствие этого численность мусульман в области оказывается жестко связанной с миграционными процессами среди этносов – носителей ислама [14, с. 69]. Что касается существования мусульманской организации в Магаданской области, которая официально зарегистрирована наряду с другими, то здесь тенденция неоднозначная. С одной стороны, мусульман в Магаданской области стало явно больше в связи с активной миграцией мусульман из стран Средней Азии (Киргизия, Узбекистан, Таджикистан). Это не могло не сказаться в целом на увеличении активности данной общины на территории области. Актуальным остается вопрос о строительстве мечети. Но при этом далеко не все мусульмане, приезжающие в наш регион, являются "глубоко верующими" (об этом сказал и имам в ходе интервью с ним). Не все из них знают учение, не все могут его соблюдать, и причины этому абсолютно разные. Один из респондентов, узбек по национальности, в личной беседе объяснил, что быть мусульманином в другой стране и культуре достаточно сложно, трудно соблюдать на чужой территории все религиозные обряды. Мешает этому и его профессия. Торговля, по его словам, не способствует соблюдению религиозных правил в повседневной жизни.

Религиозное движение иудаистов в регионе началось в 1991 г. по инициативе лидеров, проживавших в областном центре. В 1990-х гг. религиозное еврейское движение пережило времена и подъема, и полного спада, что было вызвано рядом факторов: периодическим выездом наиболее активной части иудеев за рубеж; противоречиями между лидерами; неравномерной во времени поддержкой местных организаций со стороны зарубежных и российских центров. Историографы магаданского иудаизма насчитывают три точки подъема движения: 1991, 1994 и 1998 гг. [2]. В настоящее время деноминацию представляют две религиозные организации, расположенные в областном центре – Еврейская община (зарегистрирована) и Иудейское общество,

⁵ Религиозная традиция "первоначального" старообрядничества сохранила только на Чукотке в селах Усть-Белая и Марково. С XVII в. местные жители (юкагиры, чукчи) ассимилировались с русским казачеством и переняли их религию.

исповедующие ортодоксальный иудаизм. Обе организации немногочисленны, объединяют от двух до нескольких десятков человек. Иудаистские общины охватывают своим влиянием в основном этнических евреев, но имеются и представители других этносов, самоопределившиеся как иудаисты, которые, по мнению руководителя Еврейской общины, "самодостаточны именно вследствие своей этничности" [8] и не нуждаются в дополнительных основаниях для самоопределения.

Буддизм в регионе не относится к зарегистрированным религиозным организациям и носит дисперсный характер. Респонденты, которые самоидентифицировали себя как "буддисты", находятся в двух локациях: 1) г. Магадан: бурятская этническая община и студенты-гуманитарии СВГУ; 2) Хасынский район (в районе много гастарбайтеров и вахтовых работников из буддистских регионов). Члены бурятской общины считают себя приверженцами учения бурятского буддизма, в котором нет серьёзных отличий от фундаментальных положений буддизма Махаяны, изложенных в тибетском варианте буддийского канона Кэнгьюр. Особенность буддизма у бурят заключается в синкретизме тибетских традиций с древними анимистическими местными обрядами и культурами, существовавшими здесь задолго до прихода дхармы. Подобные обряды связаны с шаманскими практиками, поклонением духам предков, природы, озер, лесов, холмов, а также с культом обо – родовые места: деревья или груды камней, где люди поклоняются духам, усопшим шаманам, предкам.

Наибольший рост идентифицирующих себя с буддизмом выявлен в студенческой среде в возрастной шкале от 18 до 22 лет. Респонденты считают себя дзен-буддистами, основными признаками которого они считают вегетарианство, не причинение насилия, пацифизм и экологическую солидарность с миром. Данный феномен (быстрый рост численности по идентификации среди молодежи) нуждается в дополнительных качественных исследованиях.

Протестантизм

Наибольшую активность на территории области проявляют протестантские церкви, которые с 90-х гг. XX в. создали разветвленную сеть религиозных организаций. Самой организованной и многочисленной конфессией в области является церковь Христиан веры евангельской (ХВЕ), или пятидесятническая, так как своими корнями церковь уходит в 40-е гг. XX в. Организационное оформление данной конфессии происходило при активном участии миссионеров из Украины. В дальнейшем под влиянием внешних и внутренних причин из ее состава выделялись отдельные религиозные группы, находившие для себя различные источники и формы существования. В настоящее время пятидесятническая церковь в области представлена четырьмя течениями, которые практически не имеют доктринальных расхождений, но различаются характером проведения служений, отношением к официальной регистрации и принадлежностью к головной организации.

Надо отметить, что по силе эмоционального воздействия на адептов харизматическая церковь порой превосходит другие конфессии. Например, одна из респонденток (по этнической принадлежности эвенка) пришла в церковь "Слово жизни" будучи студенткой. После окончания учебного заведения она должна была вернуться домой, в отдаленный национальный поселок. Чтобы остаться в Магадане, ей пришлось приложить немало усилий, и поддержка в этом была оказана со стороны церкви. С тех пор девушка является активной прихожанкой и считает участие в церковной жизни залогом своего жизненно-го благополучия [24, с. 222].

Харизматическая церковь отличается активным миссионерством – все прихожане обязаны нести "евангелизационное служение" в виде постоянного обхода квартир с целью привлечения неопитов. Кроме того, "Скала Надежды" проводит политику поглощения других, более мелких конфессий (лютеране, иудаисты и др). Церковь жестко структурирована, члены общины разбиты на молитвенные ячейки по району проживания и представлены во всех поселках региона.

Среди других течений пятидесятников значительным по числу прихожан являются пятидесятники "традиционные": течение зарегистрировано в виде миссии "Благая Весть" и объединения "Колымское братство". "Традиционные" пятидесятники, наряду с "союзническими" баптистами, пользуются

поддержкой Славянского общественного центра г. Сакраменто (США), основанного украинскими эмигрантами [10].

В деятельности "традиционных" пятидесятников важной является ориентация на миссионерскую работу среди коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Наибольшая активность этой церкви наблюдается в Северо-Эвенском национальном районе. Членами церкви здесь являются исключительно представители коренных этносов (коряки и эвены). Такая этническая избирательность связана с тем, что миссионерская деятельность дьякона (гражданина Украины), основавшего пятидесятническую церковь в пос. Эвенск, изначально была направлена на коряков – этнос, представители которого в основном относятся к низкостатусной группе с небольшими доходами, сложно протекающей социальной адаптацией, и вследствие этого обладающей пагубными привычками. Таким образом, эта вновь сконструированная этноконфессиональная консолидация коряков Северо-Эвенского района является консолидацией "на основе бедности".

Лидеры церкви возлагают серьезные надежды на распространение своего влияния при помощи проекта, руководствуясь следующим положением: "У коряков есть одна особенность: если кто-нибудь из рода уверует, то они приходят в церковь всей семьей. Если опыт этой общины будет положительный, очень многие коряки примкнут не только к общине, но и целыми семьями примут христианскую веру" [24, с. 200].

В Магаданской области активно действует и развивается сеть протестантских организаций различного толка. Особенно широко представлена сеть общин пятидесятников. Пятидесятники, баптисты, адвентисты седьмого дня – относительно многочисленные группы протестантов. Большинство общин насчитывает в своем составе в среднем около 50-60 человек. В основном состав этих организаций женский. И стоит отметить, что, хотя представлены в них все возрастные группы, преобладающей все же является группа людей предпенсионного и пенсионного возраста.

По словам большинства лидеров протестантских организаций, в их рядах наблюдаются приблизительно одни и те же тенденции, и не важно, о каких конкретных религиозных течениях идет речь.

Первая тенденция – старение состава религиозных групп, что сказывается и на численности религиозных организаций. Многие пасторы отмечают в личных беседах, что состав их религиозных общин (церквей) существенно сократился за последние годы. И во многом это связано с возрастом членов общин. Уменьшение обусловлено еще и тем, что многие представители организаций покидают Магаданскую область. Иными словами, общие тенденции, свойственные региону, воспроизводятся и в небольших протестантских общинах, как в своеобразной микромодели. Однако, несмотря на эти негативные тенденции, определенная ротация в общинах всегда присутствует. Конечно, речь не идет о массовом притоке новых верующих. Чаще всего своеобразный обмен адептами существует между протестантами, ввиду некоторой "демократичности" этих церквей. Многие пасторы отмечают, что они не запрещают своим прихожанам посещать службы в других религиозных организациях.

Вторая тенденция – деление протестантских организаций. На данный момент речь идет о существовании на территории Магаданской области по крайней мере двух активнодействующих групп пятидесятников – "неопятидесятников" и "традиционных" пятидесятников. На улице Лево-Набережной, в здании бывшего детского сада, собираются две общины баптистов.

Третья тенденция – связана с первой и является ее закономерным результатом. Некоторые протестантские организации фактически прекратили свое существование. В Магадане удалось найти представителей только одной семьи мормонов. Лидер Новоапостольской церкви на данный момент находится в Хабаровске, службы проводятся в Магадане редко, хотя официально организация зарегистрирована на переулке Швейников в г. Магадане. Фактически несколько прихожан осталось в лютеранской церкви, где пастором являлся А. Я. Озолс. После его кончины группа стала сокращаться и прекратила регулярные богослужения. В п. Сокол лютеране также собираются на еженедельную службу по воскресным дням, но их состав малочислен и не превышает 10 человек.

Большинство протестантских церквей действует постоянно, службы проходят обычно три раза в неделю, основная – в воскресенье утром или днем. В протестантских организациях есть действующие воскресные школы, многие занимаются активной миссионерской деятельностью, благотворительными акциями и пр.

Диффузная религиозность в регионе

Воспользуемся методологией дефиниции М.Ю. Смирнова, который под "диффузной религиозностью" понимает "приверженность распыленным верованиям и практикам, находящимся вне доктринального и организационного пространства традиционных, институционализированных религий..." [21, с. 10]. Термин "диффузный" применительно к религии и религиозности обозначает выход религиозных поисков и практик за пределы организованных религий. Понятие "диффузной религиозности", связано со смещением исследовательского интереса от "институтов" к "практикам" как "явлению, противоположному жесткой и установленной системе религиозных текстов, норм и институтов" [26, с. 18].

"Диффузные" религии представлены в регионе кришнаитами (их деятельность зависит от сезонов года: активизируется летом и затихает зимой), новое религиозное движение АллатРа (основано мигрантами с Украины) и неошаманизмом.

Неошаманизм в регионе появился в нулевые годы у автохтонных народов и получил некоторое распространение в среде студентов-гуманитариев, которые, по их мнению, практикуют модифицированный буддизм в совокупности с "поиском мест силы" и поклонение "духам мест и природы". Анализ конкретных форм религиозного комплекса полагает, что отдельные элементы архаических верований имеют положительную динамику во времени, проявляя себя и сегодня. Собственно традиционных (архаических) культур либо не осталось, либо они остались, но подверглись нативизации [14; с.140]. "Возрожденные" традиции (праздники, камлания и т.д.) возрождаются почти всегда искусственно и сами носители этих традиций транслируют только внешнюю форму. Идет процесс, в результате которого культурный "пиджин" начинает обслуживать основные коммуникативные потребности конкретного социума, в том числе и сферу внутрисемейного бытового общения, постепенно он становится родным, а зачастую и единственным языком нового поколения. У Боева-Омелечко Н.Б. в "Кратком толковом словаре социолингвистических терминов" отмечается, что "характерная черта пиджина – упрощение. Процесс, при котором культурные паттерны двух неродственных культур смешиваются, при этом упрощаясь" [14; с. 149].

Интересная метаморфоза произошла в структуре новой религиозной протестантской организации (подобного нигде более на Северо-Востоке не наблюдалось). Ни у кого из автохтонных народов Севера никогда христианство не заменяло шаманизм. У большей части автохтонов существовало двоеверие, но икона Богородицы считалась высшей в сакральной сущности. Миссионерская деятельность пятидесятников привела к появлению коряко-пятидесятников. Коряки, связанные с протестантским пастором узлами веры, считают его до известной степени своим, и это повышает уровень доверия. Главное заключается в том, что пастор сумел стать духовным лидером, посредником между земным и потусторонним мирами, то есть восполнил ту пустующую нишу, которую прежде занимал шаман. Разумеется, нельзя ставить в один ряд христианскую религию и шаманизм, но некоторые особенности вероучения и богослужебной практики пятидесятников способны наглядно продемонстрировать определенное созвучие между ними.

Протестантизм с близостью священства к мирянам хорошо согласуется с религиозными практиками коряков: шаман был сородичем, "своим" в социальном отношении. Однако шаман гораздо больше, чем другие, принадлежал сакральному миру, на этом основан его духовный авторитет. Сегодня собственных духовных лидеров именно такого плана в корякском обществе практически нет, эта позиция замещается миссионерами, сумевшими стать до известной степени "своими".

Более того, сдвиг в сторону христианской конфессии, который, казалось бы, означает полный разрыв с традиционными воззрениями, на деле обнару-

живаает преемственность между ними. Коряки признают возможность инфернальных существ/сущностей (духов) проникать во внутреннее пространство человека на краткий (сон) или долгий (тяжелая болезнь) срок. Признание за духами возможности такого проникновения в человека является яркой чертой мировоззрения коряков. Корякам свойственны амбивалентные воззрения на природу зла: зло не абсолютно, и содержит в самом себе свое отрицание. Более того, коряки допускают состязательность духов, возможность борьбы между ними.

Магаданский этнограф Л.Н. Хаховская убеждена, что анимистические убеждения коряков, как ни парадоксально, согласуются с основополагающими догмами пятидесятников. Речь идет о следующих положениях: 1) акцент на действии Святого Духа в повседневных явлениях; 2) учение о крещении Святым Духом, то есть сошествии его на верующего; 3) сошествие Святого Духа сопровождается говорением на "иных языках" [24; с.200]. Присутствующие на богослужениях пятидесятников видят, что его участники действительно выпадают в отрешенное состояние и произносят нечленораздельные речи, и это может убедить их стать адептами новой веры. Таким путем происходит восстановление публичной сакральности в духовной жизни коряков, которая ранее была связана с деятельностью шаманов, но длительное время находилась в латентном состоянии или была прервана совсем. Как выразился американский антрополог Александр Кинг, протестанты "подобрали там, где Советы остановились" [26, с. 18].

АллатРа – международное общественное движение. В книгах, на которых базируется учение, цитируются зачастую с искаженными интерпретациями Библия, Коран, искажается суть буддизма, индуизма, упоминаются зороастризм, шаманизм, даосизм. Кроме того, руководители культа пытаются убедить последователей, что сотрудничают с инопланетянами. Учение это содержит элементы ближневосточной мифологии, зороастризма, гностицизма, теософии, агни-йоги. В качестве бодхисатв и пророков почитаются Будда, Иисус, Мухаммед и православный святой Агапит Печерский. Учение носит также и дуалистический характер. Бог-Абсолют АллатРа имеет божественное женское начало Аллат и мужское отеческое Ра. У магаданских последователей движения появилась группа в сетях, в которой уже без малого 350 подписчиков.

Язычество

В начале XX в. почти все эвены в религиозных воззрениях были двоеверцами (синтез автохтонных верований и православия). От 45 до 70% коряков, ительменов и юкагиров Магаданской области придерживались традицией языческих верований (полисинкретические верования, включающие шаманизм, анимизм, тотемизм, фетишизм и магию). В настоящее время автохтонные культы сохранились на севере Магаданской области можно встретить идолов; автохтоны совершают обряды кормления "первой рыбы", ритуал забоя 1-го оленя. На вершинах сопок встречаются "родовые места", к которым приносят предметы, замещающие жертвы животных. В настоящее время идет процесс возрождения язычества среди эвенов и коряков, обусловленный его отождествлением с национальной культурой.

Заключение

Анализ данных социологического исследования в Магаданской области приводят нас к следующим выводам.

Во-первых, к настоящему времени в регионе сформировался поликонфессионализм. В Магаданской области (как и на Дальнем Востоке в целом) сложилась своеобразная ситуация, при которой среди религиозных организаций по численности лидируют православные и протестантские формирования (в совокупности). В общинах протестантских конфессий преобладают лица, осознавшие свою религиозность именно в последние десятилетия в основном как результат деятельности зарубежных миссионеров. Отсюда высокий процент среди неофитов молодежи, а также лиц средних и старших возрастов, испытывающих социальное одиночество, личные и материальные проблемы.

Во-вторых, в религиозной картине региона немаловажное значение имеют и массовые миграции северян, в результате которых лидеры и при-

хожане одних конфессий покидают область, а на смену им приходят лидеры мусульманства, растет "диффузная религиозность", и тому имеется ряд объективных причин. В настоящее время православные и протестантские церкви в своей деятельности все более активно стремятся выйти за рамки чисто религиозных функций (богословские, евангельские программы, издание религиозной литературы и др.) и ставят вопрос об участии в социальной жизни общества путем развития благотворительных и образовательных программ, а кое-где – и в региональной экономике.

В-третьих, межконфессиональные отношения в Магаданской области, по мнению жителей, отличаются стабильностью и бесконфликтностью. На это указало большинство респондентов. Подобное состояние общественного мнения, как представляется, результат, с одной стороны, действительно благополучной обстановки в регионе, с другой стороны, результат пониженного внимания населения к данным вопросам. Так, достаточно высока в опросе была доля респондентов, которые вообще не смогли выразить какого-либо суждения на данную тему.

В-четвертых, актуализация языческих представлений в кризисные периоды – явление не только современное. В разные культурно-исторические эпохи происходило обращение к языческим традициям, и это обращение имеет циклический характер. Безусловно, такое обращение к традиционной культуре не является буквальным, оно всегда несет с собой нечто новое, являясь своего рода катализатором изменений. В период, когда внутренняя стабильность общества и его институты берутся под сомнение, а религиозные ценности и организационные формы не могут удовлетворить членов общества, новые религиозные движения выполняют функцию актуализации тех общественных и культурных ценностей, которые в процессе общественных изменений не работают. Но которые не потеряли своей актуальности. Неошаманизм встраивается в современный дискурс: национализм предпочитает религию национальную религиям мировым. А это ведет либо к "национализации" мировой религии, либо к поискам корней в архаике.

В целом религиозная динамика в Магаданской области представляет "маятниковую" трансформацию: от "взрывной религиозности" 90-ых гг, к периоду стабильности в нулевые и начале десятых годов, который перешел в стагнацию и формализацию религиозной жизни к периоду поиска "новой" религиозности. Прогностический анализ показывает, что с наполнением региона гастарбайтерами-мусульманами продолжится рост мусульманства не только локально, но и в региональном масштабе. Можно предположить, что возможен рост неоязычества и неошаманизма, которые обусловлены тенденциями возрождения этнического самосознания. Однако при дальнейшей интенсификации миссионерской деятельности возможен рост христианских конфессий.

Данные социологических исследований 2020 г., проведенных в онлайн формате, требуют уточнения как количественными, так и качественными методами. Экстраполяция полученных результатов достаточно ограничена в силу не только характера выборки (верующие большого города и верующие далеких районов, которые различны по гендерным, национальным и социальным параметрам), но и наличия небольшого сдвига выборки в сторону респондентов, имеющих высшее и незаконченное образование. Тем не менее проведенное исследование показывает существенные различия в социальном измерении индивидуальной религиозности, которые важно учитывать при компаративном изучении региональных конфессий.

Литература

1. Агаджанян А., Русселе К. Как и зачем изучать современные религиозные практики? // Религиозные практики в современной России: Сборник статей. М.: 2006. С. 298
2. Аллаhverдян Я.О., Богачев М.И., Шмидт В.В., Элбакян Е.С Религиоведение в контексте национальной безопасности / Государственная служба. 2019. Т. 21. №2(118). С. 108-
3. Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1. / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. Авторы: Лункин Р.Н., Филатов С.Б. М.; СПб.: Летний сад, 2005. 621 с.

4. Башлыков Тимофей Васильевич. Религиозная ситуация на территории Крайнего Северо-Востока России: состояние и тенденции развития: Дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06: Тамбов, 2004. 143 с.
5. Дударёнок С.М. Особенности формирования и тенденции развития религиозного пространства Дальнего Востока в постсоветских период // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2015. Вып. 52. С. 323–345.
6. Дударёнок С.М., Поспелова А.И., Поспелова С.В. Особенности религиозной ситуации в Магаданской области (60–90 гг. XX в.) // Религиоведение, 2003. № 3.С. 65.
7. Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД-МВД СССР) /Земсков В.М. // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.
8. Левин Б. С. Нынешняя история евреев в Магадане. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magadanjew.ru/> (дата посещения: 30.02.2022).
9. Лопаткин Р.А. Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации. [Электронный ресурс]. URL:http://www.religare.ru/2_181.html (дата посещения: 30.02.2022)
10. Евангелизационный социально-экономический проект "Эммануил в Магаданской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://hve.ru> (дата посещения: 28.02.2022).
11. История христиан веры евангельской (пятидесятников) Дальнего Востока России (1920–е–конец 1980-х гг.): монография / Под редакцией: Федирко О.П. (отв. редактор), Дударёнок С.М, Устинова А.Г. [Религиозная жизнь Дальнего Востока России] М.: ООО "Терция", 2018. 464 с.
12. Многообразие религиозных форм современной России: коллективная монография/Отв. ред. В.А. Егоров. СПб.: РХГА, 2022. 248 с.
13. Мчедлова М.М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности // Социологические исследования. № 10. 2016. С. 110–118.
14. Поспелова А.И., Дударёнок С.М., Федирко О.П. От "религиозного ренессанса" к стагнации и "новой" религиозности: локальные трансформации дальнего востока //Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2021.№ 1. С. 139–150.
15. Поспелова С.В., Поспелова А.И. Сравнительный анализ этноконфессиональной ситуации магаданской области (конец XX -начало XXI вв.) // Социология религии в обществе позднего модерна. 2020. т. 9. С. 85–92.
16. Поспелова А.И. История религии Магаданской области (прошлое, настоящее и прогнозическое будущее) // На перекрестке севера и востока (методологии и практики регионального развития). Материалы II международной научно-практической конференции. Отв. ред. Леонова О.А. 2017. С. 67–80.
17. Поспелова А.И. Реликтовые верования у коряков Северо-Эвенского района // IV Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 250-летию научной академической монографии С. П. Крашенинникова "Описание земли Камчатки". Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. С. 45–54.
18. Пронина Т.С. Возрождение религиозных институтов в контексте функциональных практик // Многообразие религиозных форм современной России / Коллективная монография. Отв. редактор В.А. Егоров. Санкт-Петербург, 2022. С. 11–18.
19. Свобода совести с России: исторический и современные аспекты / Отв. ред. Одинцов М.И., Выпуск 11, Владивосток, 2015. 372 с.
20. Социологическое изучение религиозной ситуации и государственно-церковных отношений // Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Отв. ред. Овсиенко Ф.Г., Одинцов М. И., Трофимчук Н. А., М., 1996.257 с.
21. Смирнов М.Ю. Социология религии как предмет научной самоидентификации // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13., Вып.3. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С. 10.
22. Федирко О.П., Владимиров Д.А. Религиозное неравенство на Дальнем Востоке через призму судебной практики (2016–2019 гг.) // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7 (109). Ч. 4. С. 192–197.
23. Хаховская Л.Н. Охотские церкви в XIX - начале XX в. (Гижигинская, Тауйская, Ямская и Ольская). [Электронный ресурс]. URL: <https://kolyta.ru/magadan/index.php?newsid=59> (дата посещения: 30.29.2021).
24. Хаховская Л.Н. Культура этнолокального сообщества. Москва-Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. 280 с.
25. Cipriani R. Religion as Diffusion of Values. "Diffused Religion" in the Context of a Dominant Religious Institution: The Italian Case // The Blackwell Companion to Sociology of Religion. Ed. by R. K. Fenn. Blackwell Publishing, 2001, P. 292–305.
26. King A. D. Genuine and spurious dance forms in Kamehanka, Russia // Max Planck institute for social anthropology working papers. 2005. Working Paper No. 79. Halle / Saale. P. 1–18.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Agadzhanian A., Russele K. Kak i zachem izuchat' sovremennyye religioznye praktiki? // Religioznye praktiki v sovremennoj Rossii: Sbornik statej. M.: 2006. S. 298
2. Allakhverdyan YA.O., Bogachev M.I., SHmidt V.V., EHLbakyan E.S Religiovedenie v kontekste natsional'noj bezopasnosti / Gosudarstvennaya sluzhba. 2019. T. 21. №2(118). S. 108-
3. Atlas sovremennoj religioznoj zhizni Rossii. T. 1. / Otv. red. M. Burdo, S. Filatov. Avtory: Lunkin R.N., Filatov S.B. M.; SPb.: Letnij sad, 2005. 621 s.
4. Bashlykov Timofej Vasil'evich. Religioznaya situatsiya na territorii Krajnego Severo-Vostoka Rossii: sostoyanie i tendentsii razvitiya: Dis. ... kand. sotsiol. nauk : 22.00.06: Tambov, 2004. 143 s.
5. Dudaryonok S.M. Osobennosti formirovaniya i tendentsii razvitiya religioznogo prostranstva Dal'nego Vostoka v postsovetских period // Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noj istorii. 2015. Vyp. 52. S. 323–345.
6. Dudaryonok S.M., Pospelova A.I., Pospelova S.V. Osobennosti religioznoj situatsii v Magadanskoj oblasti (60-90 gg. KHKH v.) // Religiovedenie, 2003. № 3.S. 65.
7. Zemskov V. N. Spetsposelentsy (po dokumentatsii NKVD-MVD SSSR) /Zemskov V.M. // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1990. № 11. S. 3–17.
8. Levin B. S. Nyneshnyaya istoriya evreev v Magadane. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.magadanjew.ru/> (data poseshheniya: 30.02.2022).
9. Lopatkin R.A. Konfessional'nyj portret Rossii: k kharakteristike sovremennoj religioznoj situatsii. [EHlektronnyj resurs]. URL:http://www.religare.ru/2_181.html (data poseshheniya: 30.02.2022)
10. Evangelizatsionnyj sotsial'no-ehkonomicheskij proekt "EHmmanuil v Magadanskoj oblasti. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://hve.ru> (data poseshheniya: 28.02.2022).
11. Istoriya khristian very evangel'skoj (pyatidesyatnikov) Dal'nego Vostoka Rossii (1920-e- konets 1980-kh gg.): monografiya / Pod redaksiej: Fedirko O.P. (otv. redaktor), Dudaryonok S.M, Ustinova A.G. [Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii] M.: OOO "Tertsiya", 2018. 464 s.
12. Mnogoobrazie religioznykh form sovremennoj Rossii: kollektivnaya monografiya/Otv. red. V.A. Egorov. SPb.: RKHGA, 2022. 248 s.
13. Mchedlova M.M. Religiya, obshchestvo, gosudarstvo: vyzovy i ugrozy sovremennosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. № 10. 2016. S. 110–118.
14. Pospelova A.I., Dudaryonok S.M., Fedirko O.P. Ot "religioznogo renessansa" k stagnatsii i "no-voj" religioznosti: lokal'nye transformatsii dal'nego vostoka //Vestnik leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2021.№ 1. S. 139–150.
15. Pospelova S.V., Pospelova A.I. Sravnitel'nyj analiz ehtnokonfesional'noj situatsii magadanskoj oblasti (konets XX -nachalo XXI vv.) // Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna. 2020. t. 9. S. 85–92.
16. Pospelova A.I. Istoriya religii Magadanskoj oblasti (proshloe, nastoyashhee i prognosticheskoe budushhee) // Na perekrestke severa i vostoka (metodologii i praktiki regional'nogo razvitiya). Materialy II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Otv. red. Leonova O.A. 2017. S. 67–80.
17. Pospelova A.I. Reliktovye verovaniya u koryakov Severo-EHvenskogo rajona // IV Dikovskie chteniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhennoj 250-letiyu nauchnoj akademicheskoy monografii S. P. Krasheninnikova "Opisanie zemli Kamchatki". Magadan: SVKNII DVO RAN, 2006. S. 45–54.
18. Pronina T.S. Vozrozhdenie religioznykh institutov v kontekste funktsional'nykh praktik // Mnogoobrazie religioznykh form sovremennoj Rossii / Kollektivnaya monografiya. Otv. redaktor V.A. Egorov. Sankt-Peterburg, 2022. S. 11–18.
19. Svoboda sovesti s Rossii: istoricheskij i sovremennyye aspekty / Otv. red. Odintsov M.I., Vypusk 11, Vladivostok, 2015. 372 s.
20. Sotsiologicheskoe izuchenie religioznoj situatsii i gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenij// Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossii (opyt proshlogo i sovremennoe sostoyanie) / Otv. red. Ovsienko F.G., Odintsov M. I., Trofimchuk N. A., M., 1996.257 s.
21. Smirnov M.YU. Sotsiologiya religii kak predmet nauchnoj samoidentifikatsii // Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii. 2012. T. 13., Vyp.3. SPb.: Izd-vo RKHGA, 2012. S. 10.
22. Fedirko O.P., Vladimirov D.A. Religioznoe neravenstvo na Dal'nem Vostoke cherez prizmu sudebnoj praktiki (2016–2019 gg.) // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2021. № 7 (109). CH. 4. S. 192–197.
23. KHakhovskaya L.N. Okhotskie tserkvi v XIX - nachale XX v. (Gizhiginskaya, Taujskaya, YAm-skaya i Ol'skaya). [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://kolyma.ru/magadan/index.php?newsid=59> (data poseshheniya: 30.29.2021).
24. KHakhovskaya L.N. Kul'tura ehtnolokal'nogo soobshhestva. Moskva-Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2018. 280 s.
25. Cipriani R. Religion as Diffusion of Values. "Diffused Religion" in the Context of a Dominant Religious Institution: The Italian Case // The Blackwell Companion to Sociology of Religion. Ed. by R. K. Fenn. Blackwell Publishing, 2001, P. 292–305.

26. King A. D. Genuine and spurious dance forms in Kamehanka, Russia // Max Planck institute for social anthropology working papers. 2005. Working Paper No. 79. Halle / Saale. P. 1–18.

Информация об авторах

Александра Ивановна Поспелова, д-р филос. наук, профессор Северо-Восточного государственного университета, Магадан, Россия, e-mail: pospp7@yandex.ru

София Валентиновна Поспелова, канд. филос. наук, доцент Института развития города Севастопольского государственного университета, Севастополь, Россия, e-mail: sonia5@yandex.ru

Information about the authors

Александра Ивановна Поспелова, д-р филос. наук, профессор Северо-Восточного государственного университета, Магадан, Россия, e-mail: pospp7@yandex.ru

Sofia V. Pospelova, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Institute of City Development, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: sonia5@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 25.03.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 08.05.2022

Принята к публикации

(Accepted) 16.05.2022

Православие и светская школа Приморского края в 1991–2012 гг.

Татьяна Валерьевна Логинова
МБОУ СОШ № 40 г. Владивостока, Владивосток, Россия, tat.loginova72vi@mail.ru

Аннотация. В статье представлен очерк развития в Приморье форм сотрудничества по вопросам духовно-нравственного воспитания, инфраструктуры преподавания православной культуры (учреждений, подразделений, мероприятий, документов) в 1991–2012 гг. В Приморском крае школа декларировала приверженность православию, сотрудничала с РПЦ, но оставалась светской. Попытки извлечь из православия эффективные инструменты воспитания не привели к формированию в регионе системы православной педагогики.

Ключевые слова: религиозное образование, Русская православная церковь, десекуляризация, Приморский край, "Основы православной культуры", "Основы религиозных культур и светской этики"

Для цитирования: Логинова Т. В. Православие и светская школа Приморского края в 1991–2012 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 77–86. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/77-86>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/77-86>

Orthodoxy and the secular school in Primorsky Region in 1990–2012

Tatyana V. Loginova
Municipal Budgetary Educational Institution of Secondary Educational School № 40,
Vladivostok, Russia, loginova72vi@mail.ru

Abstract. The article presents an essay on the development of forms of cooperation on issues of spiritual and moral education in Primorye, infrastructure for teaching Orthodox culture (institutions, divisions, events, documents) in 1991–2012. In Primorsky Region this school declared devotion for Orthodox culture, collaborated with Russian Orthodox Church, but it remained to be secular. Attempts to extract effective tools of education from Orthodoxy did not lead to the formation of a system of Orthodox pedagogics in the region.

Key words: religious education, Russian Orthodox Church, desecularization, Primorsky region, "Fundamentals of Orthodox culture," "Fundamentals of religious culture and secular ethics"

For citation: Loginova T. V. Orthodoxy and the secular school in Primorsky Region in 1990–2012 // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 77–86. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/77-86>

Введение

Признание роли православной культуры как фактора духовно-нравственного воспитания и формирования национально-культурной идентичности в современной России неоспоримо. Однако оценки взаимодействия Церкви и школы неоднозначны. Они различаются в зависимости от региона. В связи с этим интерес представляет региональная практика отношений светской общеобразовательной школы и Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ (МП)).

История становления принципа светскости образования, практик духовно-нравственного воспитания, преподавания православной культуры в светской общеобразовательной школе и другие аспекты российской государственной-конфессиональной политики в сфере образования получили широкое освещение в исследовательской литературе. Государственная политика и региональная практика провинциальных регионов центральной России в отношении "использования знаний о религии в системе общего образования" [30, с. 24, 100], уроков православной культуры в школе с 2000-х гг. получила всестороннее освещение в трудах О. В. Пигоревой [30; 31]. Формирование системы духовно-нравственного (православного) воспитания школьников, её теоретические и правовые основы исследовали И. А. Галицкая, Т. П. Довгий, З. Д. Ильина, И. В. Метлик, О. В. Пигорева и др. [7; 19; 20; 21; 30; 31; 39; 43]. Большинство работ, освещавших в 1990–2000-е гг. вопрос "школа и Церковь" и уроки религии в школе, посвящались либо федеральной политике, либо практике областей центра России (Белгородская, Курская, Тверская и др.).

После 2010 г. в связи с принятием ФГОС второго поколения, из которого были исключены школьный и региональный компоненты образования, куда ранее входили уроки религии, и началом апробации курса "Основы религиозных культур и светской этики" (ОРКСЭ) география работ расширилась. Один

из центров изучения уроков религиозной культуры в школе и взаимодействия школы и Церкви сложился еще в 2000-е гг. в г. Владивостоке на базе отделения теологии и религиозного Дальневосточного государственного университета, Приморского института переподготовки и повышения квалификации работников образования (ПИППКРО) и их совместного с Владивостокской епархией проекта – Чтений памяти святых Кирилла и Мефодия. На этой конференции появились первые публикации, посвященные методическим аспектам преподавания православной культуры и религиозного компонента гуманитарных дисциплин в школах г. Владивостока и края [14; 39; 40].

В Приморском крае рост интереса к изучению религиозного компонента светской общеобразовательной школы произошел после 2012 г. и был связан с введением в школах обязательного курса ОРКСЭ. Ряд статей на эту тему опубликовала Т. В. Логинова [16; 17]. В то же время практики взаимодействия Церкви и приморских государственных и муниципальных школ периода до введения ОРКСЭ (1991–2012 гг.) не получили должного освещения. Единственной крупной специальной работой по этой теме остаётся курсовая работа протоиерея Ростислава Мороза (2005 г.) [22].

В связи с этим цель настоящей статьи – дать краткий очерк взаимодействия РПЦ (МП) и светской школы Приморского края в 1991–2012 гг. Кроме того, говоря о формировании взаимоотношений Церкви и светской школы, нельзя не отметить переходный характер периода конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда закладывались основы вероисповедного законодательства РСФСР – России и новой модели государственно-церковных отношений. Об этом говорят в своих работах Ю. В. Гераськин, И. И. Маслова, М. И. Одинцов и др. [4; 18; 27; 31, с. 73–74]. Некоторые аспекты изучения вопроса "школа и Церковь" требуют расширения хронологических рамок работы за счет обращения к реалиям позднесоветского периода, в особенности рубежа 1980-х – 1990-х гг.

В основу исследования положены принцип историзма и системный подход. В работе на основе анализа архивных источников, материалов периодической печати, интернет-ресурсов, а также исследовательской литературы, рассматривается процесс становления в Приморском крае религиозного компонента образования в светских общеобразовательных школах. Предпринята попытка выявить черты взаимоотношений между субъектами образовательного пространства по вопросу "школа и Церковь", которые представляют региональную специфику дальневосточного региона, и которые роднят его с регионами центральной России.

Условия сотрудничества Церкви и школы в России и Приморском крае

Важную роль в оформлении сотрудничества РПЦ (МП) и светской общеобразовательной школы Приморья сыграли общероссийские тенденции развития конфессионального пространства 1990-х гг.: образовавшаяся в результате краха коммунистической идеологии неопределенность в обществе и системе образования, ревитализация религии, либерализация вероисповедного законодательства, деятельность православных активистов и др. Сфера образования в постсоветский период переживала десекуляризацию – частичный отказ от принципа светскости, который выражался в расширении религиозного компонента образования и религиозных концепций в воспитании.

Среди российских регионов, в которых сторонники православного воспитания содействовали расширению религиозного компонента в программе светской школы, Приморский край отличался своеобразием. Его характеризовали неукорененность православной традиции; невысокий уровень религиозности населения; удаленное и приграничное положение края; ориентация на национальную русскую культуру и Православие как основу гражданской идентичности; заметная роль нетрадиционных религий; высокая активность миссионеров новых религиозных движений, в том числе иностранцев [9, с. 138–139; 10, с. 246–247; 45, с. 123].

В общероссийском масштабе вопрос "школа и Церковь" предполагал взаимодействие нескольких основных субъектов: государственной власти федерального и регионального уровня, органов местного самоуправления, руководства религиозных организаций, в особенности РПЦ (МП) и ее епархий, органов управления образованием, педагогов и родителей. Обладая поддержж-

кой общества и политической элиты, значительным культурно-историческим капиталом, РПЦ (МП) тем не менее не сумела в первое постсоветское десятилетие создать собственную сеть учебных заведений, автономных по отношению к государственной системе образования. Это способствовало укреплению интереса РПЦ (МП) к ресурсам светской школы для воцерковления подрастающего поколения, несмотря на то, что такой подход не встретил однозначной поддержки у православных ортодоксов [43, с. 120]. В свою очередь, позиция политической элиты на федеральном уровне и в центральных регионах обеспечила возможности для прихода РПЦ в школу.

В Приморском крае, в отличие от центральных областей России, в 1990-е гг. отсутствие живой православной традиции привело к тому, что местные элиты и население были склонны скорее декларировать приверженность к православию, нежели предпринимать реальные меры, направленные на реализацию программ православного воспитания в светских учебных заведениях. Собственные ресурсы РПЦ в крае были ограничены. В 1991 г. возникла Владивостокская епархия РПЦ МП (путём выделения из состава Хабаровской епархии). Священнослужители епархии были малочисленны и не обладали достаточной квалификацией, чтобы развернуть систему религиозного просвещения [34, с. 149] (прежде всего, воскресные школы).

Источники, которые бы позволили судить о сотрудничестве муниципальных школ Приморского края и Церкви, развитии православных образовательных инициатив, немногочисленны и представлены главным образом аналитическими, информационными и публицистическими материалами региональной периодической печати (епархиальная газета Владивостокской и Приморской епархии "Приморский благовест", приходские листки, газета "Владивосток" и др.) [8, с. 159; 44, с. 156]. В начале 1990-х гг. контакты между педагогами школ и священниками, по-видимому, носили спорадический характер. Инициаторами сотрудничества выступали педагоги. Так, в 1991 г. в школе № 35 г. Владивостока прошли "встреча со служителем церкви" и "Рождественский бал" (ГАПК. Ф. 536. Оп. 1. Д. 326. Л. 17).

Чаще религиозный компонент в образовательном процессе светской школы появлялся без участия священнослужителей, например, за счет обновления учебной литературы, расширения информации о религии в курсах истории, обществознания, литературы и т.п. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. претерпела изменения и воспитательная работа. Еще в 1980-е гг. в приморских школах нравственное воспитание заняло одно из центральных мест в системе воспитательной работы, наряду с атеистическим (ГАПК. Ф. Р-1376. Оп. 1. Д. 493. Л. 15, 16, 19). После отмены в 1990 г. атеистического воспитания его место в воспитательной работе школы заняло духовно-нравственное воспитание. Религиозный компонент органично вписался в работу педагогов благодаря имевшемуся у них опыту антирелигиозного воспитания. В первой половине 1990-х гг. инициативы по введению религиозного компонента образования в светских школах края носили в основном светский характер и отражали методические поиски педагогами эффективных воспитательных средств.

Развитие православной педагогики в Приморском крае в постсоветский период

Развитие православного образования в Приморском крае ускорилось во второй половине 1990-х гг. Открывались воскресные школы, духовное училище, православная гимназия святых Кирилла и Мефодия в г. Владивостоке (1997 г.). В 1997 г. начали работу двухгодичные катехизаторские курсы, ориентированные в т.ч. на педагогов [33, с. 202]. В 1999 г. был образован Отдел религиозного образования и катехизации Владивостокской епархии. Он начал готовить преподавателей "Основ православной культуры" (ОПК), налаживать сотрудничество со школами [22]. В 1999 г. в Дальневосточном государственном университете (ДВГУ) открылось отделение теологии и религиоведения (1999 г.). На базе кафедры в 2002 г. был образован **Совет по экспертизе учебных программ**. В 2000-е гг. на базе кафедры регулярно проводились олимпиады, сотрудники выступали на семинарах, конференциях, разрабатывали программы духовно-нравственного воспитания молодежи, организовывали школы и др. [12].

Налаживанию сотрудничества РПЦ с органами власти на региональном и местном уровне способствовало образование в 2002 г. Комиссии по вопросам религиозных объединений [35]. Такие же Комиссии работали при администрациях городских округов края. Подписание администрацией Приморского края, ДВГУ, ПИППКРО и Владивостокской епархией РПЦ (МП) "Программы сотрудничества в области религиозного образования и духовно-нравственного воспитания" (2002 г.) легитимизировало "православный компонент" школьного образования. В 2003 г. краевая администрация и епархия подписали Договор о сотрудничестве по введению ОПК в программы школ [22]. С 2003-2004 учебного года ОПК стали преподаваться в 9 школах в городах Владивостоке, Находке, Артёме, Спасске-Дальнем, пос. Ярославском [41; 42].

В ПИППКРО открылись двухнедельные курсы повышения квалификации; были подготовлены около 30 педагогов [24]. Православная тематика нашла больший отклик, чем открытые ранее религиозоведческие курсы, и в 2004 г. в ПИППКРО открылась Лаборатория православной культуры. За первые полтора года она подготовила 120 педагогов ОПК, сопровождала введение курса в программу 12 школ края (по 3 школы во Владивостоке и Спасске-Дальнем, 2 в Находке, по одной в Артёме, пос. Ярославском, Кировском, с. Черниговка) [23]. В Лаборатории проводились семинары для педагогов, психологов, директоров школ, курс повышения квалификации "Православная культура в современной системе социально-гуманитарного образования" [42], спецкурсы "Правовые основы преподавания Библии в школе", "Основы православной культуры и нравственности", "Православие и проблемы воспитания" [3].

Центрами обмена опытом преподавания православной культуры в крае выступали ДВГУ и ПИППКРО. Крупнейшей площадкой популяризации православного воспитания в крае стали Приморские (с 2008 г. – Дальневосточные) образовательные чтения памяти святых Кирилла и Мефодия на базе ДВГУ (2001 г.), ставшие ежегодными. В рамках Чтений проходили конференции "Актуальные проблемы исследования истории и культуры Православия", "Религия. Культура. Человек", проводились обучающие семинары для учителей, в т.ч. от авторов учебников – О.Л. Янушкявичене (2004 г.), А. В. Бородиной (2006 г.) [11; 32]. С 2005 г. в рамках Чтений ежегодно проводились конференции по всему Приморью (в городах Уссурийске, Спасске-Дальнем, Находке, Большом Камне, Черниговском, Кировском районах и др.), круглые столы для педагогов [37; 38].

Расширялась практика ведения уроков ОПК: с 2005-2006 учебного года в Черниговском районе (к 2007 г. 9 школ), в 2007 г. – Кировском районе, г. Дальнереченске [15; 38]. К осени 2008 г. число школ достигло 35 [41], в 2009 г. – 52 (19 районов края) [42]. Наиболее широкое распространение курс ОПК получил в г. Фокино, где преподавался в большинстве школ. В рамках преподавания православной культуры педагоги дальнегорской школы №2 разрабатывали элективные курсы ("История православия в Приморье"), проводили экскурсии детей в храмы, организовывали участие школьников в олимпиадах, выставках, вели краеведческую работу [40, с. 86, 87; 46]. Наряду с уроками православной культуры, учителя организовывали участие школьников в конкурсах "Русь Православная", "Духовное возрождение Приморья", конференциях "Религия. Культура. Человек", "Новомученики и исповедники российские", участвовали со своими проектами в конкурсе "За нравственный подвиг учителя" и др. В ряде школ велась катехизаторская работа: экскурсии, "библейские беседы" в храмах г. Спасска-Дальнего [1, с. 4]. "Дни нравственности" проводились в с. Александровка, Вишнёвка, Чкаловское и др. [6, с. 2], лекции православных волонтеров АНО "Колыбель" "В защиту жизни и семейных ценностей" в г. Находке [25, с. 2]. Не прекращалась "точечная" работа епархии с детьми, например, в школе № 25 г. Владивостока [5].

К 2012 г. общее количество центров преподавания ОПК в Приморье приближалось к 100. Ключевыми фигурами в процессе введения этого предмета в школьную программу стали директора школ, педагоги-энтузиасты и священнослужители. Образовалось несколько десятков центров православной педагогики на уровне школ. Координацию активистов взял на себя руководитель отдела религиозного образования и катехизации Ростислав Мороз. Епархия

сотрудничала с краевой и районными администрациями, руководством муниципальных образований [36].

Вступление в силу новых федеральных стандартов государственного образования (ФГОС) в сентябре 2009 г. активизировало сотрудничество по вопросам духовно-нравственного воспитания. Центрами распространения и обмена опытом преподавания православной культуры в Приморском крае выступали ДВГУ и ПИППКРО, в котором были разработаны новые курсы повышения квалификации учителей "Система воспитания на основе традиционной российской культуры" [26]. В 2010 г. на основе проекта "Концепция духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодежи в Приморском крае" (С. Е. Ячин, Р. Мороз, С. Е. Григорьева и др.) была принята "Программа духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодежи в Приморском крае". В преддверии распространения курса ОРКСЭ в 2011 г. в Приморье активизировались подготовка педагогов, конференции и круглые столы [2]. К 2012 г. в ПИППКРО прошли переподготовку порядка 1000 чел., отдельные педагоги получили образование в ДВГУ [28, с. 6]. По активности участия священнослужителей в подготовке учителей православной культуры Приморье оказалось среди регионов-лидеров [29, с. 58]. В 2011-2012 гг. мероприятия по расширению религиозного компонента проводились в основном в рамках федеральных программ. Внимание в них уделялось всем модулям курса ОРКСЭ, не только православной культуре.

Заключение

Появление в Приморском крае религиозного компонента в общеобразовательной светской школе и случаи сотрудничества педагогов муниципальных школ со священнослужителями относятся к началу 1990-х гг. Эти процессы на Дальнем Востоке были значительно менее интенсивны, нежели в провинциальных регионах Центра страны. Православные инициативы по введению в светских школах уроков православной культуры в Приморье появились поздно, лишь в 2000-е гг. Они не стали массовыми и не сложились в единую систему ни на уровне региона, ни на уровне муниципальных образований. Внедрение православной культуры были ограничено числом (несколько десятков центров) и по масштабу (класс, школа). Оно было неоднородно (в глубинке активнее, чем в крупных городах), что позволяет разделить Приморский край на более атеизированные территории и своего рода "внутреннюю провинцию".

Представители власти, школы и РПЦ активно сотрудничали по вопросам воспитания. Наряду с надеждами, возлагаемыми на воспитательный потенциал православия, необходимость знакомства детей с православной культурой обосновывалась целями социализации подрастающего поколения в русле консервативной идеологии, патриотического и гражданского воспитания, сохранения и конструирования культурной традиции и этнокультурной идентичности в условиях пограничного региона, форпоста России на Тихом океане, и в целом противостояния русской цивилизации и западной [13, с. 61–62].

В рассматриваемый период Владивосток стал центром духовно-религиозного образования на юге российского Дальнего Востока (наряду с Хабаровском и Благовещенском) [34, с. 157]. Приморье отличал заметный вклад православных священнослужителей и структур РПЦ МП в подготовку педагогов ОПК, активное многостороннее сотрудничество по вопросам духовно-нравственного воспитания. С 2012 г. преподавание православной культуры стало частью единого процесса по внедрению в школах курса ОРКСЭ. Автономное развитие приморского центра православного образования завершилось, едва начавшись.

Литература

1. Благого много не бывает. В Спасском благочинии учатся проводить миссионерскую работу с молодежью // Приморский благовест. 2012. №1 (190). С. 4.
2. В рамках XI образовательных чтений проходят конференции по духовному воспитанию. 23.03.2011 [Электронный ресурс] Владивостокская епархия. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=4460 (дата обращения: 22.02.2022).
3. Владивостокская и Приморская епархия [Электронный ресурс] Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Электронная версия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/158930.html> (дата обращения: 25.06.2021).
4. Гераськин Ю. В. Русская Православная Церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е годы XX века): монография. Рязань: РГУ, 2007. 271 с.
5. День православной книги начался встречей со школьниками. 14.03.2011 [Электронный ресурс] Владивостокская епархия. Приморская митрополия РПЦ. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=4432 (дата обращения: 22.02.2022).
6. Дни нравственности // Приморский благовест. 2012. №10 (199). С. 2.
7. Довгий Т. П., Налетова Н. Ю. Религиозно-философский, культурно-исторический и педагогический аспекты формирования духовно-нравственных ценностей учащейся молодежи. Смоленск: Смядынь, 2010. 270 с.
8. Дударёнок С. М. Православная пресса на Дальнем Востоке России на рубеже 1990-2000-х гг. // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27. № 1. С. 153–172.
9. Дударёнок С. М. Религиозная ситуация на российском Дальнем Востоке: история и современность // Россия и АТР. 2004. № 2 (44). С. 130–140.
10. Дударёнок С. М. Религия и интеллигенция на Российском Дальнем Востоке: 1990-е – начало 2000-х годов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2020. № 3. С. 241–268.
11. Закончились IV Приморские образовательные чтения. Дата публикации 22.05.2004 [Электронный ресурс] Владивостокская епархия. Приморская митрополия Русской Православной Церкви. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=175 (дата обращения: 25.06.2021).
12. Информация для абитуриентов [Теология (ДВФУ)] [Электронный ресурс] Владивостокская епархия. Приморская митрополия Русской Православной Церкви. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/education/teol_university/abiturient/ (дата обращения: 25.06.2021).
13. Комашинская Т. С. Два пути современного образования // Использование информационно-коммуникационных технологий в современной системе образования. Сборник научных статей и докладов. Владивосток: ДВФУ, 2017. С. 61–63.
14. Комиссарова Э. В. Опыт преподавания "Основ православной культуры" в общеобразовательной школе // Дальневосточные образовательные чтения, посвященные памяти Святых Кирилла и Мефодия: материалы 2009/2010 гг. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2012. С. 66–72.
15. Круглые столы по обмену опытом преподавания ОРК в Кировке и Черниговке. 02.04.2007 [Электронный ресурс] Владивостокская епархия. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=1005 (дата обращения: 22.02.2022).
16. Логинова Т. В. Курс ОРКСЭ как основа религиозного компонента школьного образования на современном историческом этапе // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 8. – С. 135–138; Логинова Т.В. Выбор модулей курса "Основы религиозных культур и светской этики" (ОРКСЭ) (Приморский край) // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2016. № 6 (28). С. 30–32.
17. Логинова Т. В. Религиозный компонент в школьном образовании на современном историческом этапе (на примере Приморского края, г. Владивостока) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: Вып. 14. Сб. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 329–340.
18. Маслова И. И. Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской Православной церкви (1953-1991 гг.) : дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. М., 2005. 545 с.
19. Меньшиков В. М. Духовно-нравственное воспитание как важнейшая проблема современной России // СОТИС – социальные технологии, исследования. 2016. № 4 (78). С. 17–24.
20. Метлик И. В. Интеграция знаний о религии в учебно-воспитательной деятельности светской школы : дис. ... докт. пед. наук: 13.00.01. М., 2005. 409 с.
21. Метлик И. В., Потаповская О. М., Галицкая И. А. Взаимодействие социальных институтов в духовно-нравственном воспитании детей в российской школе. / Ред. И. В. Метлик. М: ФГБНУ ИИДСВ РАО, 2018. 240 с.
22. Мороз Р. Отчёт о работе отдела религиозного образования и катехизации Владивостокской епархии Русской Православной Церкви за 2003 год. 05.03.2004 [Электронный ресурс] Владивостокская епархия. URL: <https://www.vladivostok-eparhia.ru/blagovest/archive/info/?ID=222&forprint> (дата обращения: 22.02.2022).

23. Мороз Р. Преподавание основ православной культуры в общеобразовательных школах Приморского края. Способы реализации, современное состояние, проблемы и перспективы. Курсовая работа студента 2 курса факультета доп. образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2005 // ПСТГУ [Электронный ресурс] URL: <https://pstgu.ru/upload/mediaLibrary/506/5060ab37213a1e284d4eadc1c83e2727.pdf> (дата обращения: 22.02.2022).
24. Началась подготовка учителей для преподавания "Основ православной культуры". 13.10.2003 [Электронный ресурс] Владивостокская епархия. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=95 (дата обращения: 22.02.2022)
25. О семейных ценностях // Приморский благовест. 2012. №10 (199). С. 2.
26. Обнародован итоговый документ Образовательных чтений. Дата публикации 25.06.2009 [Электронный ресурс] Владивостокская епархия. Приморская митрополия Русской Православной Церкви. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=2796 (дата обращения: 25.06.2021).
27. Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М.: Луч, 1994. 174 с.
28. Основы православной культуры в Приморье будут изучать 62 % учеников четвертых классов // Приморский благовест. 2012. №3 (192). С. 6.
29. Петракова Т. И. Совместная деятельность органов управления образованием и религиозных организаций по духовно-нравственному образованию и воспитанию, изучению истории и культуры религий. Из опыта работы регионов России // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2008. № 4 (11). С. 17–82.
30. Пигорева О. В. Государственная политика и региональная практика использования знаний о религии в образовательном пространстве центра России: 1985-2012 годы: дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2017. 552 с.
31. Пигорева О. В., Ильина З. Д. Расширение знаний о религии в образовательном пространстве РСФСР – России в конце 1980-х - 2000-е гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 3 (35). С. 73–81.
32. Подведены итоги работы VI Приморских образовательных чтений. Дата публикации 23.05.2006 [Электронный ресурс] Владивостокская епархия. Приморская митрополия Русской Православной Церкви. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=700 (дата обращения: 25.06.2021)].
33. Половкина Г. С. Религиозное образование на юге Дальнего Востока России: история и развитие // Образовательный потенциал Тихоокеанской России. XVIII–XXI вв. (VIII Крушановские чтения, 2016 г.). Владивосток, 2017. С. 197–203.
34. Поповкина Г. С. Религиозное образование на юге Дальнего Востока России в постсоветский период // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 9. С. 144–163.
35. Постановление губернатора Приморского края № 210 от 05.04.2002 "О комиссии по вопросам религиозных объединений при Администрации Приморского края" [Электронный ресурс] URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/4825386/111129255/> (дата обращения: 25.06.2021).
36. Православная культура дошла и до Приморской глубинки. Дата публикации 26.10.2006 [Электронный ресурс] Владивостокская епархия. Приморская митрополия Русской Православной Церкви. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=804 (дата обращения: 25.06.2021).
37. Приморские образовательные чтения раздвигают границы. 17.02.2005 [Электронный ресурс] Владивостокская епархия. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=358 (дата обращения: 22.02.2022).
38. Приморские учителя обмениваются опытом преподавания ОПК. 22.03.2007 [Электронный ресурс] Владивостокская епархия. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=980 (дата обращения: 22.02.2022).
39. Ракова Т. Г. Интегративный подход к преподаванию православной культуры в современной школе // Дальневосточные образовательные чтения, посвященные памяти Святых Кирилла и Мефодия: материалы 2009-2010 гг. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2012. С. 60–66.
40. Семина Т. Ю. Изучение православной культуры как основа системы воспитания // Дальневосточные образовательные чтения, посвященные памяти Святых Кирилла и Мефодия: материалы 2009-2010 гг. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2012. С. 84–88.
41. Сродни миссионерству [Интервью с протоиереем Р. Морозом] 20.10.2008 [Электронный ресурс] Владивостокская епархия. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/blagovest/archive/s_interviews/?ID=1174 (дата обращения: 22.02.2022).
42. Суслова С. Зачем изучать основы православной культуры? 04.05.2009 [Электронный ресурс] Православный Хабаровск. Официальный портал Приамурской митрополии. URL: <http://pravkhabarovsk.ru/blog/zachem-izuchat-osnovi-pravoslavnoi-kylytii/> (дата обращения: 22.02.2022).
43. Фахразеева С. Р. Русская православная церковь и политика в сфере образования: включение "религиозного курса" в школьные программы // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. № 4 (20). С. 115–124.
44. Федирко О. П. Газетные публикации как исторический источник о религиозной жизни российского Дальнего Востока в 1990-е гг. // Россия и АТР. 2021. № 4 (114). С. 154–169.

45. Федирко О. П. Религиозное образование на Дальнем Востоке России в 1980-х - начале 2000-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 119–124.
46. Хомякова Э. Г. [учитель школы № 2 г. Дальнегорска] Путь к Основам православной культуры. [Электронный ресурс] Сайт г. Дальнегорска. URL: <http://dalnegorsk.ru/main/587-put-k-osnovam-pravoslavnoy-kultury.html> (дата обращения: 25.06.2021).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Blagogo mnogo ne byvaet. V Spasskom blagochinii uchatsya provodit' missionerskuyu rabotu s molodezh'yu // Primorskij blagovest. 2012. №1 (190). S. 4.
2. V ramkakh XI obrazovatel'nykh chtenij prokhodyat konferentsii po dukhovnomu vospitaniyu. 23.03.2011 [EHlektronnyj resurs] Vladivostokskaya eparkhiya. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=4460 (data obrashheniya: 22.02.2022).
3. Vladivostokskaya i Primorskaya eparkhiya [EHlektronnyj resurs] Pravoslavnaya ehntsklopediya pod redaktsiej Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. EHlektronnaya versiya. URL: <https://www.pravenc.ru/text/158930.html> (data obrashheniya: 25.06.2021).
4. Geras'kin YU. V. Russkaya Pravoslavnaya TSerkov', veruyushhie, vlast' (konets 30-kh – 70-e gody KHKH veka): monografiya. Ryazan': RGU, 2007. 271 s.
5. Den' pravoslavnoj knigi nachalsya vstrechej so shkol'nikami. 14.03.2011 [EHlektronnyj resurs] Vladivostokskaya eparkhiya. Primorskaya mitropoliya RPTS. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=4432 (data obrashheniya: 22.02.2022).
6. Dni npravstvennosti // Primorskij blagovest. 2012. №10 (199). S. 2.
7. Dovgij T. P., Naletova N. YU. Religiozno-filosofskij, kul'turno-istoricheskij i pedagogicheskij aspekty formirovaniya dukhovno-npravstvennykh tsennostej uchashhejsya molodezhi. Smolensk: Smydyn', 2010. 270 s.
8. Dudaryonok S. M. Pravoslavnaya pressa na Dal'nem Vostoke Rossii na rubezhe 1990-2000-kh gg. // Narody i religii Evrazii. 2022. T. 27. № 1. S. 153–172.
9. Dudaryonok S. M. Religioznaya situatsiya na rossijskom Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremenost' // Rossiya i ATR. 2004. № 2 (44). S. 130–140.
10. Dudaryonok S. M. Religiya i intelligentsiya na Rossijskom Dal'nem Vostoke: 1990-e – nachalo 2000-kh godov // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2020. № 3. S. 241–268.
11. Zakonchilis' IV Primorskie obrazovatel'nye chteniya. Data publikatsii 22.05.2004 [EHlektronnyj resurs] Vladivostokskaya eparkhiya. Primorskaya mitropoliya Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=175 (data obrashheniya: 25.06.2021).
12. Informatsiya dlya abiturientov [Teologiya (DVFU)] [EHlektronnyj resurs] Vladivostokskaya eparkhiya. Primorskaya mitropoliya Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/education/teol_university/abiturient/ (data obrashheniya: 25.06.2021).
13. Komashinskaya T. S. Dva puti sovremennoogo obrazovaniya // Ispolzovanie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologij v sovremennoj sisteme obrazovaniya. Sbornik nauchnykh statej i dokladov. Vladivostok: DVFU, 2017. S. 61–63.
14. Komissarova EH. V. Opyt prepodavaniya "Osnov pravoslavnoj kul'tury" v obshheobrazovatel'noj shkole // Dal'nevostochnye obrazovatel'nye chteniya, posvyashhennye pamyati Svyatykh Kirilla i Mefodija: materialy 2009-2010 gg. Vladivostok: Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet, 2012. S. 66–72.
15. Kruglye stoly po obmenu opytom prepodavaniya OPK v Kirovke i CHernigovke. 02.04.2007 [EHlektronnyj resurs] Vladivostokskaya eparkhiya. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=1005 (data obrashheniya: 22.02.2022).
16. Loginova T. V. Kurs ORKSEH kak osnova religioznogo komponenta shkol'nogo obrazovaniya na sovremenном istoricheskom ehtape // Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2017. – № 8. – S. 135–138; Loginova T.V. Vybor modulej kursa "Osnovy religioznykh kul'tur i svetskoj ehtiki" (ORKSEH) (Primorskij kraj) // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy i puti ikh resheniya. 2016. № 6 (28). S. 30–32.
17. Loginova T. V. Religioznyj komponent v shkol'nom obrazovanii na sovremenном istoricheskom ehtape (na primere Primorskogo kraja, g. Vladivostoka) // Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennyj aspekty: Vyp. 14. Sb. st. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2018. S. 329–340.
18. Maslova I. I. EHvolyutsiya veroispovednoj politiki sovetskogo gosudarstva i deyatel'nosti Russkoj Pravoslavnoj tserkvi (1953-1991 gg.): diss. ... dokt. ist. nauk: 07.00.02. M., 2005. 545 s.
19. Men'shikov V. M. Dukhovno-npravstvennoe vospitanie kak vazhnejshaya problema sovremennoj Rossii // SOTIS – sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya. 2016. № 4 (78). S. 17–24.
20. Metlik I. V. Integratsiya znanij o religii v uchebno-vospitatel'noj deyatel'nosti svetskoj shkoly : dis. ... dokt. ped. nauk: 13.00.01. M., 2005. 409 s.
21. Metlik I. V., Potapovskaya O. M., Galitskaya I. A. Vzaimodejstvie sotsial'nykh institutov v dukhovno-npravstvennom vospitanii detej v rossijskoj shkole. / Red. I. V. Metlik. M: FGBNU IIDSV RAO, 2018. 240 s.

22. Moroz R. Otchyot o rabote otdela religioznogo obrazovaniya i katekhizatsii Vladivostokskoj eparkhii Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi za 2003 god. 05.03.2004 [EHlektronnyj resurs] Vladivostokskaya eparkhiya. URL: <https://www.vladivostok-eparhia.ru/blagovest/archive/info/?ID=222&forprint> (data obrashheniya: 22.02.2022).
23. Moroz R. Prepodavanie osnov pravoslavnoj kul'tury v obsheobrazovatel'nykh shkolakh Primorskogo kraja. Sposoby realizatsii, sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy. Kursovaya rabota studenta 2 kursa fakul'teta dop. obrazovaniya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. M., 2005 // PSTGU [EHlektronnyj resurs] URL: <https://pstgu.ru/upload/medialibrary/506/5060ab37213a1e284d4eadc1c83e2727.pdf> (data obrashheniya: 22.02.2022).
24. Nachalas' podgotovka uchitelej dlya prepodavaniya "Osnov pravoslavnoj kul'tury". 13.10.2003 [EHlektronnyj resurs] Vladivostokskaya eparkhiya. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=95 (data obrashheniya: 22.02.2022)
25. O semejnnykh tsennostyakh // Primorskij blagovest. 2012. №10 (199). S. 2.
26. Obnarodovan itogovyy dokument Obrazovatel'nykh chtenij. Data publikatsii 25.06.2009 [EHlektronnyj resurs] Vladivostokskaya eparkhiya. Primorskaya mitropoliya Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=2796 (data obrashheniya: 25.06.2021).
27. Odintsov M. I. Gosudarstvo i tserkov' v Rossii. XX vek. M.: Luch, 1994. 174 s.
28. Osnovy pravoslavnoj kul'tury v Primor'e budut izuchat' 62 % uchenikov chetvertykh klassov // Primorskij blagovest. 2012. №3 (192). S. 6.
29. Petrakova T. I. Sovremennaya deyatelnost' organov upravleniya obrazovaniem i religioznykh organizatsij po dukhovno-nravstvennomu obrazovaniyu i vospitaniyu, izucheniyu istorii i kul'tury religij. Iz opyta raboty regionov Rossii // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 4: Pedagogika. Psikhologiya. 2008. № 4 (11). S. 17–82.
30. Pigoreva O. V. Gosudarstvennaya politika i regional'naya praktika ispol'zovaniya znanij o religii v obrazovatel'nom prostranstve tsentra Rossii: 1985-2012 gody: diss. ... dokt. ist. nauk: 07.00.02. Kursk, 2017. 552 s.
31. Pigoreva O. V., Il'ina Z. D. Rasshirenije znanij o religii v obrazovatel'nom prostranstve RSFSR – Rossii v kontse 1980-kh - 2000-e gg. // Uchenye zapiski. EHlektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3 (35). S. 73–81.
32. Podvedeny itogi raboty VI Primorskikh obrazovatel'nykh chtenij. Data publikatsii 23.05.2006 [EHlektronnyj resurs] Vladivostokskaya eparkhiya. Primorskaya mitropoliya Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=700 (data obrashheniya: 25.06.2021)].
33. Popovkina G. S. Religioznoe obrazovanie na yuge Dal'nego Vostoka Rossii: istoriya i razvitie // Obrazovatel'nyj potentsial Tikhookeanskoj Rossii. XVIII-XXI vv. (VIII Krushanovskie chteniya, 2016 g.). Vladivostok, 2017. S. 197–203.
34. Popovkina G. S. Religioznoe obrazovanie na yuge Dal'nego Vostoka Rossii v postsovetskij period // Obrazovanie i nauka. 2017. T. 19. № 9. S. 144–163.
35. Postanovlenie gubernatora Primorskogo kraja № 210 ot 05.04.2002 "O komissii po voprosam religioznykh ob'edinenij pri Administratsii Primorskogo kraja" [EHlektronnyj resurs] URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/4825386/111129255/> (data obrashheniya: 25.06.2021).
36. Pravoslavnaya kul'tura doshla i do Primorskoj glubinki. Data publikatsii 26.10.2006 [EHlektronnyj resurs] Vladivostokskaya eparkhiya. Primorskaya mitropoliya Russkoj Pravoslavnoj TSerkvi. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=804 (data obrashheniya: 25.06.2021).
37. Primorskie obrazovatel'nye chteniya razdvigayut granitsy. 17.02.2005 [EHlektronnyj resurs] Vladivostokskaya eparkhiya. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=358 (data obrashheniya: 22.02.2022).
38. Primorskie uchitelya obmenivayutsya opytom prepodavaniya OPK. 22.03.2007 [EHlektronnyj resurs] Vladivostokskaya eparkhiya. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/mitropolia/2003_2011/?id=980 (data obrashheniya: 22.02.2022).
39. Rakova T. G. Integrativnyj podkhod k prepodavaniyu pravoslavnoj kul'tury v sovremennoj shkole // Dal'nevostochnye obrazovatel'nye chteniya, posvyashhennye pamyati Svyatykh Kirilla i Mefodiya: materialy 2009-2010 gg. Vladivostok: Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet, 2012. S. 60–66.
40. Semina T. YU. Izuchenie pravoslavnoj kul'tury kak osnova sistemy vospitaniya // Dal'nevostochnye obrazovatel'nye chteniya, posvyashhennye pamyati Svyatykh Kirilla i Mefodiya: materialy 2009-2010 gg. Vladivostok: Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet, 2012. S. 84–88.
41. Srodni missionerstvu [Interv'yu s protoiereem R. Morozom] 20.10.2008 [EHlektronnyj resurs] Vladivostokskaya eparkhiya. URL: https://www.vladivostok-eparhia.ru/blagovest/archive/s_interviews/?ID=1174 (data obrashheniya: 22.02.2022).
42. Suslova S. Zachem izuchat' osnovy pravoslavnoj kul'tury? 04.05.2009 [EHlektronnyj resurs] Pravoslavnyj Khabarovsk. Ofitsial'nyj portal Priamurskoj mitropolii. URL: <http://pravkhabarovsk.ru/blog/zachem-izuchat-osnovi-pravoslavnoi-kyltyri/> (data obrashheniya: 22.02.2022).
43. Fakhrazeeva S. R. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i politika v sfere obrazovaniya: vkladyuchenie "religioznogo kursa" v shkol'nye programmy // Vestnik Permskogo universiteta. 2012. Vyp. № 4 (20). S. 115–124.

44. Fedirko O. P. Gazetnye publikatsii kak istoricheskij istochnik o religioznoj zhizni rossijskogo Dal'nego Vostoka v 1990-e gg. // Rossiya i ATR. 2021. № 4 (114). S. 154–169.
45. Fedirko O. P. Religioznoe obrazovanie na Dal'nem Vostoke Rossii v 1980-kh - nachale 2000-kh gg. // Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2018. № 1. S. 119–124.
46. КНомыкова ЕН. Г. [uchitel' shkoly № 2 g. Dal'negorska] Put' k Osnovam pravoslavnoj kul'tury. [Elektronnyj resurs] Sajt g. Dal'negorska. URL:<http://dalnegorsk.ru/main/587-put-k-osnovam-pravoslavnoj-kultury.html> (data obrashheniya: 25.06.2021).

Информация об авторе

Татьяна Валерьевна Логинова, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель истории и обществознания МБОУ СОШ № 40, Владивосток, Россия, e-mail: tat.loginova72vi@mail.ru

Information about the author

Tatyana V. Loginova, Deputy Director for Educational Work, Teacher of History and Social Studies, Municipal Budgetary Educational Institution of Secondary Educational School № 40, Vladivostok, Russia, e-mail: tat.loginova72vi@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 01.10.2021

Одобрена после рецензирования
(Approved) 08.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 16.05.2022

Переселенческое законодательство как фактор экономического развития крестьянского хозяйства Приморской области второй половины XIX в.

Ярослав Александрович Барбенко
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, prohist@ya.ru

Аннотация. Многие аспекты жизни Приморской области регулировалась системой переселенческих законов, складывавшейся на протяжении всего дореволюционного времени. Автор рассмотрел нормы переселения в свете хозяйственной практики переселенцев и практики управления начальным хозяйственным обустройством переселенцев. Было установлено, что многие из особенностей переселенческого законодательства, ориентированные на заполнение территории, конфликтовали с интересами экономического развития хозяйства переселенцев и развития региона в целом. Важным условием особенностей экономического развития области были многочисленные отступления от норм переселенческого законодательства.

Ключевые слова: *Приамурье, Приморская область, экономическое развитие, переселение, крестьяне-переселенцы*

Для цитирования: Барбенко Я. А. Переселенческое законодательство как фактор экономического развития крестьянского хозяйства Приморской области второй половины XIX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 87–98. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/87-98>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/87-98>

Resettlement Legislation as a Factor in the Development of the Peasant Economy of the Maritime Province during the Latter Half of the XIXth Century

Yaroslav Aleksandrovich Barbenko
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, prohist@ya.ru

Abstract. The life in Maritime Province were regulated by the system of resettlement laws, which took shape throughout the whole pre-revolutionary period. Author considered the norms of resettlement in the light of the economic practice of immigrant settlers and practice of initial household management. It was found that many of the features of the resettlement legislation, focused on filling the territory, conflicted with the interests of the economic development of the resettlement economy and had a negative impact on the development of the back settlers household economy and the regional development. An important condition for the peculiarities of the economic development of the region were numerous deviations from the norms of resettlement legislation.

Key words: *Amur Region, Maritime Province, economic development, resettlement, resettling peasants*

For citation: Barbenko Ya. A. Resettlement Legislation as a Factor in the Development of the Peasant Economy of the Maritime Province during the Latter Half of the XIXth Century // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 87–98. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/87-98>

Введение

Колонизация и освоение южной части Дальнего Востока, начавшись в XVII в., до сих пор остаются реальностью России. Несмотря на столь длительный срок, набор средств колонизации долгое время был на удивление невелик: все они главным образом сводились к военным. Остроги казаков-первопроходцев XVII в. и военные посты XIX в. являлись для правительства точками опоры в регионе. Вместе с тем неэффективность только лишь военных (и смежных с ними) средств освоения региона была очевидной. Поэтому гражданские переселенцы стали не просто желанной персоной, но время от времени приобретали в глазах правительства, в том числе и военных, принципиальное значение для судеб региона.

Одним из эпизодов пересечения военно-стратегического интереса и гражданских ресурсов удержания территории является опыт переселения крестьян в Приамурье во второй половине XIX в. Уже в ходе обороны тихоокеанского побережья во время Крымской войны генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев заботится о доставке на Амур вместе с войсками мирных жителей для достижения военно-политических целей [6, с. 415]. После данного случая администрация региона (а это были военные) не раз обращалась к крестьянам-переселенцам как ресурсу, используя который можно достичь

военно-политических результатов; это особенно ярко проявилось в мотивации морского переселения с начала 80-х гг. [30, с. 73–74]. Однако в какой степени совместимы интересы военной безопасности и мирное хозяйственное развитие региона? То, что переселение мирных жителей может иметь значение для судеб войн (а лучше – мира), дальневосточная история показала нам вполне. Но может ли военно-политический интерес (и его политико-управленческие следствия) служить достаточным основанием для эффективного развития гражданской жизни на новом месте? Способна ли переселенческая политика, вдохновлённая интересами военных, служить опорой экономического развития региона?

Предмет и структура исследования. Предмет исследования – эффективность нормативной части переселенческой политики (правил переселения крестьян) как одного из факторов экономического развития крестьянского переселенческого хозяйства. Задачи исследования: а) выявить показатели развития крестьянских хозяйств; б) установить отношения между особенностями нормативной системы переселения крестьян и показателями развития крестьянских хозяйств; в) оценить влияние норм переселения на сельскохозяйственное развитие Приморской области вт. пол. XIX в. с точки зрения развития хозяйства крестьян-переселенцев.

Хронологические и географические рамки исследования. Исследование опирается на материал крестьянского переселения в Приморскую область с 1855 по 1900 гг. Именно в это время происходит формирование на Дальнем Востоке т. н. "старожильческого" крестьянства (см. [24]), несшего тяжесть первого опыта ведения хозяйства в Приамурье. В этот период правительство, местные власти активно экспериментировали с условиями переселения крестьян, как нормативными, так и практическими. Менялись не только формальные условия и требования к переселенцам, но также пробовались разные способы доставки людей на Дальний Восток, по-разному складывались отношения между переселенцами и другими группами (в т. ч. иноэтничными) населения. Всё это оказывало влияние на организацию хозяйства переселенцев, его эффективность, в конечном итоге на темпы и направления развития экономики региона. С 1901 г. заметно изменяются условия передвижения на далёкий восток и водворения на приморской земле, группа старожилов фиксируется юридически и осмысливается не только современными нам исследователями, но и свидетелями описываемых событий, в том числе самими переселенцами, местной и центральной администрацией. Таким образом, предмет исследования локализуется не только во времени и пространстве, но также и в социальной структуре дальневосточного общества XIX – начала XX вв.: "старожилы-стодесятильники". Ограничение географии исследования Приморской областью (в пределах сельскохозяйственной зоны, занимавшей территорию современных Приморского и юга Хабаровского краёв), в обход традиционной "южной части Дальнего Востока", связано с достаточной представительностью избранного региона. Крестьяне-переселенцы расселились от сурового района устья Амура до благоприятного района устья Тумангана, что позволяет рассмотреть особенности функционирования и траектории развития хозяйств в разных и природных, и социальных условиях.

Источниковой базой исследования выступают, во-первых, отчётные документы местной администрации, опубликованные (ежегодные "Обзоры области" [21; 22; 23]) и неопубликованные (ежегодные отчёты окружных начальников и военных губернаторов Приморской области, находящиеся в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока); во-вторых, опубликованные свидетельства современников-наблюдателей, собиравших информацию, занимая административные должности в регионе [5; 15; 16; 19; 26; 30] или находясь здесь в творческих командировках [10; 18]; в-третьих, данные из работ современных исследователей, цитирующие недоступные автору архивные материалы и другие источники. В результате мы имеем очень разнородный по происхождению и качеству массив данных, однако работу с ним упрощает тот факт, что большая часть анализируемой информации представлена не в количественной, а в качественной форме: из пяти критериев только в одном случае я анализирую цифровые значения избранного критерия. Что же касается собственно количественных данных, то они берутся из одной группы источников (официальной отчётности), а это

имеет значение в отношении преемственности способов сбора информации и, следовательно, сопоставимости данных.

Степень разработанности предмета исследования явно недостаточна, исторические исследования по проблемам аграрного/крестьянского переселения, водворения, по вопросам хозяйственного освоения юга Дальнего Востока до сих пор имеют преимущественно описательный характер; по высоте теоретического обобщения работы советского времени (например [12]) до сих пор остаются непревзойденными. Работы представителей советской школы всё ещё определяют горизонт исследований по рассматриваемой и смежным проблемам [1; 24], однако заметны попытки обновить концептуальный аппарат историко-аграрных исследований с использованием подходов как не-марксистской отечественной, так и современной экономической науки [8; 27]. Вопрос взаимодействия норм переселения и хозяйственной практики в современной литературе по истории Дальнего Востока в рассматриваемом аспекте (разд. Предмет и структура исследования) не решается, хотя по отдельности эти сюжеты устойчиво привлекают внимание исследователей.

Базовые понятия и критерии анализа. Экономический словарь Рутледж определяет "экономическое развитие" следующим образом: "1) Движение экономики от сельского хозяйства, использующего простые технологии, к промышленному производству и спектру услуг, использующих современные технологии; 2) Совокупный рост доходов на душу населения, сопровождающийся структурными и институциональными изменениями" [31, p. 118]. Данное определение снабжает нас некоторыми инструментами, но и требует адаптации к предмету исследования. Экономическое развитие, во-первых, подразумевает трансформацию форм хозяйства, сопровождаемую совершенствованием методов, во-вторых, рост доходов и, надо полагать, рост уровня жизни¹. С учётом того, что исследование посвящено изменениям в аграрной сфере, диапазон развития ограничен по сравнению с представленным в определении, вместе с тем уже само появление русского крестьянского хозяйства в Приамурье² можно расценивать как акт "движения экономики" от преимущественно доземледельческих форм хозяйства к массовому земледельческому хозяйству на данной территории. Соответственно переменам в типе хозяйства изменяются и развиваются технологии, соответственно развитию производства растёт и уровень жизни населения.

Вместе с тем справедливо было бы ориентировать фокус рассмотрения не на смену типов хозяйства, формаций и проч., а на развитие внутри одного типа, формации. Иначе говоря, переселение должно инициировать развитие самого крестьянского хозяйства на новых территориях – его количественное (в т. ч. занятие территории) и качественное (изменение структуры и возможности изменения типа хозяйства) развитие. Земледельческое хозяйство воплощается в "земле, труде и капитале", а формы и способы взаимодействия этих элементов характеризуют структуру хозяйства [16, с. 77], см. также [7, с. 10–11; 17, с. 19–21]. Отсюда количественные и качественные изменения земли, труда и капитала как таковых и изменения их соотношения создают потенциал развития хозяйства. Таким образом, в качестве критериев развития крестьянского переселенческого хозяйства и связанных с ним критериев развития Приморской области второй половины XIX в. как сельскохозяйственного региона установим следующее:

А) *рост площади реально используемой земли*, что подразумевает развитие возможностей отдельных хозяйств и аграрной экономики в целом (единица учёта и анализа – отношение площади данного хозяйства к количеству членов хозяйства);

Б) *рост частного крестьянского землевладения*, что подразумевает развитие социально-экономических отношений, создаёт возможности перехо-

¹ Расчёт изменения уровня доходов и, соответственно, уровня жизни, особенно в условиях XIX в., есть специфическая задача, не решаемая в данной работе, но которой должно быть посвящено отдельное исследование.

² Этот регион с XVII в. испытывал недостаток земледельческого населения как результат русско-маньчжурских войн второй половины столетия [12, с. 78].

да к капиталистическому хозяйству (единица учёта и анализа – количество десятин в собственности крестьян);

В) *прогресс методов труда*, что подразумевает технологическое развитие хозяйства, рост производительности труда как предпосылку индикатора "б" (единица учёта и анализа – наличие практики массового использования нетипичных до переселения методов труда);

Г) *трансформация способов организации сельского труда*, что подразумевает складывание новых организационных форм крестьянского труда, отличных от традиционных: семьи, соседских артелей и проч. (единица учёта и анализа – факт распространения нетрадиционных способов организации труда);

Д) *привлечение внешних источников финансирования в хозяйства*, что подразумевает использование хозяевами денежных (и иных) поступлений извне для капиталовложений (единица учёта и анализа – наличие практики широкого привлечения внешних источников финансирования).

Опыт реализации переселенческого законодательства

Для того чтобы оценить развитие аграрного сектора приморской экономики на примере крестьян (помимо которых в этой сфере были как минимум казаки и корейцы), рассмотрим подекадные результаты, опираясь на сформулированные выше критерии. Учитывая, что на территории области в изучаемый период действовали два нормативных режима [2]³, данные сразу будут сгруппированы соответствующим образом (*табл. 1 и табл. 2*). В интересах совместимости показателей исследуемых периодов для критерия "рост площади реально используемой земли" данные взяты из одного источника: отчётов окружных или областной администраций.

Оценка связи режимов переселенческой политики с развитием крестьянских хозяйств осложняется неравенством исходных условий существования крестьянских хозяйств в амурских округах области и в южно-уссурийских: природных, транспортных и т. п. [4]. Это означает: нормативный режим не являлся единственным, и потенциально – не являлся наиболее значимым, фактором развития хозяйства в регионе. Режим 1859/1861 гг., действовавший в амурских округах, напомню, имел следующие характеристики: свобода выбора мест водворения, коллективный (семейный) характер землеобеспечения, бесплатное использование государственной земли, возможность приобретения земли в частную собственность, высокая ставка землеобеспечения [2, с. 11]. Режим 1866/1882 гг., действовавший в Южно-Уссурийском крае, добавлял к этому денежную и материальную помощь и организацию переезда на другой конец страны [2, с. 12].

Итоги **первого десятилетия** освоения Амура в пределах области показывают наличие здесь традиционного русского крестьянского хозяйства (*табл. 1, стрк. 1*), которое, однако, стабильностью не отличалось. Известно, что урожайный 1867 г. не обеспечил крестьян Софийского округа продовольствием сполна, а неурожайный 1868 г. обеспечил производителей на 1/5; недостаток хлеба покрывался казённой натуральной помощью и хлебными займами⁴ [11, с. 254–255]. Последний факт примечателен, поскольку в одном отношении снимает разницу между выявленными нормативными режимами: хозяйства общего режима также получали материальную помощь от власти, как и хозяйства специального режима. Ханкайский округ в это же время производил избыток хлеба, который, однако, не покрывал нужд области в продовольствии [11, с. 78]. Политика правительственной компенсации ущерба хозяйствам от природной стихии привела к тому, что к 1870 г. у крестьян Аввакумовского округа образовался хронический долг перед государством и сохранялся он до 1882 г. [1, с. 74–75]. Первые итоги действия режима 1866/1882 гг.

³ Режим 1859/1861 гг. с дополнениями распространялся на территорию Амурской и Приморской областей, режим 1866/1882 г. с дополнениями распространялся на территорию Южно-Уссурийского края Приморской области.

⁴ У меня есть сомнения насчёт правильной атрибуции уже водворившихся крестьян в качестве переселенцев, а значит и определение этой (и для многих других случаев) государственной помощи крестьянам именно как переселенцам. Вопрос границ (в том числе хронологических) статуса переселенца на данном материале до сих пор не исследован с достаточной точностью.

Таблица 1. Показатели развития крестьянских хозяйств Приморской области во второй половине XIX в. в условиях нормативного режима 1859/1861 гг.
Table 1. Indicators of the development of peasant farms in the Maritime Province in the second half of the XIXth century under the regulatory regime of 1859/1861

Рубежи десятилетий		Критерии развития хозяйств ^{а)}				
		А	Б	В	Г	Д
1	60-х – 70 х	0,58 ^{б)}	нет	нет	нет	нет
2	70-х – 80-х	1,18 ^{в), е)}	нет	нет	нет	нет
3	80-х – 90-х	0,66 ^{г)}	нет	нет	нет	нет
4	90-х – 00-х	0,33 ^{д)}	не определено	есть	нет	нет?

Примечания:

а) содержание критериев см. раздел 1.3 статьи;

б) на 1869 г.;

в) на 1879 г.;

г) на 1891 г.;

д) на 1899 г.

е) Рассчитано по: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 745. Л. 101, 103, 105, 111.

Источник: составлено или рассчитано автором по: [11, с. 255, 262, 264, 269–270; 13, с. 75, 92; 21, с. 2].

Source: compiled or calculated by the author according to: [11, p. 255, 262, 264, 269-270; 13, p. 75, 92; 21, p. 2].

дают сходные результаты (*табл. 2, стрк. 1*) с действием общего режима, хотя для разных территорий самого южного края итоги всё же отличаются.

Отчёты военного губернатора Приморской области **конца 70-х гг.** чётко разделяют амурский и уссурийский сельскохозяйственные районы, в первом из которых крестьянские хозяйства вынужденно многоотраслевые (основные отрасли: хлебопашество, извоз, охота и рыболовство) по причине неблагоприятности природных условий для развития полевого хозяйства (**Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 634. Л. 298 об. – 299**). Южный район для развития аграрного потенциала испытывает недостаток труда, имея условия для "развития в больших размерах скотоводства, огородничества и отчасти садоводства" (**РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 634. Л. 299**). Из данных *табл. 1 (стрк. 2) и табл. 2 (стрк. 2)* можно видеть несомненные успехи полеводства на исходе второго десятилетия: площадь реально используемых земельных участков в пересчёте на душу населения растёт в обоих регионах. Остальные индикаторы ничего не показывают по нескольким причинам. Во-первых, привлекательно высокая земельная норма и очень широкие права по использованию государственной земли не стимулировали интерес крестьян к покупке земельных угодий [**13, с. 75**]. Во-вторых, свобода выбора мест водворения и возможность переселения внутри Приамурья на правах переселенцев вели к тому, что крестьяне устремились из амурских территорий в уссурийские, получая материальную помощь для обустройства на новом месте; этим они существенно продлевали статус переселенцев и затягивали срок становления хозяйства: "Переселенцы Приморской Области не редко меняли места поселения... и далеко не все могут почитаться прочно водворившимися" (**РГИА ДВ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 58**). Всё это оставляло техническое и организационное развитие хозяйств на прежнем уровне [**13, с. 92**]. Положение многих хозяйств по Нижнему Амуру в 70-е гг. так и не улучшилось: по свидетельству старшины с. Троицкого (1880 г.), крестьяне Софийского округа, не имея возможности дополнительного заработка, в попытках накормить семью разоряют хозяйства, продавая скот (**РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 745. Л. 227–227 об.**). Таким образом можно видеть, что правила переселения, будучи привлекательными по идее, на практике имели противоречивые следствия.

Таблица 2. Показатели развития крестьянских хозяйств Приморской области во второй половине XIX в. в условиях нормативного режима 1866/1882 гг.
Table 2. Indicators of the development of peasant farms in the Maritime Province in the second half of the XIXth century under the regulatory regime of 1866/1882

Рубежи десятилетий		Критерии развития хозяйств ^{а)}				
		А	Б	В	Г	Д
1	60-х – 70-х	0,92 ^{б)}	нет	нет	нет	есть
2	70-х – 80-х	1,41 ^{в), е)}	нет	нет	нет	есть
3	80-х – 90-х	1,48 ^{г)}	нет	нет	есть?	есть
4	90-х – 00-х	1,59 ^{д)}	4839 ^{д)}	есть	есть?	есть

Примечания:

а) содержание критериев см. раздел 1.3;

б) на 1869 г.;

в) на 1879 г.;

г) на 1891 г.;

д) на 1899 г.

е) Приведены только данные по неблагополучному Аввакумовскому округу (в районе залива Ольги). Рассчитано по: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 745. Л. 276 об.–277.

Источник: составлено или рассчитано автором по: [11, с. 298; 13, с. 75; 21, с. 2; 22, с. 6–7; 26, с. 41, 111].

Source: compiled or calculated by the author according to: [11, p. 255, 262, 264, 269-270; 13, p. 75, 92; 21, p. 2].

Итоги третьего десятилетия (табл. 1, стрк. 3; табл. 2, стрк. 3) показывают интересную тенденцию развития землепользования в рассматриваемых регионах: в северном регионе размеры пашни уменьшаются, а в южном продолжают расти. Последний факт можно объяснить намечающейся хозяйственной специализацией амурских территорий, памятуя о специфичном многоотраслевом хозяйстве поамурских крестьян, закрепившемся ещё в предыдущую декаду. В Обзоре Приморской области за 1891 г. читаем: "Способ ведения земледельческого хозяйства попрежнему остается первобытным: удобрения пашен не существует..." [21, с. 2]. Этот факт легко объяснить земельным простором переселенцев, сохранявшимся в южном крае до девяностых или нулевых годов. Избыток земли ещё в 90-е позволял вести переложную систему землепользования [15, с. 13–15].

По официальным данным в крестьянских хозяйствах юга использовали наёмный труд, но только во время уборки урожая, причём рабочие руки настолько ценились, что переселенцы-новосёлы в страду могли заработать продовольствия на целый год, а некоторые имели избыток для продажи [21, с. 4]. Оплата производилась в натуральной форме, поскольку основная масса крестьян не имела достаточного количества денег для оплаты труда [10, с. 99], не говоря уже об аренде и покупке земли. В данном случае мы видим предпосылки трансформации способов организации труда, соседствующие с натуральным расчётом за труд, что отражено в данных табл. 2 (ячейка ГЗ). Однако эта подвижка не имеет оснований в нормативных условиях переселения. Наконец, характерная черта режима 1866/1882 гг. – льготы, долженствующие облегчить и само переселение, и хозяйственное обустройство: комментаторы буквально хором твердят о меньшей эффективности "казённокоштных" переселенцев, т. е. полных льготников, по сравнению со "своекоштными", которые переезжали в Уссурийский край за свой счёт и имели меньший объём помощи от Переселенческого управления [5, с. 152; 10, с. 99–101].

Дисциплина водворения переселенцев остаётся прежней – крестьяне (особенно это касается прибывающих за свой счёт), пользуясь свободой выбора мест, долго колеблются, меняют решения, выпадают из-под надзора властей, водворяются с нарушением норм правил 1861 г. [15, с. 123–127].

Наконец **четвёртое десятилетие**, в результате которого оформилось старожильческое население Приморской области. Его итоги отражены в *табл. 1, стр. 4* и *табл. 2, стр. 4*. Можно видеть, как расходятся траектории развития земледелия в рассматриваемых регионах (*ячейки А4* в обеих таблицах). По данным 1900 г. амурские крестьяне активно занимались рыболовным промыслом, однако промышленных масштабов он не имел: в Хабаровской округе на рынок было отправлено около 14% улова, для Удской округи нет данных о крестьянской торговле рыбой, она была "упромышленна" для "собственного продовольствия" [23, с. 11]. Вместе с тем сочетание упадка земледелия и роста рыболовства в данный период имеют продолжение в становлении крестьянского хозяйства промыслового типа в начале XX в. [9]. Характерно, что посевы в Удской округе конца XIX в. занимали около 50% разработанных земель, а в Хабаровской и Южно-Уссурийской 75–80% [22, с. 7; 23, с. 4].

Появляется информация о частном крестьянском землевладении в Южно-Уссурийском крае⁵, доля крестьянских земель составляет порядка 33%: из 105 частных участков крестьянских было 38 [14, с. 324] (*табл. 2, ячейка Б4*). В течение 90-х гг. в крестьянской среде распространяется мнение о земельной тесноте, что проявляется в стремлении к надельному размежеванию [25, с. 97–98], росту числа заимок [14, с. 322] и появлению феноменов аренды земли [24, с. 82–83] и крестьянской земельной собственности. Около 1898 г. хозяйства порядка 90% селений Южно-Уссурийского края, не будучи формально выделенными, использовали свой надел без участия общества, по принципу заимки [26, с. 46–47].

Следует отметить массовое технологическое развитие крестьянских хозяйств: по сведениям чиновника Переселенческого управления МВД А. А. Риттиха, все уссурийские крестьяне к 1898 г. для обработки почвы использовали железные плуги, даже не имея их в хозяйстве. Также существовал небольшой спрос на сложные (и дорогостоящие) сельхозмашины; оснащены сельхозоборудованием были хозяйства 42-х из 102-х селений старожилов [26, с. 42–43, 44, 89]. Есть сведения о введении в русские хозяйства южного края восточноазиатских культур [15, с. 47]. Эти обстоятельства позволяют зафиксировать в *ячейке В4 табл. 2* прогресс по данному основанию.

Трансформация способов организации труда (*ячейка Г4*) отчасти проявляется в возникновении хозяйств, использующих кабальную и краткосрочную аренду, что оценивается как проявление капиталистического развития дальневосточной деревни [24, с. 83–84]. Не уверен, что это так, ведь арендаторами в таких хозяйствах были главным образом китайцы, и как таковое крестьянское хозяйство не развивалось, а функционировало в качестве материальной базы многих китайских хозяйств; средства, вырученные таким хозяином-"плантатором", как правило, пускались на потребление [18, с. 111–121]. Следует отметить, что практика передачи государственной надельной земли (неважно как сами крестьяне оценивали её принадлежность) в какую бы то ни было аренду правилами переселения не была предусмотрена⁶, более того, в дискуссиях на тему землеобеспечения переселенцев чиновники использовали термин "трудова́я норма"; всё это ставит под сомнение и легальность, и легитимность крестьянской арендодачи. Интересно отметить, что с середины 90-х гг. приамурской администрацией были разработаны временные правила продажи земли в собственность частным лицам, в соответствии с ними контроль за целевым характером землепользования осуществлялся ещё на этапе покупки (который растягивался по этой причине на продолжительный срок) [30, с. 147–148]. Сложная процедура утверждения земли в собственность была затеяна среди прочего и для того, чтобы не допустить использования земли для передачи её в аренду китайцам и корейцам [30, с. 150], однако сведений об ограничении использования надельных земель для аренды ази-

⁵ К сожалению, я обнаружил только данные по Южно-Уссурийскому краю, однако прямых указаний (как это было на предыдущих этапах) об отсутствии землевладения у амурских крестьян нет.

⁶ По правилам 1861 г. крестьянское общество имело право продать другому обществу (не менее чем из 15 семейств) свой надел целиком, см. [20, с. 683]. Иных вариантов распоряжения надельной землёй как собственной закон не предусматривал.

атам я не обнаружил. Обращаю внимание на факт мотивировки контроля использования передаваемых в частные руки земель "интересами крестьянского населения" [30, с. 151]; с передачей наделной земли в аренду китайцам администрации приходилось мириться⁷, но зато с 1894 г. начинается борьба с таким использованием земли частновладельческой. Налицо своеобразная привилегия крестьян-переселенцев, использующих наделную землю; это не первый случай фиксации особого положения приморских крестьян относительно других групп населения [4, с. 130].

Возможности привлечения крестьянскими хозяйствами внешних источников финансирования (*ячейка Д4*) были крайне ограничены (если не считать ссуды переселенцам на водворение): с одной стороны, заработки (например, в результате продажи зерна военному ведомству или на алкогольное производство [5, с. 146]) чаще всего шли на потребление, а с другой – кредитная сфера достигла в Приморье достаточной для крестьян зрелости только во второй декаде XX в. [29].

Заключение: Способствовали ли нормативные основания переселения экономическому развитию Приамурья?

Успехи экономического развития Приамурья во второй половине XIX в. несомненны, поскольку за это время была создана новая экономика региона, имевшая очень мало общего с экономикой аборигенов и торговцев и отходников из Цинской империи, господствовавшей здесь в середине XIX в. Более того, состоящие крестьянской экономики Приморской области рубежа XIX – XX вв. в терминологии К. П. Космачёва может быть осмыслено как переходное от пионерного к реконструктивному типу освоения [3, с. 5–6], что подразумевает прогрессивное движение, развитие. Вместе с тем проведённый анализ нормативной базы аграрного переселения в контексте реалий хозяйственной жизни не позволяет однозначно положительно оценить влияние норм переселения на развитие и крестьянских хозяйств, и региона в целом.

В первую очередь следует отметить непоследовательность реализации самих норм: 1) предоставление материальной помощи хозяйствам общего режима переселения (который не предусматривал такой помощи), да ещё и в течение длительного времени, что не предусматривалось даже особым режимом переселения (но также практиковалось в зоне его действия); 2) упрощение механизма наделения землёй путём отказа местной администрации от минимального семейного надела (15/21 дес. на муж. душу) и любых промежуточных в пользу максимального (100 дес.); 3) отсутствие должного надзора за правильным (т. е. соответствующим букве закона) расселением крестьян; 4) выход за рамки правил использования переселенцами государственных наделных земель. Каждое из указанных решений имеет уважительную мотивацию, однако в сумме отклонений формируется альтернативная переселенческая реальность, не похожая на план законодателя.

Анализ практики применения норм переселенческого законодательства в Приморской области второй половины XIX в. демонстрирует сложную структуру факторов развития крестьянских хозяйств и неоднозначную роль в нём норм переселенческого законодательства. Наиболее часто и последовательно прослеживается связь высокой земельной нормы с критерием частного крестьянского землевладения и с критерием прогресса методов труда; эти связи отрицательны по обоим нормативным режимам, то есть щедрость государства на землю переселенцам тормозила развитие их хозяйств по каждому из оснований анализа. Похожую роль играли широкие права и льготы в отношении использования наделных земель. Право собственности на землю оказывается востребованным только в 90-е гг. в южном, плотно заселяемом, земледельческом районе. Активно использовались льготы, положенные режимом 1866/1882 гг. На всём протяжении изучаемого периода они оказывали положительное влияние на развитие хозяйств переселенцев, однако не все использовали эту возможность по назна-

⁷ Администрация была озабочена этой ситуацией, но предпринимала только косвенные меры, такие как выселение китайцев с территории, предназначенной для переселенцев [28, с. 182].

чению: переселенцы начала 80-х, прибывшие и полностью обеспеченные за счёт государства, часто тратили материальную помощь хозяйствам на личное потребление. Наконец, ещё одной влиятельной нормой переселенческого законодательства была свобода выбора места водворения: в каждом из рассматриваемых регионов/режимов переселенцы, пользуясь этой нормой, иногда не раз переносили ещё неустоявшиеся хозяйства, что негативно влияло и на сроки их стабилизации, и на темпы их развития. Очевидно, что перечисленные выше нормы были самыми привлекательными в правилах переселения, и свою роль приманки людей на удалённую окраину они выполнили; однако экономическая роль этих норм уже на месте водворения проявилась не так, как, видимо, задумывалось законодателем. То, что привлекало потенциальных переселенцев в Приамурье ещё на местах выхода, не способствовало развитию хозяйств на местах вселения, а в некоторых случаях крепко консервировало их.

За рамками обсуждения остались такие особенности режимов переселения и водворения: семейный порядок водворения (режим 1859/1861), одноразовый выбор переселенцами места водворения, минимальная цена на покупаемую землю и максимальный размер участка, покупаемого в собственность (режим 1866/1882, а точнее дополнения 1892 г.). Как таковая норма семейного порядка водворения мало сказалась на экономическом развитии хозяйств в силу земельного простора и, таким образом, на возможности создавать организационно автономные хозяйства даже в составе общинного надела. Кроме того, долгое время русские переселенцы в интересах безопасности в новом крае стремились жить как можно теснее, что нивелировало значение норматива. Наконец, сама реализация этой директивы хромала: контролировать возникновение крестьянских селений администрация не имела возможности. Это же обстоятельство нейтрализовало строгость нормы 1892 г. об обязательном закреплении переселенческого участка за определённым владельцем. Иные дополнения 1892 г. в практике крестьян в какой-то степени конфликтовали с правилами 1861 г., а именно: земельный простор переселенцев (который оставался реальностью многих хозяйств до середины–конца 90-х гг. и даже далее) откладывал вопрос покупки земель на неопределённое будущее.

Итак, крестьянское переселение позволило правительству в течение второй половины XIX в. сформировать на относительно небольшом участке крайнего востока империи устойчивое земледельческое население, которое не только стало хозяйственно самостоятельным, но также было надёжным тылом войск: политически лояльным, способным отчасти нести тяжесть снабжения армии продовольствием, частично обеспечивать транспортное обслуживание и т. д. Как бы мы ни смотрели на развитие Дальнего Востока сегодня, по крайней мере на протяжении XIX в. он имел для правительства не экономическое, а политическое значение [19, с. 77]; проведённое исследование демонстрирует этот факт вполне. На вопрос, вынесенный в заголовок данного раздела, я бы ответил в стиле приамурского генерал-губернатора А. Н. Корфа: нормативные условия переселения были, безусловно, полезными, *но не сплошь*, и их избирательное и непоследовательное применение приморской областной администрацией принесло не только благо, но и вред развитию региона. Впрочем, оценка точной, последовательной (и гипотетической, конечно!) реализации плана законодателя до сих пор не сделана: наше академическое сообщество не вполне доверяет жанру контрфактической истории.

Литература

1. Аргудяева Ю. В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Кн. 1. Крестьяне. Владивосток: ДВО РАН, 2006. 312 с.
2. Барбенко Я. А. Динамика переселенческого законодательства в Приамурском крае во второй половине XIX в. // Известия Восточного института. 2018. № 4. С. 6–18. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/6-18.
3. Барбенко Я. А. Дистанция, колонизация, насыщение, освоение: крестьяне-переселенцы в Приамурье // Предварительные материалы круглого стола ""Колонизация" и/или "освоение": что нам делать с избытком терминологии?" С. 4–6 // Официальный сайт журнала "Ойкумена. Регио-

новедческие исследования". URL: http://ojkum.ru/images/news/kolon_materialy.pdf (дата обращения: 13.08.2018).

4. Барбенко Я. А. Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в. Диссертация... канд. ист. наук. Владивосток, 2010. 276 л.

5. Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах. СПб.: б. и., 1896. IV, 166, 57 с.

6. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области / Ред. П. П. Семенов. СПб.: б. и., 1894. V, 639, VIII с.

7. Доклад о мировом развитии 2008: Сельское хозяйство на службе развития. Обзор / Международный банк реконструкции и развития; Всемирный банк. Вашингтон: б. и., 2007. VIII, 31 с. URL: <https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2008.pdf> (дата обращения: 12.07.2021).

8. Дятлова Л. А. Эволюция крестьянского хозяйства на Нижнем Амуре: влияние природных и социально-экономических условий // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 2. С. 17–27. DOI: 10.14530/reg.2014.2.

9. Дятлова Л. А. Крестьянское хозяйство в контексте территориальной организации экономики Нижнего Амура начала XX века // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 2. С. 21–36. DOI: 10.14530/reg.2015.2.

10. Елисеев А. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация // Русский Вестник. 1891. № 10 (т. 216). С. 78–113.

11. Из предыстории сахалинской каторги. При-амурская комиссия генерал-адъютанта И. Г. Сколкова (1869–1870 гг.) / Сост. В. М. Латышев, Г. И. Дударец. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. краевед. музей, 2015. 460 с.

12. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – 1917 г.) / А. Р. Артемьев и др., отв. ред. А. И. Крушанов. М.: Наука, 1990. 471 с.

13. Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 264 с.

14. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Комитет Сибирской железной дороги. СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1900. X, 376 с.

15. Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. М.: б. и., 1896. 214 с. (Записки Приамурского отделения Императорского Русского географического общества; Т. II, вып. II)

16. Людоговский А. П. Основы сельскохозяйственной экономики и сельскохозяйственного счетоводства: опыт руководства для практических хозяев, земледельческих и реальных училищ и в пособие при занятиях студентов высших учебных заведений. СПб.: издание А. Ф. Девриена, 1875. VIII, 488 с.

17. Маслов П. Аграрный вопрос в России. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. IV, 431, 5 с.

18. Муров Г. Т. Люди и нравы Дальнего Востока. От Владивостока до Хабаровска (путевой дневник). Томск: б. и., 1901. II, 161 с.

19. Надаров Ив. Второй Хабаровский съезд 1886 года / Приамурский генерал-губернатор. Владивосток: б. и., 1886. 79 с.

20. О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVI. Отделение первое. 1861. Ст. 36928. СПб.: б. и., 1863. 1058 с. С. 682–685.

21. Обзор Приморской области за 1891 год: Приложение к Всеподданнейшему отчету / Приморское обл. правление. Владивосток: б. и., 1892. 39 с.

22. Обзор Приморской области за 1899 год: Приложение к Всеподданнейшему отчету / Приморское обл. правление. Владивосток: б. и., 1901. 96 с.

23. Обзор Приморской области за 1900 год: Приложение к Всеподданнейшему отчету / Приморское обл. правление. Владивосток: б. и., 1902. 96 с.

24. Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855–1917 гг. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 196 с.

25. Польская Е. В., Стасюкевич С. М. Частная собственность на землю на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. № 3. С. 91–101.

26. Риттих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. Отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого Управления / Переселенческое управление МВД. СПб.: б. и., 1899. [2], 160 с.

27. Рыжова Н. П., Гузей Я. С., Карбаинов Н. И. Институт собственности на землю: захваты, "ресурсное изобилие" и особенности инфорсментна на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 114–122. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/114-122.

28. Сорокина Т. Н. "...Земля "как пух", говорят новоселы": выселение оседлых китайцев из Южно-Уссурийского края на рубеже XIX – XX вв. // Колонизация Азиатской России (XIX – начало XX вв.): институции и практики: материалы региональной научной конференции (Омск, 24–25 декабря 2013 г.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. 196 с. С. 178–192.

29. Троицкая Н. А. Кредитные учреждения на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник ТГЭУ. 2006. № 4. С. 76–86.
30. Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1858–1898 гг / ред. И. И. Бок. СПб.: б. и., 1900. VIII, 324, XX с. (Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Т. VIII. Вып. II).
31. Rutherford D. Routledge Dictionary of Economics. London; New York: Routledge, 2005. VII, 490 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Argudyaeva YU. V. Ehtnicheskaya i ehtnokul'turnaya istoriya russkikh na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo KHKH v.). Kn. 1. Krest'yane. Vladivostok: DVO RAN, 2006. 312 s.
2. Barbenko YA. A. Dinamika pereselencheskogo zakonodatel'stva v Priamurskom krae vo vtoroj polovine XIX v. // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2018. № 4. S. 6–18. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/6-18.
3. Barbenko YA. A. Distantsiya, kolonizatsiya, nasyshhenie, osvoinie: krest'yane-pereselentsy v Priamur'e // Predvaritel'nye materialy kruglogo stola ""Kolonizatsiya" i/ili "osvoinie": chto nam delat' s izbytkom terminologii?" S. 4–6 // Ofitsial'nyj sayt zhurnala "Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya". URL: http://ojkum.ru/images/news/olon_materialy.pdf (data obrashheniya: 13.08.2018).
4. Barbenko YA. A. Krest'yanskoe rasselenie v Primorskoj oblasti kak chast' russkoj kolonizatsii Priamur'ya vo vtoroj polovine XIX v. Dissertatsiya... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2010. 276 l.
5. Busse F. F. Pereselenie krest'yan morem v YUzhno-Ussurijskij kraj v 1883–1893 godakh. SPb.: b. i., 1896. IV, 166, 57 s.
6. Grum-Grzhimajlo G. E. Opisanie Amurskoj oblasti / Red. P. P. Semenov. SPb.: b. i., 1894. V, 639, VIII s.
7. Doklad o mirovom razvitii 2008: Sel'skoe khozjaystvo na sluzhbe razvitiya. Obzor / Mezhdunarodnyj bank rekonstruktsii i razvitiya; Vsemirnyj bank. Vashington: b. i., 2007. VIII, 31 s. URL: <https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2008.pdf> (data obrashheniya: 12.07.2021).
8. Dyatlova L. A. EHvolyutsiya krest'yanskogo khozjaystva na Nizhnem Amure: vliyanie prirodnykh i sotsial'no-ehkonomicheskikh uslovij // Regionalistika. 2014. T. 1. № 2. S. 17–27. DOI: 10.14530/reg.2014.2.
9. Dyatlova L. A. Krest'yanskoe khozjaystvo v kontekste territorial'noj organizatsii ehkonomiki Nizhnego Amura nachala KHKH veka // Regionalistika. 2015. T. 2. № 2. S. 21–36. DOI: 10.14530/reg.2015.2.
10. Eliseev A. YUzhno-Ussurijskij kraj i ego russkaya kolonizatsiya // Russkij Vestnik. 1891. № 10 (t. 216). S. 78–113.
11. Iz predystorii sakhalinskoj katorgi. Pri-amurskaya komissiya general-ad'yutanta I. G. Skolkova (1869–1870 gg.) / Sost. V. M. Latyshev, G. I. Dudarets. YUzhno-Sakhalinsk: Sakhalin. obl. kraeved. muzej, 2015. 460 s.
12. Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v ehpokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – 1917 g.) / A. R. Artem'ev i dr., otv. red. A. I. Krushanov. M.: Nauka, 1990. 471 s.
13. Kabuzan V. M. Dal'nevostochnyj kraj v XVII – nachale KHKH vv. (1640–1917). Istoriko-demograficheskij ocherk. M.: Nauka, 1985. 264 s.
14. Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshhim pereselencheskim voprosom / Komitet Sibirskoj zheleznoj dorogi. SPb.: Kantselyariya Komiteta ministrov, 1900. X, 376 s.
15. Kryukov N. A. Opyt opisaniya zemlepol'zovaniya u krest'yan-pereselentsev Amurskoj i Primorskoj oblastej. M.: b. i., 1896. 214 s. (Zapiski Priamurskogo otdeleniya Imperatorskago Russkago geografskago obshhestva; T. II, vyp. II)
16. Lyudogovskij A. P. Osnovy sel'skokhozjaystvennoj ehkonomii i sel'skokhozjaystvennogo schetovodstva: opyt rukovodstva dlya prakticheskikh khozyaev, zemledel'cheskikh i real'nykh uchilishh i v posobie pri zanyatiyakh studentov vysshikh uchebnykh zavedenij. SPb.: izdanie A. F. Devriena, 1875. VIII, 488 s.
17. Maslov P. Agrarnyj vopros v Rossii. M.-L.: Gos. izd-vo, 1926. IV, 431, 5 s.
18. Murov G. T. Lyudi i nravy Dal'nego Vostoka. Ot Vladivostoka do Khabarovska (putevoj dnevnik). Tomsk: b. i., 1901. II, 161 s.
19. Nadarov Iv. Vtoroj Khabarovskij s'ezd 1886 goda / Priamurskij general-gubernator. Vladivostok: b. i., 1886. 79 s.
20. O pravilakh dlya poseleniya russkikh i inostrantsev v Amurskoj i Primorskoj oblastyakh Vostochnoj Sibiri // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XXXVI. Otdelenie pervoe. 1861. St. 36928. SPb.: b. i., 1863. 1058 s. S. 682–685.
21. Obzor Primorskoj oblasti za 1891 god: Prilozhenie k Vsepoddannejšemu otchetu / Primorskoe obl. pravlenie. Vladivostok: b. i., 1892. 39 s.
22. Obzor Primorskoj oblasti za 1899 god: Prilozhenie k Vsepoddannejšemu otchetu / Primorskoe obl. pravlenie. Vladivostok: b. i., 1901. 96 s.

23. Obzor Primorskoj oblasti za 1900 god: Prilozhenie k Vsepoddannejšemu otchetu / Primorskoe obl. pravlenie. Vladivostok: b. i., 1902. 96 s.
24. Osipov YU. N. Krest'yanе-starozhily Dal'nego Vostoka Rossii 1855–1917 gg. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2006. 196 s.
25. Pol'skaya E. V., Stasyukevich S. M. CHastnaya sobstvennost' na zemlyu na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. 2012. № 3. S. 91–101.
26. Rittikh A. A. Pereselencheskoe i krest'yanskoe delo v YUzhno-Ussurijskom kraе. Otchet po komandirovke chinovnika osobykh poruchenij Pereselencheskago Upravleniya / Pereselencheskoe upravlenie MVD. SPb.: b. i., 1899. [2], 160 s.
27. Ryzhova N. P., Guzej YA. S., Karbainov N. I. Institut sobstvennosti na zemlyu: zakhvaty, "resursnoe izobilie" i osobennosti informenta na rossijskom Dal'nem Vostoke // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2019. № 1. S. 114–122. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/114-122.
28. Sorokina T. N. "...Zemlya "kak pukh", govoryat novosely": vyselenie osedlykh kitajtsev iz YUzhno-Ussurijskogo kraя na rubezhe XIX – XX vv. // Kolonizatsiya Aziatskoj Rossii (XIX – nachalo XX vv.): institutsii i praktiki: materialy regional'noj nauchnoj konferentsii (Omsk, 24–25 dekabrya 2013 g.). Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2013. 196 s. S. 178–192.
29. Troitskaya N. A. Kreditnye uchrezhdeniya na rossijskom Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Vestnik TGEHU. 2006. № 4. S. 76–86.
30. Unterberger P. F. Primorskaya oblast'. 1858–1898 gg / red. I. I. Bok. SPb.: b. i., 1900. VIII, 324, XX s. (Zapiski Imperatorskago Russkago geograficheskago obshhestva po otdeleniyu statistiki. T. VIII. Vyp. II).
31. Rutherford D. Routledge Dictionary of Economics. London; New York: Routledge, 2005. VII, 490 p.

Информация об авторе

Ярослав Александрович Барбенко, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, e-mail: prohist@ya.ru

Information about the author

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: prohist@ya.ru

Поступила в редакцию
(Received) 19.01.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 03.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 16.05.2022

Сергей Полевой и его вклад в китаеведение (первая половина XX века)

Лян Ин

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, 1074821681@qq.com

Аннотация. Статья посвящена китаеведу Сергею Александровичу Полевому (1886, Украина – 1971, США), получившему известность благодаря научной, педагогической и общественной деятельности в Китае. Первый научный труд Полевого, подготовленный в качестве выпускной работы в Восточном институте (Владивосток), был посвящен периодической печати в Китае, что позволило будущему китаеведу познакомиться с прогрессивными китайскими деятелями. Связи с ними вывели Полевого в число участников важных политических событий в Китае. Статья основана на материалах из архива семьи Полевых и других частных зарубежных собраний.

Ключевые слова: С.А. Полевой, китаеведение, русская книга в Китае, русские в Пекине, русские в США, центр-библиотека семьи Полевых

Для цитирования: Лян Ин. Сергей Полевой и его вклад в китаеведение (первая половина XX века) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 99–106. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/99-106>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/99-106>

Sergei Polevoy and book business in Beijing (first half of the XXth century)

Lyan In

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, 1074821681@qq.com

Abstract. The article is dedicated to the Sinologist Sergei Alexandrovich Polevoy (1886, Ukraine – 1971, USA), who became famous for his scientific, pedagogical and social activities in China. Living in China since 1917, Polevoy added rare Mongolian and Manchu editions and manuscripts to it. A professor at Nankai (from 1918, Tianjin) and then Peking (from 1921) universities, Polevoy not only taught students the Russian language. The first scientific work of Polevoy, prepared as a graduation paper at the Oriental Institute (Vladivostok), was devoted to periodicals in China, which allowed the future Sinologist to get acquainted with progressive Chinese figures. The article is based on materials from the archive of the Polevoy family and other private foreign collections.

Key words: S.A. Polevoy, Sinology, Russian books in China, Russians in Beijing, Russians in the USA, Polevoy family center-library

For citation: Lyan In. Sergei Polevoy and book business in Beijing (first half of the XXth century) // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 99–106. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/99-106>

Историография. Несмотря на выдающиеся заслуги востоковеда и библиофила Сергея Александровича Полевого, внесшего большой вклад в китаеведение и сближение России с Китаем, о нем известно немного. Лишь в некоторых изданиях встречаются упоминания о его трудах [6, с. 663; 9, с. 320; 7]. На сайте Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых (Иркутск) опубликован краткий биографический очерк. Иркутские специалисты регулярно делают обзоры книжного собрания Полевых [3, с. 145–147].

Автор благодарит покойного Л.С. Полевого за многочисленные интервью и возможность использовать материалы из личного архива семьи Полевых (Солт-Лейк-Сити, штат Юта, США). Леонид Сергеевич Полевой передал часть востоковедческого собрания своего отца в архив Восточного института Дальневосточного государственного технического университета (Владивосток), ныне Дальневосточный федеральный университет (**Коллекция С.А. Полевого**).

Происхождение и учеба. Сергей Полевой родился 21 августа (2 сентября) 1886 г. в украинском городе Пиригине. Среди его родных (Николай Алексеевич и Ксенофонт Алексеевич Полевые, Екатерина Алексеевна Авдеева и др.) были известные литературные и театральные критики, писатели и журналисты. Возможно, именно с этим обстоятельством связана особая любовь С.А. Полевого и к книгам, и к своей родословной. Полевой всегда бережно относился к своим корням и старался везде искать материалы по истории своей семьи, связь ее с А.С. Пушкиным, произведения знаменитых родственников.

Детство Полевого было трудным – он рано остался сиротой и его воспитывали московские родственники. Во время учебы в гимназии он занимался репетиторством. Особенно хорошо ему удавались занятия иностранными языками. Природные способности и упорство дали свои результаты: 22 февраля 1905 г. Сергей Полевой окончил с отличием гимназию и уехал в далекий Вла-

дивосток, чтобы поступить в Восточный институт. Возможно, это решение было связано с детской мечтой попасть в Китай, о котором Полевой впервые узнал из сказки Андерсена. "А соловей продолжал все время петь о роскоши Китая, о храбрых юношах, о красивейших принцесс и девиц, о замечательных садах, и великих городах с их огромными неприступными стенами и крепостями, – писал в воспоминаниях об отце сын Полевого. – Прочитав эту замечательную экзотическую сказку, Сергей понял, что он больше ничего в жизни не хотел, как поехать в этот волшебный край, в эту сказочную страну – КИТАЙ! С этих пор поехать туда и жить там стало его единственной мечтой" (Воспоминания Л.С. Полевого (для Лю Нин). 14 января 1990 г. Л. 3). Существует и другая причина выбора Восточного института: офицерские курсы переводчиков, работавшие при нем, окончил старший брат Полевого Николай, служивший в армии.

Сергей Полевой окончил институт с дипломом первой степени. Для дипломной работы он выбрал очень трудную тему: составление указателя периодической печати Китая. Этому проекту, получившему отличную оценку и вскоре опубликованному [4], он посвятил два года напряженной работы. В октябре 1913 г. Полевой поступил на восточный факультет Петербургского университета для получения магистерской степени. Профессора альма матер поддержали талантливому выпускнику и выделили ему средства на продолжение учебы (ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 855. Л. 20)¹.

Успешно защитив в 1915 г. магистерскую диссертацию, Полевой был призван в армию: шла Первая мировая война. Его отправили учиться в Петроградское юнкерское училище, но вскоре отчислили по болезни – врачи признали больное сердце, и он устроился в цензурный комитет. Там его помощницей была болгарка из Бессарабии Вера Степановна Кочо, студентка Бестужевских курсов. Молодые люди сразу почувствовали симпатию друг к другу, и 3 сентября 1917 г. Сергей повел девушку под венец. Их брак оказался очень счастливым.

Полевой не оставлял мысли продолжить занятие китаеведением, и этому помогла стипендия в три тысячи рублей от Министерства просвещения для поездки в Китай. В ноябре 1917 г. Полевые приехали в Тяньцзинь, где их застало известие о свержении Временного правительства. Деньги, полученные на командировку, были обесценены, но счастливый случай помог Сергею Полевому найти работу в только что открытом Нанькайском университете в Пекине. Он стал вести занятия по русскому языку и литературе, экономике и истории. О молодом русском преподавателе сразу заговорили. Многие китайские студенты хотели посещать его лекции, чтобы из первых рук получать новости о политических событиях в России [11, с. 19]. Вскоре у супругов родился первенец Леонид, а затем и дочь Тамара.

Преподавание и научная работа. Полевому нравилось преподавать, и он уделял много времени подготовке учебных материалов и разработке новых методов обучения. В это время он составил несколько учебных пособий, в частности, "Новый Путь. Учебник русского разговорного языка для китайцев". Чтобы студенты могли лучше усвоить русский язык, а заодно и познакомиться с русской литературой, Сергей Александрович ставил с ними русские пьесы. На университетской сцене с успехом прошли постановки пьес А. Чехова, М. Горького, С. Третьякова. Костюмы для китайских артистов шила жена профессора. Интересно, что участники этих спектаклей в будущем стали известными писателями, профессорами и переводчиками.

Идеалист по натуре, Полевой смог познакомиться с Советским Союзом и будущих деятелей Китайской народной республики. Все они называли Полевого "верным другом китайского народа". Имя профессора было очень популярным, и на его лекции записывались студенты разных факультетов. Среди тех, кто посещал его занятия, был и Мао Цзедун. Имеются свидетельства того, что Сергей Александрович оказал большую помощь в становлении коммунистической партии Китая [10, с. 56; 11, с. 19–20; 12].

Понимая, насколько устарели словари, составленные еще миссионерами Русской православной миссии и переводчиками Российского посольства, Полевой решил их дополнить новыми материалами. Тем более, что в это время появилось множество новой лексики, особенно в политической и юридиче-

¹ ГАПК – Государственный архив Приморского края.

ской областях. Всё свободное время, включая ночные часы, Сергей Александрович работал над составлением русско-китайского словаря. Он подключил к работе и китайских друзей, стараясь использовать любую возможность, чтобы достать новую литературу. Первый этап работы был окончен в 1927 г. В предисловии к книге Полевой отмечал: "Составитель настоящего словаря, единолично выполнивший взятую на себя задачу, естественно принимает на себя ответственность за все ошибки, упущения и недочеты, имеющиеся в словаре, и будет признателен за компетентные указания на замеченные в словаре ошибки, упущения и недостатки, кои могут быть исправлены в последующем издании словаря" [5, с. 2].

Продолжая собирать материалы к словарю, в конце того же года Полевой издал "Китайский указатель к словарю юридических, дипломатических, политических, экономических, философских и других научных терминов". Через несколько лет он дополнил работу новейшей общественно-политической и научно-технической терминологией и сокращениями. "Большой русско-китайский словарь" был готов в июле 1937 г., но изданию его помешала японская оккупация. Позднее Сергей Александрович использовал эту рукопись для работы в Америке. Помимо составления словаря Полевого интересовала лингвистика, в частности маньчжурский язык. Был он увлечен и фольклором: в 1935 г. он перевел с русского на китайский язык и издал "Монгольские народные сказки". Это книга разошлась очень быстро. С большим энтузиазмом собирал Полевой китайские поговорки и пословицы, рукопись о которых не успел издать.

Личная библиотека, книжный магазин Полевых и обмен литературой.

Библиофил с юности, Полевой привез с собой в Китай прекрасную библиотеку с книгами на русском, английском, китайском, японском, французском, немецком и итальянском языках. Помимо большого количества книг по востоковедению и языкознанию в этом собрании были и классические сочинения. В Китае библиотека продолжала пополняться: Полевой не только собирал книги на разных языках, но и искал редкие монгольские и маньчжурские издания и рукописи. Профессора часто видели на китайских блошиных рынках, о которых его сын вспоминал так: "Там были ряды книжных магазинов, где продавались подержанные книги, журналы на китайском, английском, французском, немецком, русском и других языках. Папа здесь покупал не только книги на этих языках, но также приобрел редкие монгольские и маньчжурские книги и рукописи. Там были стенды, где продавались америк., русск., франц., немец. и китайские подержанные журналы. Рынок этот назывался "Дунан Ши Чан" (Воспоминания Л.С. Полевого (для Лю Нин). 14 января 1990 г. Л. 6).

Среди книжных развалов китайских рынков нередко попадались старинные русские книги, привезенные в Китай русскими беженцами. Спасаясь от Гражданской войны в северо-восточных районах Китая, ближайших к российской границе, они часто брали с собой семейные ценности – иконы, старинные издания, фотоальбомы. Для большинства вынужденный отъезд с родины растянулся на многие годы, что заставило думать о поисках средств к существованию и продаже более или менее ценного имущества [7, с. 309 – 312].

Сохранился каталог книжного собрания С.А. Полевого (RNEC UH S.A. Polevoi's Library Catalog. Cases # 1–25. 68 p.)², в котором за основу взяты научные направления. Издания распределялись по именному принципу, названию, месту и году издания. В первом – третьем шкафах размещались книги по востоковедению, изданные в Китае, в Японии, в Англии, США и Европе от середины XIX в. до 1919 г. в основном на английском, немецком, французском и китайском языках. В четвертом шкафу находилась востоковедческая литература, напечатанная после 1920 г. на английском языке. В пятом имелась литература на французском и частично английском языках (после 1920 г.), в шестом – по лингвистике на иностранных языках до 1919 г. Седьмой и восьмой шкафы предназначались для словарей: в одном стояли иностранные словари по 1919 г., в другом – словари и энциклопедии на различных языках,

² RNEC – Russian Northeast collection. University of Hawaii

изданные после 1920 г. Девятый шкаф был отдан художественной литературе на английском и французском языках: издания до 1920 г. и после него были разделены. В 10-м, 11-м, 12-м и частично в 13-м шкафах были периодические издания. В 13-м шкафу расположились журналы на русском языке, изданные в Харбине, Москве и Ленинграде. 14-й и 15-й шкафы предназначались для научных изданий (напечатанных ранее 1920 г. и после него). В 16-м шкафу находилась русская художественная литература, издания до 1920 г. и после. Для работы Полевого был особенно важен 17-й шкаф с различными русско-иностранными словарями, а особо ценными – 18-й и 19-й шкафы с антикварными изданиями по востоковедению и другой уникальной литературой, напечатанной на русском языке в Харбине, Пекине и Владивостоке. Издания на русском языке по философии и психологии были в 20-м шкафу. Еще пять шкафов (21–5-й) занимали китайские и японские энциклопедии и справочники. Всего в каталоге отмечено 2355 названия.

В начале тридцатых годов оплата преподавателей сильно снизилась – профессора получали 15–25 % от обычного жалования, пришлось искать дополнительные заработки. По этой причине Полевые открыли на дому курсы русского языка, а в начале 1933 г. любовь к книге подтолкнула супругов открыть в своем доме книжный магазин. Полевой установил постоянные контакты с "Международной книгой" в Москве, получая последние книжные новинки и стал представителем советских книготорговых организаций.

Известный деятель эмиграции И.И. Серебренников писал в дневнике: "23 мая 1936. Утром мы с Аммендэ съездили на рикшах к проф[ессору] Полевому, смотрели у него советскую литературу, которую он держит для продажи. Литературы этой оказалось маловато. Я для себя не нашел ничего интересно. Аммендэ же купил целых три книги; из них одна была "Советы в Китае" (перевод с немецкого), другая – сказки азербайджанских татар; третья – собрание работ этнографа Штернберга "Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны". Последнюю как очень интересную я увез домой для просмотра" (**НИЛА. Serebrennikov's collection. Box. 1**)³.

Книжный магазин быстро стал популярным: китайские студенты приходили за учебниками и русской классикой, а китайская интеллигенция охотно покупала новую литературу. Скоро магазин Полевого стал своеобразным клубом, где встречались любители книг, чтобы обсудить книжные новинки. Зная об обширных связях профессора Полевого с интеллигенцией и деятелями нового Китая, с ним старались встретиться многие известные ученые, приезжавшие в Китай. Он оказывал помощь огромному числу зарубежных востоковедов и путешественников.

Полевой был тесно связан директором библиотеки Пекинского университета [10, с. 55], Ли Дачжао (1889–1927), одним из основателей компартии Китая, и регулярно снабжал русской литературой Пекинскую национальную библиотеку [2, с. 117]. По мере сил он старался помочь и коллегам из Советской России. В частности, не прерывались его связи с академиком В.М. Алексеевым. "По поручению Полпредства в Пекине, – писал Полевой 7 февраля 1934 г., – я собрал для Вас библиографические данные о Ленине на кит. яз. К сожалению, Ваше письмо запоздало, и собранный мною материал вряд ли успеет к выпуску сборника академии с Вашей статьей, но я надеюсь, что Вы сможете использовать этот материал для статьи в каком-либо сборнике [...] Переводы произведений Ленина, указанные в собранной мною библиографии, в большинстве случаев далеки от совершенства (а зачастую и от оригинала). Среди них имеются переводы, сделанные троцкистами, умышленно искажающие содержание оригинала, и переводы, сделанные с японского яз., носящие на себе следы яп. влияния в отношении стиля, японизмов и подчас абсолютно непонятные для любого кит. читателя" (**ПФА РАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 642. Л. 1**)⁴.

Магазин пришлось закрыть после оккупации японцами Северного Китая.

³ НИЛА - Hoover Institution Library and Archives.

⁴ ПФА РАН - Петербургский филиал архива Российской академии наук.

Вынужденный отъезд из Китая в США. С началом оккупации положение Полевых приблизилось к катастрофическому. Имея нансеновский паспорт, супруги были совершенно беззащитны перед произволом японских и китайских чиновников. Сергей Александрович предчувствовал скорый арест, т.к. японские оккупационные власти производили повальные аресты всех инакомыслящих. В ночь на 17 декабря 1937 г. пришли и за Полевыми. Через некоторое время Веру Степановну выпустили из женской тюрьмы, а Сергей Александрович провел в заключении 17 месяцев. Это было самое тяжелое время, когда жизнь Китаеведа висела на волоске. "Его часто пытали, – писал Леонид Полевой, – обливали голого холодной водой на морозе, били, проводили электрическим током на шее, на руках и на ногах, заставляли "висеть в воздухе" некоторое время и грозили расстрелом несколько раз" (**Собр. А.А. Хисамутдинова (Владивосток). Письмо Л.С. Полевого от 28 авг. 2004 (Солт-Лейк-Сити).** Больше телесных пыток страдания Полевому доставляла мысль о конфискации книг и рукописей, ведь в этом собрании были настоящие раритеты. Чтобы вывезти их потребовался целый грузовик.

Большую помощь в освобождении профессора Полевого сыграл доктор Джон Кальвин Фергюсен (John Calvin Ferguson, 1866–1945), американский исследователь китайского искусства, коллекционер и закушник американских художественных музеев, а также советник правительства Китая. От советских дипломатов семья помощи не дождалась: "Он не советский подданный!". После освобождения встал вопрос о депортации из Китая.

После долгих хлопот Полевые смогли уехать в Америку, куда их пригласил известный востоковед С.Г. Елисеев. (Elisseeff) (1889–1975, Париж). Полевой хорошо знал его еще по Петроградскому университету, а летом 1936 г. вновь встретился с ним в Пекине.

Став сотрудником Гарвардского университета, Полевой занимался составлением англо-китайского словаря. Елисеев и американские коллеги были довольны его работой, но нашлись и те, кто считал, что Елисеев, русский по происхождению, взял на работу другого русского. Интриги особенно вспыхнули, когда фотография Полевого появилось 6 мая 1939 г. в популярном журнале "Лайф". Зависть и сплетни хорошо произрастали на почве яркого антикоммунизма. В Америке все связанное с Россией принималось не только с недоверием, но и откровенной враждой. За Полевым тянулся хвост подозрений, который возбуждали некоторые приехавшие в Америку китайцы. Они вспоминали о просоветских взглядах профессора и даже обвиняли его в шпионаже в пользу СССР. Елисеев нашел довольно необычный способ отвадить завистников: почти все время работы Полевого в университете ему не поднимали заработную плату, а потому желающих занять это место не находилось.

К Полевому приезжали и русские востоковеды, например, Петр Алексеевич Будберг (Woodberg, Peter Alexis) (1903–72, Alameda, Калифорния). После окончания Харбинского реального училища он в 1920–22 гг. учился на восточном факультете (бывший Восточный институт) Государственного Дальневосточного университета, а затем продолжил обучение в Калифорнийском университете в Беркли, где затем стал профессором. Будберга очень интересовал словарь Полевого, и он не раз приезжал к нему за консультациями. Встречались Полевые в Америке и с другими представителями русской интеллигенции: экономистом В. Леонтьевым, композитором С. Рахманиновым, социологом П. Сорокиным и др.

В США Полевой продолжил пополнять свою библиотеку, часть которой все же удалось вывезти из Китая [1]. Его часто можно было видеть у американских антикваров и в русских книжных магазинах (В.П. Камкин в Нью-Йорке и др.), где он выписывал книги из Советского Союза. После окончания Второй мировой войны возобновилась переписка с академиком Алексеевым, который стремился наладить связи с американскими востоковедами. "Несмотря на старость (мне уже 64 г.), я, все же хотел бы побывать в Америке, поучить и поучиться, наладить связи, м.б., это и удастся!" (**Собр. Л.С. Полевого (Солт-Лейк-Сити, штат Юта, США). Письмо В.М. Алексеева С.А. Полевому от 25 апр. 1945**) Алексеев рассказывал о новостях Китаеведения в СССР, отправлял литературу сыну Полевого, который собирался защищать диссертацию, посылал Полевому свои новые работы, а тот старался организовать на них отзыв в американских научных изданиях. Алексеева очень инте-

ресовала и работа Полевого по составлению словаря: "С нетерпением жду его выхода и усердно прошу не отказать мне в экземпляре его как составителю кит.-рус. словаря, кот[орый] тоже вчерне готов" (**Собр. Л.С. Полевого (Солт-Лейк-Сити, штат Юта, США). Письмо В.М. Алексеева С.А. Полевому от 25 апр. 1945).**

Полевой в свою очередь в письмах в СССР характеризовал уровень китаеведения в США, сообщал об американских ученых, посылал материалы для аспирантов и студентов Алексеева. Интересовался он и судьбой знакомых и коллег в России. Письма Полевого всегда приносили Алексееву "...свежиную и большое удовольствие: впитываю, как губка, каждую строку – и за все сие сердечно благодарю" (**Собр. Л.С. Полевого (Солт-Лейк-Сити, штат Юта, США). Письмо В.М. Алексеева С.А. Полевому от 22 февр. 1948).**

Вероятно, по причине того, что Елисеев собрался уйти на пенсию, "Большой англо-китайский словарь" Полевого так и не напечатали. Многолетний труд ученого на ниве китаеведения остался неоцененным коллегами. Елисеев покинул руководящую должность в 1956 г., но еще два года продолжал преподавать. Он писал Полевому из Кембриджа: "После войны потребовалось некоторое время, чтобы все вошло в норму, но чисто академический подход был невозможен. Решение насущных политических проблем требовало людей с практической подготовкой... Появились всякие Russian Center, Russian program, Far Eastern Research Committee и т.д. Опять нужно было идти на новые компромиссы, охраняя поскользку возможно нашу чисто университетскую западную традицию, которую большинство американцев не ценит, да и не понимает" (**Собр. Л.С. Полевого (Солт-Лейк-Сити, штат Юта, США). Письмо С.Г. Елисеева С.А. Полевому от 23 марта 1945).**

Заключение. Как и Елисеев, Полевой вышел на пенсию в 1956 г. Коллеги деятельно переписывались, обсуждая работы советских и зарубежных китаеведов. "Советские китаисты прекрасно работают, – писал Елисеев, – и стали писать более правильным русским языком, без архаизмов и неологизмов. В области японистики в Ленинграде и в Москве проделана серьезная работа, вышел целый ряд серьезных исследований, как в области языка, так и в области истории" (**Собр. Л.С. Полевого (Солт-Лейк-Сити, штат Юта, США). Письмо С.Г. Елисеева С.А. Полевому от 5 дек. 1959).**

Полевой с мужеством пережил смерть жены 13 ноября 1959 г., а сам скончался 16 сентября 1971 г. в Майями (штат Флорида). Сын Леонид Сергеевич Полевой много позднее отправил прах родителей в места, где они родились. Супруги Полевые воспитали сына в поклонении русской литературе (**Собр. А.А. Хисамутдинова (Владивосток). Интервью с Л.С. Полевым от 28 нояб. 1997 (Солт-Лейк-Сити, США).** Приехав в Америку чуть позже родителей, он учился в Кембридже (Массачусетс). Участвуя во Второй мировой войне (май 1942 – октябрь 1945 гг.), ефрейтор Л.С. Полевой отслужил честно своей новой родине. Вернувшись из армии, он окончил в июне 1948 г. с отличными оценками славянский факультет Гарвардского университета. Воспитанный на культуре семьи Полевых, он собирал материалы для диссертации "Николай Полевой и московский телеграф" (N.A. Polevoy and the Moscow telegraph) и защитил ее в июне 1948 г. Эту работу высоко оценил известный американский профессор Михаил Михайлович Карпович (1888–1959). Получив в марте 1950 г. магистерскую степень, Л. Полевой преподавал в американских учебных заведениях: университет Юта (сент. 1951 – июнь 1952), колледж Вест-Менстер (1959–61), Бригамянский университет (штат Юта) (сент. 1960 – июнь 1962), Мичиганский университет (сент. 1962 – апр. 1964).

Научная карьера Полевого-младшего не сложилась. Причиной можно считать формализм, расцветший в те годы в американской славистике, а также левые взгляды Леонида Сергеевича, следовавшего заветам своего отца. Несмотря на холодную войну и ненависть ко всему советскому, под которым часто безо всяких причин понимали русскую культуру в целом, он был многолетним деятелем Общества Американско-советской дружбы. Леонид Сергеевич писал: "Хотя я всегда был верен Америке и был лояльным гражданином, у меня всю жизнь было огромное тяготение к России, русскому духу, русскому народу. По этим причинам, на меня были разные гонения русофобов. Я выписывал и покупал, так же, как и мой отец, много журналов, газет, и к тому же унаследовав много книг из отцовской библиотеки. Всегда я гордился русски-

ми корнями, и с гордостью защищал мое русское наследие" (**Собр. А.А. Хисамутдинова (Владивосток). Полевой Л.С. "Воспоминания О Николае Алексеевиче Полевом и других Полевых": Рукоп. Л. 24).**

По просьбе владивостокских китаеведов он передал им рукопись англо-китайского словаря и другие материалы отца по востоковедению. Книжное собрание, подаренное Л.С. Полевым Иркутску, послужило основой Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых.

Литература

1. Восточная коллекция: Аннотированный указатель литературы о Востоке из библиотеки Полевых / сост. А. В. Швецова. Иркутск : МУК "Гуманитарный центр-библиотека имени семьи Полевых", 2007. 36 с.
2. Мировицкая Р. Не публиковавшиеся ранее документы из Архива МИД РФ по истории российско-китайских культурных связей // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 115–120.
3. Педранова, Л.В. Архив семьи Полевых в фонде Гуманитарного центра-библиотеки имени семьи Полевых // Сибирский архив : Архивные документы, публикации, факты, комментарии : Научно-популярный историко-краеведческий сборник. Иркутск, 2008. Вып. 4. С. 145–147.
4. Полевой С.А. Периодическая печать в Китае. Владивосток: Изд. Вост. ин-та, 1913. XI, 191 с., 19 ил.
5. Полевой С.А. Русско-китайский словарь юридических, дипломатических, политических, философских и др. научных терминов. Пекин, 1927. 275 с.
6. Скачков П.Е. Библиография Китая / АН СССР. Ин-т народов Азии. 2-е изд. Москва: Изд-во вост. лит., 1960. Алфав. указ.: с. 663 (6 назв.)
7. Хисамутдинов, Амир Александрович. "Верный друг китайского народа": Сергей Полевой // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 149 – 158.
8. Хисамутдинова Н.В. Из Владивостока – в эмиграцию: судьбы дальневосточных профессоров // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–6 (62). С. 309–312.
9. Spence Jonathon D. The Search for Modern China. New York; London: W.W. Norton & Co., 1990. 4567 p. (Engl.)
10. 散木. 柏烈伟 : 一个曾参与过中共建党活动的俄国人 [J]. 党史博览. 2009年第10期. 55–56. (Сань Му. С.А. Полевой: русский, принимавший участие в деятельности по созданию Коммунистической партии Китая // Общий обзор Коммунистической партии Китая. 2009 № 10. С. 55–56.)
11. 刘建一, 李丹阳. 为吴廷康小组来华建党铺路的俄侨[J]. 北京党史. 2011年第6期. 19–26. (Лю Цзяньи, Ли Даньян. Русские, которые проложили путь группе Г.Н. Войтинского к созданию Компартии Китая // История партии в Пекине. 2011. № 6. С. 19–26.)
12. 肖蛙. 俄共党员柏烈伟在中共建党时的一些活动[J]. 北京党史. 2002年第1期. 25–27. (Сяо Шэнь. Некоторые виды деятельности С.А. Полевого в течение основания Компартии Китая. История партии Пекина. 2002. № 1. С. 25–27.)

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vostochnaya kolleksiya: Annotirovannyj ukazatel' literatury o Vostoke iz biblioteki Polevykh / sost. A. V. SHvetsova. Irkutsk : MUK "Gumanitarnyj tsentr-biblioteka imeni sem'i Polevykh", 2007. 36 s.
2. Mirovitskaya R. Ne publikovavshiesya ranee dokumenty iz Arkhiva MID RF po istorii rossijsko-kitajskikh kul'turnykh svyazej // Problemy Dal'nego Vostoka. 2006. № 6. S. 115–120.
3. Pedranova, L.V. Arkhiv sem'i Polevykh v fonde Gumanitarnogo tsentra-biblioteki imeni sem'i Polevykh // Sibirskij arkhiv : Arkhivnye dokumenty, publikatsii, fakty, kommentarii : Nauchno-populyarnyj istoriko-kraevedcheskij sbornik. Irkutsk, 2008. Vyp. 4. S. 145–147.
4. Polevoj S.A. Periodicheskaya pechat' v Kitae. Vladivostok: Izd. Vost. in-ta, 1913. XI, 191 s., 19 il.
5. Polevoj S.A. Russko-kitajskij slovar' yuridicheskikh, diplomaticheskikh, politicheskikh, filosofskikh i dr. nauchnykh terminov. Pekin, 1927. 275 s.
6. Skachkov P.E. Bibliografiya Kitaya / AN SSSR. In-t narodov Azii. 2-e izd. Moskva: Izd-vo vost. lit., 1960. Alfav. ukaz.: s. 663 (6 nazv.)
7. KHisamutdinov, Amir Aleksandrovich. "Vernyj drug kitajskogo naroda": Sergej Polevoj // Problemy Dal'nego Vostoka. 2006. № 1. S. 149 – 158.
8. KHisamutdinova N.V. Iz Vladivostoka – v eh migratsiyu: sud'by dal'nevostochnykh professorov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2–6 (62). S. 309–312.
9. Spence Jonathon D. The Search for Modern China. New York; London: W.W. Norton & Co., 1990. 4567 p. (Engl.)
10. 散木. 柏烈伟 : 一个曾参与过中共建党活动的俄国人 [J]. 党史博览. 2009年第10期. 55–56. (San' Mu. S.A. Polevoj: russkij, primimavshij uchastie v deyatelnosti po sozdaniyu Kommunisticheskoy partii Kitaya // Obshhij obzor Kommunisticheskoy partii Kitaya. 2009 № 10. S. 55–56.)

11. 刘建一, 李丹阳. 为吴廷康小组来华建党铺路的俄侨[J]. 北京党史. 2011年第6期. 19–26. (Lyu TSzyan'i, Li Dan'yan. Russkie, kotorye prolozhili put' gruppe G.N. Vojtinskogo k sozdaniyu Kompartii Kitaya // Istoriya partii v Pekine. 2011. № 6. S. 19–26.)
12. 肖甦. 俄共党员柏烈伟在中共建党时的一些活动[J]. 北京党史. 2002年第1期. 25–27. (Syao SHehn. Nekotorye vidy deyatel'nosti S.A. Polevogo v techenie osnovaniya Kompartii Kitaya. Istoriya partii Pekina. 2002. № 1. S. 25–27.).

Информация об авторах

Лян Ин, аспирант департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: 1074821681@qq.com

Information about the authors

Liang Ying, Postgraduate Student, Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: 1074821681@qq.com

Поступила в редакцию
(Received) 19.04.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 08.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 16.05.2022

История формирования вьетнамской диаспоры США в 60-80-е гг. XX в.: проблемы адаптации и интеграции вьетнамских беженцев

Евгений Викторович Журбей

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
филиал Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г Находке. Находка, Россия,
cpr2001@rambler.ru

Аннотация. В статье дается анализ проблем адаптации и интеграции вьетнамских иммигрантов в американское общество. Миграционные процессы всегда являлись одним из наиболее значимых факторов формирования американской нации, поэтому проблемы интеграции зарубежных иммигрантов в американское общество на протяжении многих лет занимают одно из главных мест в общественно-политической жизни страны. Вьетнамская иммиграция в США укрепляет диаспоральную модель уклада жизни, а Соединённые Штаты по-прежнему остаются единственной высокоразвитой страной мира, в которой население продолжает расти высокими темпами, в том числе за счёт притока всё новых и новых иммигрантов. Исследование констатирует, что вьетнамская диаспора прошла трудный путь от дискриминируемой этнической группы беженцев до полноправных и успешных в социально-экономическом отношении американских граждан.

Ключевые слова: *аккультурация, ассимиляция, беженцы, вьетнамцы, иммиграционная политика, иммиграционное законодательство, сегрегация, США, Вьетнам*

Для цитирования: Журбей Е. В. История формирования вьетнамской диаспоры США в 60-80-е гг. XX в.: проблемы адаптации и интеграции вьетнамских беженцев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 107–120. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/107-120>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/107-120>

The history of the formation of the Vietnamese diaspora in the United States in the 60-80s XX century: problems of adaptation and integration of Vietnamese refugees

Evgeniy V. Zhurbey

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
branch of the Vladivostok State University of Economics and Service in Nakhodka, Nakhodka, Russia,
cpr2001@rambler.ru

Abstract. This article provides an analysis of the problems of adaptation and integration of Hispanic immigrants in American society. Migration processes always have been one of the most meaningful factors of formation the American nation, that is why the problems of integration of foreign immigrants in American society has been playing one of the most important roles in country public affairs for many years. The Vietnamese immigration in the USA strengthens the expat community lifestyle and United States of America still continues to remain the only highly-developed country in the world where the rate of population keeps on to grow fast. The influx of new immigrants is one of the main reasons of such growth. The research shows that Vietnamese expat communities had to go through the difficult way from the discriminated ethnic group of the migrant workers to the fully legitimate and successful American citizens.

Key words: *acculturation, assimilation, refugees, Vietnamese, immigration policy, immigration law, segregation, USA, Vietnam*

For citation: Zhurbey E. V. The history of the formation of the Vietnamese diaspora in the United States in the 60-80s XX century: problems of adaptation and integration of Vietnamese refugees // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 107–120. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/107-120>

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что становление и развитие американского государства происходило под влиянием иммигрантов-переселенцев из различных государств. "США имеют огромный опыт приема мигрантов, на котором базируется вся государственная система. Соединенные Штаты по-прежнему остаются единственной высокоразвитой страной мира, в которой население продолжает расти высокими темпами в среднем на 2 млн. человек в год за счет естественного прироста и на 1 млн. вследствие иммиграции" [2, с. 8].

Сегодня США переживают четвертую иммиграционную волну, что остро ставит вопрос об успешной интеграции мигрантов в социально-экономическое и политическое пространство США. Тема азиатских диаспор в США существует на стыке интересов различных научных дисциплин, тесно связана с целым комплексом проблем. Междисциплинарный характер в значительной мере обусловил специфику научных публикаций. В исследованиях в рамках данной тематики азиатское меньшинство США редко рассматривается комплексно, как особая часть мультикультурной североамериканской цивилизации, в то время как акцент делается на отдельные элементы (культурные, поли-

тические, экономические, социальные, правовые). В этой связи исследование проблемы адаптации и интеграции как комплексного явления находится в процессе развития и является актуальным.

Теоретической основой исследования является теория аккультурации. Изначально мы исходили из того факта, что современное американское общество является культурно плюралистическим обществом с большим количеством иммигрантов и этнических групп, которые существуют в повседневном взаимодействии с доминирующей группой и между собой. Существуют две базовые модели сосуществования различных групп в таком плюралистическом обществе, а именно: модель "плавильного котла" (существует основное общество, которое состоит из людей с общим менталитетом и языком, а все остальные, кто не вписываются в него, живут на задворках данного общества), а вторая – это мультинациональная модель (есть общественное пространство с общими законами и институтами, в котором существуют люди разных менталитетов и языков, и все эти культурные сообщества равны). Основываясь на работах канадского кросс-культурного психолога Джона Берри, мы исходим из того, что процесс интеграции в новую культуру связан с двумя главными проблемами для вьетнамского иммигранта: поддержание своей культуры (сохранение в той или иной степени культурной идентичности) и участие в межкультурных контактах [1; 5–7]. В зависимости от их соотношения Дж. Берри выделил четыре стратегии аккультурации¹: ассимиляцию², сепарацию³, маргинализацию⁴, интеграцию⁵. Эти стратегии отвечают на вопрос, как происходит процесс аккультурации.

Первоначально успешной стратегией аккультурации было принято считать ассимиляцию с культурой доминантной группы, т.е. приобретение индивидами или этнической группой характерных черт большого этноса и растворение в нем [26, p. 37]. Как правило, доминирующая группа так или иначе ограничивает выбор стратегий и чаще выстраивает рамки, приводящие либо к ассимиляции (идея "плавильного котла" культуры), либо к сепарации или, в случае дискриминационных действий, – к сегрегации ("давящий пресс"). Наименее редко встречаемый вариант – маргинализация, возникающая в результате попыток сочетать насильственную ассимиляцию с насильственной сегрегацией. Однако в настоящее время целевым ориентиром аккультурации принято считать интеграцию, т.е. стратегию взаимного приспособления (стратегия мультикультурализма), что приводит к становлению бикультурной или мультикультурной личности. Это возможно только в случае взаимного принятия ценностей и установок друг друга доминантной и интегрирующейся группой (культурой).

Таким образом, исходя из обзора рассматриваемой проблематики, можно говорить, что выбор той или иной стратегии аккультурации, как правило, осуществляется под воздействием доминирующей (принимающей) культур-

¹ Аккультурационная стратегия – параллельное использование разных стратегий адаптации – это пути, которыми индивид ищет способ аккультурации.

² Ассимиляция – отказ от своих традиций и культурной идентичности и переход в более крупное сообщество. Это может происходить путем абсорбции недоминирующей группы в устоявшуюся доминирующую группу или путем соединения многих групп с целью создания нового общества, что называется "вариться в одном котле".

³ Сепарация - полное отрицание другой культуры при сохранении идентификации со своей. В данном варианте, как правило, наблюдается некоторая степень изоляции от доминантной культуры. В случае навязывания стратегии изоляции доминантной группой речь идет о сегрегации

⁴ Маргинализация – потеря собственной культурной идентичности в сочетании с отсутствием идентификации с культурой доминантной группы. Возникает, как правило, при невозможности сохранения своей идентичности, а также при отсутствии интереса к получению новой (по причине сегрегации, дискриминации со стороны доминантной культуры)

⁵ Интеграция - сохранение некоторой культурной целостности группы (то есть реакция на перемены или некоторое сопротивление переменам), так и стремление стать неотъемлемой частью большого сообщества (то есть некоторое стремление стать неотъемлемой частью большого сообщества (то есть некоторое приспособление). Поэтому в случае интеграции выбор падает на сохранение культурной идентичности и присоединение к доминирующему обществу.

ной группы. В данном контексте мультикультурализм отражает ожидания доминирующей этнической группы выбора иммигрантами стратегии интеграции в новое культурное пространство, а "плавильный котел" – полную ассимиляцию иммигрантов.

Азиаты начали иммигрировать в США во второй половине XIX века, когда первые китайцы прибыли в Калифорнию, чтобы работать на шахтах и строительстве железных дорог. Тем не менее американское население азиатского происхождения росло достаточно медленно до 1960-х годов, так как правительство США посредством рестрикционного законодательства всячески препятствовало азиатской иммиграции. Ситуация изменилась с принятием в 1965 году нового Закона "Об иммиграции и гражданстве", который отменял иммиграционную политику, дискриминирующую мигрантов по признаку национального происхождения [32, p. 55]. Закон 1965 года сменил давнюю систему квот национального происхождения, которая благоприятствовала иммигрантам из Европы. Новый закон установил три критерия для иммиграции в США, а именно: наличие у иммигрантов профессиональных навыков, необходимых на рынке труда США, что соответствовало профессиональной иммиграции. Вторым критерием было наличие у иммигрантов близких родственных отношений с уже приехавшими в США, что соответствовало иммиграции по воссоединению семьи. Под третий критерий попадали беженцы по политическим и религиозным основаниям.

Вероятно, инициаторы закона не ожидали того, каким будут масштаб и демографические последствия иммиграционного потока после 1965 года. Число иммигрантов прибывших в США в период с 1965 г. по 2015 г. из Азии, суммарно составило около 59 млн. человек. Это превышает тех, кто прибыл в "большие волны" иммиграции, в которой доминировали европейцы, в XIX и XX вв. Между 1840 и 1889 годами в США прибыло 14,3 миллиона иммигрантов, а в период с 1890 по 1919 год прибыло еще 18,2 миллиона человек [20].

В результате изменения состава и быстрого роста новая иммиграция с 1965 года изменила расовый и этнический состав США очень существенно. В 1965 году 84% американцев были неиспаноязычными белыми. К 2015 году эта доля снизилась до 62%. Между тем испаноязычная доля населения США выросла с 4% в 1965 году (8 миллионов) до 18% (57 миллионов) в 2015 году. Доля азиатов также выросла с менее 1% (1,3 миллиона) в 1965 году до 6% (18 миллионов) в 2015 году [21]. Иммигранты и их потомки составляют наибольший рост испаноязычного населения (76%) и практически весь рост азиатского населения (98%) с 1965 по 2015 год. Анализ "Pew Research" показывает, что без иммиграции после 1965 года расовый и этнический состав страны сегодня был бы совсем другим: 75% белых, 14% чернокожих, 8% латиноамериканцев и менее 1% азиатов [21].

К 1985 году иммиграция из Европы упала до 18% от общего числа всех иммигрантов, приезжающих в США, а число азиатских иммигрантов показало положительную динамику. Азиатская иммиграция значительно увеличилась с 9% от общего количества иммигрантов в США в 1960 г. до 25% в 1970 г. и 44% в 1980 г. В 1980-х годах среди 10 ведущих стран, представляющих иммигрантов в США, были три азиатские страны: Китай, Индия и Вьетнам.

До 1975 г. численность проживающих на территории Соединенных Штатов Америки вьетнамцев была незначительной. В основном это были вьетнамские студенты, получившие гранты на обучение в Америке, а также военнослужащие вместе с семьями, которые приезжали в США с целью военной стажировки. По данным американской службы миграции, в период с 1950 по 1965 гг. на территории Соединенных Штатов проживало лишь около 650 человек, имеющих вьетнамское происхождение, а между 1960 г. и 1974 г., приблизительно 18000 вьетнамцев иммигрировали в США и большинство из них были женами американских военнослужащих, служивших в Южной Вьетнаме [33].

До 1965 г. наиболее распространенным пунктом назначения для вьетнамских мигрантов была Франция. Вьетнамцы работали на фабриках, колониальных выставках, в качестве домашней прислуги. Вьетнамские рабочие также в небольшом количестве распространились вокруг французских колоний в Северной и Западной Африке, Новой Каледонии. Немногие вьетнамцы, которые оказались в США в межвоенную эпоху, вероятно, планировали там

остаться. Чрезвычайная мобильность вьетнамских рабочих на французских пароходах была признаком их маргинального и нестабильного существования, так как для них не было ничего необычного в том, что они внезапно теряли работу во Франции. Часто их лучшим и единственным решением было взять на себя работу на одном из многих других многочисленных глобальных транспортных узлов мира. В межвоенные годы вьетнамские пароходы, которые курсировали между Сайгоном и Марселем, часто оказывались в таких местах, как Кейптаун, Буэнос-Айрес или Стамбул.

Неизбежно, некоторые из них оказывались в Соединенных Штатах. Однако многие достигавшие берегов США оставляли свидетельства того, что тем, у кого желтая кожа, не разрешали высадиться. Те, кто оказывался на берегу, отмечался в статистической информации США, если совершал какой-то административный проступок или уголовное преступление (например, за контрабанду опиума из Азии). Для большинства вьетнамских рабочих пребывание в США ограничивалось короткими остановками на рейдах или набережных крупных портов. Работа на пароходе почти наверняка была самым важным каналом для скромной миграции вьетнамской рабочей силы в США как в межвоенный период, так и в период до начала Первой Индокитайской войны.

Следующей важной вехой контактов вьетнамцев с США стала вьетнамо-американская война. 23 мая 1975 г. Дж. Форд подписал закон "О миграции и помощи беженцам в Индокитае", который позволял США оказывать помощь определенным видам мигрантам и беженцам [28]. Закон был ответом на падение Сайгона и окончание войны во Вьетнаме. В соответствии с этим законом примерно 130 тыс. беженцам из Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи было разрешено въехать в США с особым статусом. Беженцы из Вьетнама являются второй по величине этнической группой людей после кубинцев, когда-либо принятых США в качестве беженцев. Закон предусматривал выделение организационной и финансовой помощи беженцам.

Масштабная эвакуация вьетнамцев американским военно-транспортными самолетами началась 23 апреля 1975 г. из Сайгона. До 30 апреля 1975 г. от 10 до 15 тыс. вьетнамцев были эвакуированы самолетами на авиабазу Кларк на Филиппинах. Большинство из этих людей были военнослужащими и членами их семей [18, p. 7]. Десятки тысяч вьетнамцев эвакуировались, в первую очередь вывозя лодки в море и требуя, чтобы их забрал американский флот. Общее число эвакуированных вьетнамцев составило 128039 человек. Из них 125000 беженцы и 3039 иммигранты (См. Табл. 1) [15, p. 45]. Большинство из них были доставлены военно-морскими кораблями на Гуам для оформления их въезда в Соединенные Штаты, а оттуда на одну из четырех военных баз: Форт Чаффи в Арканзасе, Кэмп-Пендлтон в Калифорнии, Форт Индиантаун-Гэп в Пенсильвании и авиабазу Эглин во Флориде. Наиболее крупной перевалочной базой был Форт Чаффи в Арканзасе, через который прошло примерно 50 тыс. вьетнамских беженцев. "Первые лагеря помогли создать в следующие два десятилетия вьетнамские общины. Собрав вьетнамцев на американской земле, лагеря позволили им установить социальные связи и социальные сети" [35, p. 17].

18 апреля 1975 г. Дж. Форд создал Межведомственную рабочую группу по Индокитаю под руководством Джулии Тафт, чтобы контролировать расселение беженцев по стране. Госдепартамент подписал контракты с девятью национальными некоммерческими агентствами (так называемыми спонсорами), выплачивая им по 500 долларов (позже по 350 долларов) за каждого беженца для покрытия основных расходов в течение первых месяцев [27, p. 29]. В течение последующих нескольких месяцев эти 128 тыс. вьетнамцев были распределены по стране при мощи этих некоммерческих агентств [18, p. 7]. В целом как лагеря, так и спонсоры были плохо оснащены и не готовы к встрече с потребностями беженцев, особенно в услугах перевода на английский язык, помощи в поиске работы и заботе об их психологическом и физическом благополучии [22; 30].

Изначально планировалось более или менее пропорциональное распределение беженцев по стране, но на практике некоторые штаты, например, Калифорния, приняли непропорционально большее количество беженцев. Их размещение спонсорскими агентствами по всей территории США в регионах, где беженцы были изолированы от своих родственников и социальных сетей,

Таблица 1. Число вьетнамских беженцев и иммигрантов "первой волны" 1975–1977 гг.
Table 1. The number of Vietnamese refugees and "first wave" immigrants 1975–1977

Год	Беженцы	Иммигранты	Всего
1975	125000	3039	128039
1976	3200	4230	7430
1977	1900	4629	6529

Источник: [15, p. 45].

Source: [15, p. 45].

которые они создали в лагерях, усложняло их адаптацию [17]. Это решение расселить беженцев по США было основано на убеждении, что рассредоточение среди населения в целом поможет ассимиляции, а также уменьшит нагрузку на государство и местные сообщества, которые в противном случае приняли непропорционально большое количество беженцев. В своей книге о религиозном разнообразии иммигрантов США Пегги Левитт пишет: "Мы ожидали, что новички ассимилируются, станут частью нашего сообщества, разорвут свои связи с родиной", но история Вьетнама доказала, что вьетнамцы не ассимилируются, как видно из их ответа на тысячу лет китайского господства [19, p. 11]. Фактически эта история, показывает, что вьетнамцы по своей природе расположены к приоритету родства и родственных связей, дружбы и профессиональных связей, чтобы поддерживать друг друга как в жизни, так и на работе. В этой связи выбор американскими властями для вьетнамцев ассимиляционной стратегии на практике лишил беженцев возможностей и поддержки, которые имели место в этнических анкклавах для поддержки их адаптации и улучшения последующих результатов интеграции в американское общество. По этой причине многие беженцы покинули первоначально предназначенные им места жительства. Желание самостоятельно переехать к родным и близким создавало отличный стимул для беженцев отказаться от спонсорской помощи и поселиться в сообществах, которые бы удовлетворяли все эти потребности. К 1980 г. плотность населения вьетнамцев в некоторых штатах увеличилась более чем вдвое, и почти 75% беженцев проживали в четырех штатах и потребовалось бы переселение более 40% беженцев в соответствии с планами правительства по общему распределению по территории США [11].

Большое количество "вторичных миграций" привело к созданию этнических анклавов (гетто) с высокой концентрацией вьетнамских иммигрантов. В западных штатах начали возникать аналоги китайских чайнатаунов – "Маленькие Сайгоны" [18, p. 7]. Это сработало на пользу вьетнамским беженцам, поскольку они могли коллективно использовать свой человеческий, социальный и культурный капитал для создания бизнеса и профессиональных сетей, чтобы помочь с трудоустройством, и ресурсами, чтобы взаимодействовать с образовательными институтами, а также для создания сообществ, полных этнических сверстников для своих детей [18, p. 7]. Несколько тысяч беженцев были переселены в другие страны, особенно в Канаду, или избраны для возвращения во Вьетнам.

Большая часть прибывших в Соединенные Штаты из Вьетнама после падения Сайгона в 1975 году имели статус беженца, а другие были членами семей граждан США или долгое время проработавших на правительство, т.е. служащими. Вьетнамские беженцы покинули свою родину по разным причинам. В 1975 году большинство уехало из-за страха перед коммунизмом и своей судьбы при новом режиме: возможное заключение или даже казнь и ожидаемая потеря социального статуса и политической свободы. У тех, кто уезжал в более поздние годы, был другой набор причин. Этнические китайцы, например, уехали из-за расовой и экономической дискриминации; некоторых даже заставило или "попросило" уйти правительство, опасавшееся, что они станут пятой колонной для действий Китая против Вьетнама. Эти этнические китай-

цы включали тех, кто жил в Северном Вьетнаме в течение нескольких поколений, и тех, кто явно принадлежал к рабочему классу. Религиозные лидеры и их последователи (как католики, так и буддисты) ушли, чтобы избежать религиозной дискриминации и преследований. Некоторые уехали в панике, особенно в 1975 году; другие ушли, потому что жизнь стала для них тяжелой и невыносимой, и у их детей не было будущего. Для вьетнамских родителей стало обычным делом жертвовать всем, чтобы позволить своим детям сбежать из страны, что помогает объяснить, почему в конце 1970-х годов дети и молодые люди были такой значительной частью тех, кто спасался на лодке.

Помимо типичных трудностей, с которыми сталкиваются иммигранты, вьетнамские беженцы испытали уникальный стресс, связанный с поиском убежища и защиты после того, как им пришлось покинуть свою страну, раздираемую войной. Испытанный психологический стресс у многих беженцев осложнялся посттравматическими стрессовыми реакциями. Для людей, оставшихся на территории Южного Вьетнама, при новом режиме было уготовлено множество испытаний, которые выдержали по итогу далеко не все. Имели место быть репрессии, многочисленные гонения и травливание – жить становилось все сложнее, а значит численность вьетнамских беженцев возросла в разы еще и из-за этого. Несмотря на то, что желающих выбраться из страны становилось все больше и больше, перебраться через границу становилось все сложнее.

Обнаружившие отток граждан вьетнамские власти ужесточили охрану на внешних границах государства, и после этого выбраться из страны оказалось для беженцев практически невозможной задачей. В числе успевших выбраться за пределы переживающей тяжелый период страны оказались люди, принадлежавшие к высшим слоям общества. Для простых же людей, вынужденных уехать из страны и не выдерживающих социального давления, дорога за границу была закрыта.

Американцы вьетнамского происхождения выросли в условиях военного времени, и многие из них принесли воспоминания о взрывах, убийствах, потери семьи и близких с собой в США, где практически сразу столкнулись с проблемами культурного конфликта, культурного шока и выбора стратегий аккультурации, которые в чем-то похожи на стратегии адаптации и интеграции в инокультурное общество других иммигрантов, но вьетнамцам также приходилось справляться с проблемами, с которыми не сталкивалась ни одна другая группа.

Большинство вьетнамских беженцев были молодыми людьми, около 50% в возрасте до 18 лет. Значительное количество беженцев прибывало семейными группами по пять и более лиц, что составило примерно 62% всех иммигрантов того периода. Несмотря на то, что только 10% жителей Вьетнама исповедовало католицизм, почти 50% всех вьетнамских иммигрантов в США составили именно католики и только 25% буддисты. Две трети беженцев были горожанами, в основном из относительно обеспеченных семей. Многие входили в образовательную элиту и по меркам Вьетнама имели относительно высокий социально-экономический статус на своей родине.

Эти фоновые характеристики, по-видимому, могли позитивно влиять на способность адаптации вьетнамских беженцев к американскому обществу. Знакомство с западной культурой еще на родине, хотя и ограниченно, придавало вьетнамцам особый вид опережающей социализации в принимающем обществе, в нашем случае американском. Таким образом, когда вьетнамцы покидали родину, у них было явное преимущество, в сравнении с китайскими и японскими иммигрантами, не имевших этой степени контакта с американской культурой. Как правило, те, кто уехал в "первой волне" из Вьетнама, относительно хорошо были образованы и, как правило, пользовались "привилегиями" среднего класса. Например, около 25% беженцев, прибывших в США в 1975 г., имели степень бакалавра или выше, в то время как почти 40% закончили среднюю школу; для сравнения: только 16% в целом населения Вьетнама имело аттестат о среднем образовании, и лишь 1% закончили колледж [18, p. 9]. Во многих случаях один из членов семьи беженцев знал или работал с американцами во Вьетнаме. Данный опыт прошлых взаимоотношений ставил ранних иммигрантов из Вьетнама в более выгодное положение, чем иммигрантов последующих волн.

Покинув родину, вьетнамцы прибывали во временные иммиграционные лагеря. Проживание в этих иммиграционных лагерях, с одной стороны, ограничивало контакты вьетнамских иммигрантов с американским обществом, страной, но, с другой стороны, этот относительно короткий период пребывания (как правило, несколько месяцев) обеспечивал переходный период для вьетнамцев, которого не было у ранее пребывавших азиатских иммигрантов (например, китайцев и японцев). Американское правительство предлагало им образовательные программы, которые обеспечивали обучение английскому языку и знакомили иммигрантов с американской культурой посредством кино, телевидения.

После иммиграционных временных лагерей вьетнамцы "первой волны" могли рассчитывать на государственную поддержку. Гарантированная помощь в съеме жилья и трудоустройстве и другие формы помощи служили облегчению их адаптации в американском обществе. С 1975 по 1978 гг. США потратили примерно 1 млрд. долларов на реализацию мероприятий по приему и адаптации вьетнамским беженцев [18, p. 9].

Еще одним положительным фактором более успешной адаптации вьетнамских беженцев первой волны был тот факт, что вьетнамцам не пришлось столкнуться с враждебностью и дискриминацией, с которыми столкнулись более "ранние" азиатские группы (например, китайцы и японцы). Некоторая враждебность на бытовом уровне встречалась, но факт широкого частного спонсорства со стороны простых американцев, свидетельствует о том, что американцы были доброжелательно настроены к прибывшим беженцам из Вьетнама.

Нельзя не упомянуть и трудности на пути скорой адаптации вьетнамских беженцев "первой волны". Рабочие места по большей части были более низкого уровня, с низкой оплатой труда и небольшими возможностями для продвижения по службе. В результате внезапно эвакуации вьетнамцев, которые приехали в США, последние психологически не были готовы начать жизнь заново. Они не принимали взвешенного решения эмигрировать, а просто бежали из ситуации, которая им казалась невыносимой. Большинство из них прибыло в США практически без предварительной подготовки и без конкретных планов на будущее. Однако, несмотря на это, в 1977 г. большинство беженцев, которые желали работать, смогли найти рабочие места. За период с июля 1975 г. по июль 1977 г. занятость увеличилась до 95,1% процента у мужчин и до 93,2% у женщин. Также увеличилась доля людей, работающих полный день, от 3/3 до чуть более 4/5. В это же время произошло соответствующее увеличение заработной платы. Пропорция домохозяйств с доходом более 800 долларов и более в месяц выросли до 51,4 %. К 1982 г. те, кто прибыл с 1975 по 1977 г., имели работу в большей степени, чем среднестатистический американец: 72,1% – кто въехал в США в 1975 г., и 74,3% – тех, кто въехал в США в 1976-1977 гг., по сравнению с 64,1% населением США в целом [15, p. 48]. Американский исследователь Браун приводит в своем исследовании данные опроса 100 вьетнамских семей в штате Оклахома. В Оклахоме результаты опроса показали, что с 1977 по 1980 гг. отмечается позитивный рост уровня оплаты труда вьетнамских беженцев. В 1977 г. 32% семей зарабатывали 1000 долларов США в месяц, в то время как 26% зарабатывали 500 долларов США в месяц и меньше. В 1980 г. процент семей с ежемесячным доходом более 1000 долларов США вырос до 64%, в то время как процент семей с доходом 500 долларов США и менее сократился до 10% [8, p. 17].

Таким образом, показатели занятости и доходов беженцев из Вьетнама показывают, что последние добились существенного прогресса в отличие от многих других беженцев, иммигрантов из стран Юго-Восточной Азии. Многие исследования с 1975 г. указывают на связь высокого уровня образования вьетнамцев "первой волны" и их экономического успеха в США по сравнению с беженцами из Камбоджи и Лаоса [3; 9; 10; 13; 17; 24].

Таким образом, значительное увеличение числа азиатских беженцев и иммигрантов в период после 1965 г. было связано с последствиями американо-вьетнамской войны.

"Вторая волна" движения вьетнамцев в США началась в 1978 г. и продолжалась до 1983 г. [4]. В этот период появился такой феномен, как "люди в лодках" – беженцы, которые покидали Вьетнам морским путем по окончании

войны. Вьетнамцы выходили в открытое море, чтобы добраться в сопредельные страны – Таиланд, Малайзию, Индонезию, Сингапур, Филиппины, Тайвань, Гонконг. Вьетнамцы, которые не смогли приспособиться к новым условиям, также переходили границу сухопутным путем через Лаос и Камбоджу в Таиланд [25]. По мнению некоторых исследователей, до полумиллиона беженцев могло погибнуть в морской пучине [14]. А тем, кто уцелел, пришлось пройти через жесточайшие испытания: их грабили морские пираты, женщин насиловали и увозили в Таиланд для работы в публичных домах, мужчин убивали и сбрасывали в море, из-за нехватки еды и воды происходили настоящие сражения. И даже когда беженцы достигали спасительного берега, их вновь подстерегали новые беды: местные полицейские избивали их, часто снова загоняли на их же лодки, вывозили в открытое море и там топили. Для тех, кто выжил, эти трагические испытания остались навсегда в их душах и памяти [31, р. 43].

Люди, пытающиеся добраться до эмиграционных лагерей на лодках, как правило, не могли рассчитывать на богатую – или хотя бы обеспеченную – жизнь в Соединенных Штатах. Беженцы и иммигранты "второй волны", не могли похвастаться высоким уровнем образования или брачными узами с американскими гражданами. В большинстве своем это были фермеры, животноводы, которые потеряли все или практически все за время вьетнамской войны, рыбаки и бывшие военные, отправленные в отставку по достижении почтенного возраста или из-за травм, сделавших их недееспособными. Таких беженцев направляли в иммиграционные лагеря, в которых их обучали английскому языку и максимально старались адаптировать для жизни в другой стране.

Из спасательных лагерей Юго-Восточной Азии подавляющее большинство "людей в лодках" обосновались в Соединенных Штатах, Канаде, Италии, Австралии, Франции, Западной Германии и в Соединенном Королевстве. И все же несколько десятков тысяч из них были депортированы обратно во Вьетнам, добровольно или принудительно.

Однако, по данным социологических опросов, проведенных в Америке, общественность совершенно не была готова принять такие огромные потоки беженцев из Юго-Восточной Азии, и в частности, из Вьетнама. Согласно опросу, проведенному институтом Гэллап (Gallup) в 1975 г., более 50% американской общественности не согласились с переселением вьетнамцев в их страну [34]. Опрос Харисса в мае 1975 г. показал, что 37% американцев не были против того, чтобы Америка принимала беженцев, 49% – против и 14% предпочли воздержаться от ответа [12]. Тем не менее, беженцам было разрешено остаться. Похожий опрос Гэллап (Gallup) в мае 1980 г. показал, что 66% американцев были убеждены в необходимости остановить иммиграционный поток [22, р. 74]. Причины такого "общественного разворота" в принятии вьетнамских беженцев ряд исследователей относят к тому факту, что пик "второй волны" 1980 г. совпал с худшим экономическим кризисом, который США видели со времен Великой депрессии и в "социально-политическом климате усиливающегося нативизма, расизма, ксенофобии и усталости к состраданию" [24, р. 99]. Безработица в 1980 г. уже была высокой – 9%, и многие американцы опасались, что новые беженцы займут те немногие рабочие места, которые имелись [22, р. 74].

Отрицательное отношение жителей Америки к беженцам "второй волны" из стран Юго-Восточной Азии и из Вьетнама, в частности, вылилось в протесты и требования по ограничению иммиграции, что повлекло за собой ужесточение режима въезда выходцев из Азии на территорию Соединенных Штатов [29]. До 1980 г. США разрешали вьетнамцам въезд на основе президентских директив, которые предоставляли им статус беженца, т.е. лица, вынужденно покинувшего родину по причине преследованиями по признаку расы, религии или политической идеологии. С 1980 г. вьетнамские беженцы уже принимались в США в соответствии с Законом "О беженцах" 1980 г.

С 1978 по 1982 гг. США приняли из Вьетнама 296025 беженцев и иммигрантов. Из них 279500 беженцев и 16525 иммигрантов (См. Табл. 2). Более двух третей вьетнамцев осели в девяти штатах (Калифорнии, Иллинойсе, Луизиане, Миннесоте, Орегоне, Пенсильвании, Техасе, Вирджинии и Вашинг-

Таблица 2. Число вьетнамских беженцев и иммигрантов "второй волны" 1978–1982 гг.
Table 2. Number of Vietnamese refugees and "second wave" immigrants 1978–1982

Год	Беженцы	Иммигранты	Всего
1978	11100	1890	12990
1979	44500	6365	50865
1980	95200	4104	99304
1981	86100	1714	87814
1982	42600	2452	45052

Источник: [15, P.45].

Source: [15, P.45].

тоне). В Калифорнии проживало треть беженцев, за ней следовал Техас (10%) и Вашингтон (4%) [15, p. 45].

Закон 1980 г. позволял вьетнамским детям, рожденным от американцев, и бывшим политзаключенным, а также их семьям въезжать в Соединенные Штаты. В 1987 году в результате подписания соглашения США с Вьетнамом была запущена "Программа переселения заключенных вьетнамских центров и лагерей перевоспитания". Программа предоставила государственную помощь этой особой группе вьетнамских иммигрантов [23]. Эта группа вьетнамских беженцев, столкнувшаяся с годами изнурительной жизни в лагерях и тяжелой дискриминацией, встретила с наибольшими проблемами по адаптации по причине своего возраста, накопившихся проблем со здоровьем и эмоциональных проблем, связанных с долгим периодом депривации, а также культурным разрывом, сложившимся между ними и членами семьи, ранее бежавшими в США.

Возросшая негативная реакция американцев объясняется резко изменившимися объемами и "качеством" эмиграционных потоков. "Первой волной" беженцев из Вьетнама были люди, которые были более или менее готовы жить в Соединенных Штатах, потому что они имели опыт "культурного контакта" с американцами. В эту волну вошли сотрудники правительственных учреждений США во Вьетнаме и офисов американских бизнес-компаний. Американское правительство считало, эта категория вьетнамских иммигрантов не должна была испытать существенных трудностей в адаптации к новой жизни в США. Вьетнамцы, нанятые американцами, хорошо говорили по-английски, были относительно хорошо образованы, обладали навыками, которые считались востребованными в американской экономике, и были по большей части урбанизированы и вестернизированы.

"Вторая волна" беженцев и иммигрантов – это лица, покинувшие Вьетнам без помощи американского правительства. Они представляли более низкие в социальном статусе группы вьетнамского общества (чиновники вьетнамского правительства, рядовые члены вьетнамской армии и флота, мелкие торговцы, фермеры и рыбаки). Вьетнамские беженцы не обязательно были горожанами, у них было мало навыков, которые можно было применить в США, они плохо владели английским языком и совершенно не знакомы были с жизнью за пределами своих приходов и деревень во Вьетнаме, и в отличие от иммигрантов "первой волны", не были способны быстро адаптироваться к условиям американского общества [18, p. 8].

Однако у вьетнамцев было важное преимущество. Одной из основных характеристик вьетнамской традиционной культуры является способность адаптироваться к изменениям, чтобы оставаться в гармонии с другими культурами и этническими группами. Вьетнамцы придерживаются традиционных обычаев, приспособившись к американской культуре, чтобы стать частью принимающей страны. В связи с этим американцы вьетнамского происхождения рассматривают американское общество в качестве не противника, а в

качестве необходимого "ингредиента" для выживания. Этот способ адаптации контрастирует с таковыми у других азиатских этнических групп в США. Американцы японского происхождения являются одними из "наиболее однородных в мире", но весьма комплементарных групп к встраиванию в инокультурное сообщество, в то время как американцы китайского происхождения более склонны собираться в сегрегированных сообществах. Адаптация вьетнамских американцев содержит в себе как элементы японско-американского, так и китайского "не-американского" процесса аккультурации, но самобытность вьетнамской американской общины проявляется не в ее сопротивлении переменам, а в сохранении степени устойчивости и адаптируемости, а также в сохранении ценностей прошлого мира.

Процесс трансформации иммигрантов сложен, потому что каждый человек сталкивается с разными ситуациями, на которые они реагируют и меняются разными способами. Различия между поколениями играют важную роль. Есть, например, пожилые вьетнамцы, живущие на пособие в представленных им домах. Они мало взаимодействуют с американским обществом и склонны жить более традиционным для вьетнамцев образом. Вьетнамские американцы, которые въехали в США в раннем детстве, иногда их называют "полуторками", играют две роли в способах адаптации к американскому обществу. Они ведут себя как американцы вне дома, но дома с родителями и семьей они говорят по-вьетнамски, едят вьетнамскую еду и общаются со своими родственниками во Вьетнаме. Они адаптируются к инокультурной среде в США, но в то же время они хотят быть и вьетнамцами. Они находятся между двумя разными культурами.

Другие вьетнамцы интегрируются в американское общество, но особо заботятся о сохранении своих корней. Особенно это актуально для второго поколения вьетнамских американцев, которые родились в США. Современные исследования говорят о том, что многие люди второго поколения американцев азиатского происхождения отвергают азиатскую культуру и стараются быть более американцами. Они пересматривают и уточняют свою идентичность, чтобы сформулировать и обсудить проблемы расы, пола и поколения как в своем диаспоральном сообществе, так и за его пределами. Это случилось, потому что молодое поколение вьетнамских американцев выросло в окружении американских сверстников, они теряют интерес к вьетнамским ценностям и обычаям. Некоторые говорят, что Вьетнам – это страна их родителей, и они мало знают о Вьетнаме. Они чувствуют себя американцами, поскольку родились в США, и говорят, что это их страна. Некоторые из этих молодых людей заходят так далеко, что отвергают вьетнамскую культуру и язык полностью.

Большинство американцев вьетнамского происхождения подвержены динамике процесса аккультурации, в результате чего они впитывают определенные аспекты основной культуры, полностью отвергают некоторые из них и "торгуются" с другими, чтобы вписаться в новое общество. Этот процесс аккультурации включает в себя и политическую социализацию. Вьетнамцы постепенно "ассимилировались" с американской демократией, голосуя и принимая участия в избирательных кампаниях, и они начали побеждать в борьбе за выборные должности. Однако отметим, что самой популярной формой политического участия у вьетнамцев является участие в демонстрациях. Участие в демонстрациях не требует гражданства, регистрации или более развитых гражданских навыков. Азиаты хорошо знакомы с этой формой политического действия с самого начала истории их переселения в США. Старшее поколение вьетнамцев явно принимало участие в антивоенных протестах 60-70-х гг. XX в. Именно политические протесты, с одной стороны, могут рассматриваться первым шагом к вовлечению в американскую политику, а с другой – их можно рассматривать в качестве механизмов политической социализации, как процесс принятия и адаптации устоявшейся тактики политического влияния в США.

В итоге отметим, что американцы вьетнамского происхождения в отличие от китайцев или японцев прошли существенно меньший иммиграционный путь и путь интеграции в американское общество, но это не снижает актуальность изучения специфики вьетнамской иммиграции в США и выбора ими той или иной аккультурационной стратегии.

Литература

1. Берри Дж. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. Берри, А.Х. Пуртинга, М.Х. Сигалл, П.Р. Дасен. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. 554 с.
2. Гарусова Л.Н. Китайские иммигранты в США: историческая ретроспектива / Л.Н. Гарусова, Д.А. Владимировна, Е.В. Журбей // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 8–16.
3. Ames J. Indochinese refugee self-sufficiency in California: a survey and analysis of the Vietnamese, Cambodians, and Lao and the Agencies that serve them. Report submitted to the state Departments of Health, State of California / J. Ames, R. Ames, J. Jung, E. Karabenick. Sacramento.: Departments of Health, State of California, 1977.
4. Allen J.P. The Ethnic Quilt: Population Diversity in Southern California / J.P. Allen, E. Turner. Northridge, CA: The Center for Geographical Studies, CSU Northridge, 1997.
5. Berry J. W. Comparative studies of acculturative stress / J.W. Berry, U. Kim U., T. Minde, D. Mok // International Migration Review. 1987. № 21. P. 491–511.
6. Berry J.W. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation / J.W. Berry, R.C. Annis // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1974. № 5. P. 382–406.
7. Berry J.W. Acculturation attitudes in plural societies / J.W. Berry J.W., U. Kim., S. Power, M. Young, M. Bujaki // Applied Psychology. 1989. № 38. P. 185–206.
8. Brown D. Crossroads Oklahoma: The Vietnamese-American Experience in Oklahoma / D. Brown. - Stillwater: Oklahoma State University, College of Arts and Science Extension, 1981.
9. Caplan N. Children of the boat people: a study of educational success / N. Caplan, J. Whitmore, Q. Bui. – Ann Arbor, Michigan: Institute for social research, 1985
10. Danning B. A systematic of the social, psychological, and economic adaptation of Vietnamese refugees representing five entry cohorts, 1975–1979. / B. Dunning, J. Greenbaum. – Washington, D.C. Bureau of social science research, 1982.
11. Desbarats J. Indochinese resettlement in the United States / J. Desbarats // Annals of the Association of American Geographers. 1985. № 75(4). P. 522–538.
12. Desilver D. U.S. public seldom has welcomed refugees into country [Электронный ресурс] D. Desilver // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/11/19/u-s-public-seldom-has-welcomed-refugees-into-country/> (дата обращения: 2.10.2021)
13. Gordon L. National surveys of southeast Asian refugees: methods, findings, issues. In refugees as immigrants / Edited by D. Haines. – Totowa, New Jersey: Rowman and Littlefield, 1989. P. 22–39.
14. Grant B. The boat people: an "age" investigation / B. Grant. NY: Penguin Books, 1987; Vietnamese boat people: pirates vulnerable prey. US. Committee for refuges (USCR). – NY.: American council for nationalities service, 1984.
15. Haines D. Case studies in diversity. Refugees in America in the 1990s / D. Haines. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1996.
16. Kelly G. P. Coping with America: Refugees from Vietnam, Cambodia, and Laos in the 1970s and 1980s / G. Kelly // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1986. №487. P. 138–149.
17. Kim Y. Research project on Indochinese refugees in the State of Illinois / Y. Kim, P. Nicassio. Chicago: Travelers aid society of metropolitan Chicago, 1980
18. Kula S. Vietnamese Americans: History, Education, and Societal Context / S. Kula, V. Tran, I. Garcia, E. Satio, S. Paik // Journal of Southeast Asian American Education and Advancement. 2021. Vol. 16. № 1. P.1–21.
19. Levitt P. God Needs no Passport: Immigrants and the Changing American Religious Landscape / P. Levitt. -New York: The New Press, 2007. 270 p.
20. Modern Immigration Wave Brings 59 Million to U.S., Driving Population Growth and Change Through 2065. Views of Immigration's Impact on U.S. Society Mixed [Электронный ресурс] // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2020/08/20/facts-on-u-s-immigrants/> (дата обращения: 2.10.2021)
21. Modern Immigration Wave Brings 59 Million to U.S., Driving Population Growth and Change Through 2065. Chapter 2: Immigration's Impact on Past and Future U.S. Population Change [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2015/09/28/chapter-2-immigrations-impact-on-past-and-future-u-s-population-change/> (дата обращения: 2.10.2021)
22. Montero D. Resettling Vietnamese refugees: The service agency's role / D. Montero, I. Dieppa // Social Work. 1982. № 27(1). P. 74–81.
23. Population Estimates. U.S. Census Bureau [Электронный ресурс] // American FactFinder. URL: http://factfinder.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?pid=DEC_10_SF1_QTP3&prodType=table (дата обращения: 2.10.2021)
24. Rumbaut, R. G. The structure of refuge: Southeast Asian refugees in the United States, 1975–1985 / R.G. Rumbaut // International Review of Comparative Public Policy. 1989. №1. P. 97–129.

25. Sagan G. Re-education in Unliberated Vietnam: Loneliness, Suffering and Death [Электронный ресурс] G. Sagan, D. Stephen // The Indochina Newsletter. 1982. URL: <https://indomemoires.hypotheses.org/tag/the-indochina-newsletter> (дата обращения: 2.10.2021).
26. Schaefer R. Racial and Ethnic Groups / R. Schaefer. Boston, Toronto, 1970.
27. Silverman E. Indochina Legacy: The Refugee Act of 1980 / E. Silverman // Publius. 1980. Vol.10. № 1. P.27–41.
28. The Indochina Migration and Refugee Assistance Act, May 23, 1976 [Электронный ресурс] // Govinfo.gov. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-89/pdf/STATUTE-89-Pg87.pdf> (дата обращения: 2.10.2021).
29. The Refugee Act [Электронный ресурс] URL: <https://www.acf.hhs.gov/orr/policy-guidance/refugee-act> (дата обращения: 2.10.2021)
30. Trueba H. Cultural conflict and adaptation: The case of Hmong children in American society / H. Trueba, L. Jacobs, E. Kirton. - Albany, NY: State University of New York Press, 1990.
31. Tsamenyi M. The Vietnamese boat people and international law / M. Tsamenyi. Queensland.: Griffith University, Centre for the Study of Australian-Asian Relations, 1981.
32. US Immigration Law and Policy: 1952-1979: A report Prep. At the Request of Senator E.M. Kennedy, Chairman Comm. Of the Judiciary, us Senate upon the Formation of the Select Commission on Immigration and Refuges Policy. Washington., 1980.
33. U.S. Immigrant Population and Share over Time, 1850-Present [Электронный ресурс] // Migration Policy Institute (MPI). URL <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/immigrant-population-over-time> (дата обращения: 2.10.2021).
34. Vietnamese Immigration to the United States after the Vietnam War [Электронный ресурс] // Vietnamese Immigration to the United States (1973-Present). URL: <http://immigration.umwblogs.org/vietnamese-immigration-to-the-united-states-after-the-vietnam-war/> (дата обращения: 2.10.2021).
35. Zhou M. Straddling two social worlds: The experience of Vietnamese refugee children in the United States. Urban Diversity Series No. 111 / M. Zhou, C.L. III Bankston, New York, NY: Office of Educational Research and Improvement, Teachers College, Columbia University, 2000.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Berri Dzh. Kross-kul'turnaya psikhologiya. Issledovaniya i primeneniye / Dzh. Berri, A.KH. Purtinga, M.KH. Sigall, P.R. Dasen. KHarkov: Gumanitarnyj TSentr, 2007. 554 s.
2. Garusova L.N. Kitajskie immigranty v SSHA: istoricheskaya retrospektiva / L.N. Garusova, D.A. Vladimirova, E.V. ZHurbey // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 2. S. 8–16.
3. Aames J. Indochinese refugee self-sufficiency in California: a survey and analysis of the Vietnamese, Cambodians, and Lao and the Agencies that serve them. Report submitted to the state Departments of Health, State of California / J. Aames, R. Aames, J. Jung, E. Karabenick. Sacramento.: Departments of Health, State of California, 1977.
4. Allen J.P. The Ethnic Quilt: Population Diversity in Southern California / J.P. Allen, E. Turner. Northridge, CA: The Center for Geographical Studies, CSU Northridge, 1997.
5. Berry J. W. Comparative studies of acculturative stress / J.W. Berry, U. Kim U., T. Minde, D. Mok // International Migration Review. 1987. № 21. P. 491–511.
6. Berry J.W. Acculturative stress: The role of ecology, culture and differentiation / J.W. Berry, R.C. Annis // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1974. № 5. P. 382–406.
7. Berry J.W. Acculturation attitudes in plural societies / J.W. Berry J.W., U. Kim., S. Power, M. Young, M. Bujaki // Applied Psychology. 1989. № 38. P. 185–206.
8. Brown D. Crossroads Oklahoma: The Vietnamese-American Experience in Oklahoma / D. Brown. - Stillwater: Oklahoma State University, College of Arts and Science Extension, 1981.
9. Caplan N. Children of the boat people: a study of educational success / N. Caplan, J. Whitmore, Q. Bui. - Ann Arbor, Michigan: Institute for social research, 1985
10. Danning B. A systematic of the social, psychological, and economic adaptation of Vietnamese refugees representing five entry cohorts, 1975–1979. / B. Dunning, J. Greenbaum. - Washington, D.C. Bureau of social science research, 1982.
11. Desbarats J. Indochinese resettlement in the United States / J. Desbarats // Annals of the Association of American Geographers. 1985. № 75(4). P. 522–538.
12. Desilver D. U.S. public seldom has welcomed refugees into country [EHlektronnyj resurs] D. Desilver // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/11/19/u-s-public-seldom-has-welcomed-refugees-into-country/> (дата обращения: 2.10.2021)
13. Gordon L. National surveys of southeast Asian refugees: methods, findings, issues. In refugees as immigrants / Edited by D. Haines. - Totowa, New Jersey: Rowman and Littlefield, 1989. P. 22–39.
14. Grant B. The boat people: an "age" investigation / B. Grant. NY: Penguin Books, 1987; Vietnamese boat people: pirates vulnerable prey. US. Committee for refugees (USCR). - NY.: American council for nationalities service, 1984.

15. Haines D. Case studies in diversity. Refugees in America in the 1990s / D. Haines. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1996.
16. Kelly G. P. Coping with America: Refugees from Vietnam, Cambodia, and Laos in the 1970s and 1980s / G. Kelly // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1986. №487. P. 138–149.
17. Kim Y. Research project on Indochinese refugees in the State of Illinois / Y. Kim, P. Nicassio. Chicago: Travelers aid society of metropolitan Chicago, 1980
18. Kula S. Vietnamese Americans: History, Education, and Societal Context / S. Kula, V. Tran, I. Garcia, E. Satio, S. Paik // *Journal of Southeast Asian American Education and Advancement*. 2021. Vol. 16. № 1. P.1–21.
19. Levitt P. God Needs no Passport: Immigrants and the Changing American Religious Landscape / P. Levitt. -New York: The New Press, 2007. 270 p.
20. Modern Immigration Wave Brings 59 Million to U.S., Driving Population Growth and Change Through 2065. Views of Immigration's Impact on U.S. Society Mixed [EHlektronnyj resurs] // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2020/08/20/facts-on-u-s-immigrants/> (data obrashheniya: 2.10.2021)
21. Modern Immigration Wave Brings 59 Million to U.S., Driving Population Growth and Change Through 2065. Chapter 2: Immigration's Impact on Past and Future U.S. Population Change [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2015/09/28/chapter-2-immigrations-impact-on-past-and-future-u-s-population-change/> (data obrashheniya: 2.10.2021)
22. Montero D. Resettling Vietnamese refugees: The service agency's role / D. Montero, I. Dieppa // *Social Work*. 1982. № 27(1). P. 74–81.
23. Population Estimates. U.S. Census Bureau [EHlektronnyj resurs] // American FactFinder. URL: http://factfinder.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?pid=DEC_10_SF1_QT-P3&prodType=table (data obrashheniya: 2.10.2021)
24. Rumbaut, R. G. The structure of refuge: Southeast Asian refugees in the United States, 1975-1985 / R.G. Rumbaut // *International Review of Comparative Public Policy*. 1989. №1. P. 97–129.
25. Sagan G. Re-education in Unliberated Vietnam: Loneliness, Suffering and Death [EHlektronnyj resurs] G. Sagan, D. Stephen // *The Indochina Newsletter*. 1982. URL: <https://indomemoires.hypotheses.org/tag/the-indochina-newsletter> (data obrashheniya: 2.10.2021).
26. Schaefer R. Racial and Ethnic Groups / R. Schaefer. Boston, Toronto, 1970.
27. Silverman E. Indochina Legacy: The Refugee Act of 1980 / E. Silverman // *Publius*. 1980. Vol.10. № 1. P.27–41.
28. The Indochina Migration and Refugee Assistance Act, May 23, 1976 [EHlektronnyj resurs] // Govinfo.gov. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-89/pdf/STATUTE-89-Pg87.pdf> (data obrashheniya: 2.10.2021).
29. The Refugee Act [EHlektronnyj resurs] URL: <https://www.acf.hhs.gov/orr/policy-guidance/refugee-act> (data obrashheniya: 2.10.2021)
30. Trueba H. Cultural conflict and adaptation: The case of Hmong children in American society / H. Trueba, L. Jacobs, E. Kirton. - Albany, NY: State University of New York Press, 1990.
31. Tsamenyi M. The Vietnamese boat people and international law / M. Tsamenyi. Queensland.: Griffith University, Centre for the Study of Australian-Asian Relations, 1981.
32. US Immigration Law and Policy: 1952-1979: A report Prep. At the Request of Senator E.M. Kennedy, Chairman Comm. Of the Judiciary, us Senate upon the Formation of the Select Commission on Immigration and Refuges Policy. Washington., 1980.
33. U.S. Immigrant Population and Share over Time, 1850-Present [EHlektronnyj resurs] // Migration Policy Institute (MPI). URL <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/immigrant-population-over-time> (data obrashheniya: 2.10.2021).
34. Vietnamese Immigration to the United States after the Vietnam War [EHlektronnyj resurs] // Vietnamese Immigration to the United States (1973-Present). URL: <http://immigration.umwblogs.org/vietnamese-immigration-to-the-united-states-after-the-vietnam-war/> (data obrashheniya: 2.10.2021).
35. Zhou M. Straddling two social worlds: The experience of Vietnamese refugee children in the United States. Urban Diversity Series No. 111 / M. Zhou, C.L. III Bankston, New York, NY: Office of Educational Research and Improvement, Teachers College, Columbia University, 2000/

Информация об авторе

Евгений Викторович Журбей, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, доцент кафедры Гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владивосток, Россия; филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г Находке. Россия, e-mail: cpr2001@rambler.ru

Information about the author

Evgeniy V. Zhurbey, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Vladivostok, Russia; branch of the Vladivostok State University of Economics and Service in Nakhodka, Nakhodka, Russia, e-mail: cpr2001@rambler.ru

Поступила в редакцию
(Received) 19.04.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 05.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 16.05.2022

Научная статья
УДК 339.564:378(571.63)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/121-130>

Предпосылки и тенденции развития экспорта образовательных услуг вузов Приморского края

Ван Бин

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Владивосток, Россия, Wang.Bing@vvsu.ru

Александр Павлович Латкин

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Владивосток, Россия, aleksandr.latkinp@vvsu.ru

Аннотация. Современный процесс глобализации мировой экономики стимулирует развитие рынка международных образовательных услуг, существенно изменяя деятельность российских университетов, в том числе на основе увеличения экспорта образовательных услуг в другие страны. Устойчивая динамика развития международного образования формируется в последние 20 лет в дальневосточных, особенно приграничных с КНР регионах России, которая преимущественно обеспечивается Приморским краем. В настоящей статье приводятся ключевые теоретические положения и выводы многолетних исследований указанного процесса с использованием результатов обобщения подходов зарубежных и отечественных авторов, а также анализа национальной и региональной статистики, данных социологических опросов. Основной акцент сделан на систематизации существующих предпосылок и факторов формирования и использования экспортного потенциала образовательных услуг университетами дальневосточных регионов для граждан КНР. В качестве объекта исследования был выбран Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Ключевые слова: *высшее образование, международные образовательные услуги, российский Дальний Восток, Приморский край, университеты, экспорт образовательных услуг, предпосылки, факторы, анализ, систематизация*

Для цитирования: Ван Бин, Латкин А. П. Предпосылки и тенденции развития экспорта образовательных услуг вузов Приморского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 121–130. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/121-130>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/121-130>

Prerequisites and trends in the development of educational services export of universities in Primorsky Krai

Van Bin

Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, Wang.Bing@vvsu.ru

Alexander Pavlovich Latkin

Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, aleksandr.latkinp@vvsu.ru

Abstract. The modern process of globalization of the world economy stimulates the development of international educational services market. Within the framework of this strategic direction, the activities of Russian universities are significantly changing, including by increasing the export of educational services to other countries. The steady dynamics of the development of international education has been formed in the last 20 years in the Far Eastern regions of Russia, especially those bordering with the PRC, which is mainly provided by the Primorsky Territory. This article presents the key theoretical provisions and conclusions of long-term research of this process using the generalization results of foreign and domestic authors' approaches, and also national and regional statistics analysis results, data from sociological surveys. The main emphasis is placed on the systematization of the existing prerequisites and factors for the formation and use of the export potential of educational services by universities of the Far Eastern regions for citizens of the People's Republic of China. The object of the issue is Vladivostok State University of Economics and Service.

Key words: *higher education, international educational services, Russian Far East, Primorsky Krai, universities, export of educational services, prerequisites, factors, analysis, systematization*

For citation: Van Bin, Latkin A. P. Prerequisites and trends in the development of educational services export of universities in Primorsky Krai // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 121–130. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/121-130>

Введение

Одной из устойчивых тенденций современного этапа международного сотрудничества является развитие мирового рынка образовательных услуг во всем многообразии форм их реализации в процессе межстранового взаимодействия. В последние 10 лет наиболее высокую динамику этого процесса демонстрируют Россия и КНР, что обусловлено растущими масштабами взаимодополняемости политики, экономики и культуры этих стран. Важно под-

черкнуть, что российско-китайское сотрудничество в сфере высшего образования строится преимущественно на экспорте образовательных услуг высших учебных заведений России, хотя в последние годы их сравнительные конкурентные преимущества сокращаются на фоне быстрорастущего качества образования в КНР.

Такая тенденция подтверждается, в частности, в приграничных дальневосточных регионах, особенно в российском Приморье, занимающем лидирующие позиции в реализации международных образовательных проектов. В настоящее время здесь в 6 высших учебных заведениях, и прежде всего в Дальневосточном федеральном университете, на всех уровнях обучения (бакалавриат, магистратура и аспирантура) осваивают образовательные программы свыше 1,5 тысяч граждан КНР.

Однако сохранение и дальнейшее увеличение экспортного потенциала услуг российского высшего образования обуславливает необходимость исследований широкого спектра проблем решения этой стратегической задачи как методологической основы формирования адекватной её актуальности и сложности национальной государственной политики в средне и долгосрочной перспективе. Безусловно, её немаловажным аспектом является учёт существующих региональных политико-экономических особенностей реализации международных образовательных услуг в приграничных регионах, включая российское Приморье.

Теоретико-методологические аспекты исследования

Теоретическое обобщение исследований зарубежных [13; 16; 18–21] и отечественных [3; 4; 10; 14; 17] авторов показывает, что современный процесс глобализации охватывает все национальные системы образования, причём высшее образование претерпевает серьёзную трансформацию под прямым и косвенным влиянием мировых тенденций. Так в исследовании Wende M.C. [20], проведённом в самом начале XXI века, глобализацией объясняется появление и быстрое развитие рынка международных образовательных услуг как ключевого фактора роста их качества, а также повышения конкурентоспособности университетов. На этой основе подчёркивается возрастающее значение университетов в генерировании новых знаний, в подготовке высококвалифицированных специалистов, в технологическом развитии национальной промышленности. Высокий статус университетов усиливается в последние годы действием следующих факторов:

- превращением их в экономически разнородные образовательные учреждения;
- участием в финансировании университетского образования крупных предпринимательских структур;
- поручением университетам крупных государственных заказов на продвижение инноваций и подготовку высококвалифицированных кадров;
- нарастающим преобладанием в реализации международных образовательных и научно-исследовательских проектов.

Как следствие влияния глобализационных процессов на сферу образования в начале XXI века появилось и быстро развивается понятие "транснациональное высшее образование".

По мнению многих исследователей, поддерживаемого авторами настоящей статьи, международные образовательные услуги являются частным случаем более общего понятия "трансграничное образование", которое объединяет все программы высшего образования или образовательных услуг при их реализации не в стране местонахождения учебного заведения, а в других странах, а также международные образовательные услуги различной направленности (экспорт услуг и импорт услуг). Некоторые авторы взаимозаменяют понятия "трансграничный" и "международный", понимая под вторым образовательные услуги на мировом рынке, потребляемых гражданами разных стран, либо образовательные услуги, предоставляемые зарубежными учреждениями на внутренних рынках.

С учетом перечисленных подходов авторы настоящей статьи полагают, что международные образовательные услуги – это все виды программ (образовательных услуг), предоставляемые иностранным гражданам как в стране нахождения вуза, так и в стране проживания обучаемого. Для более полного

Таблица 1. Классификация видов образовательных услуг
Table 1. Classification of educational services types

Критерий классификации	Виды образовательных услуг
правовая форма управления	государственные университеты, частные университеты; международные университеты
форма обучения	традиционная в режиме офлайн; услуга дистанционная в режиме онлайн
сроки обучения	краткосрочные; среднесрочные (от месяца до года); долгосрочные
уровень обучения	региональный, федеральный и международный
комплексность обучения	только образовательные услуги по одной специальности, по двум или нескольким специальностям с получением нескольких дипломов (экономист, деловой английский и др.)
правовое подтверждение обучения	документ государственного образца; документ не государственного образца
форма оплаты обучения	государственный бюджет; по целевому заказу предприятий; индивидуальная оплата; смешанная форма оплаты

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

представления авторской позиции в рамках проведённого исследования была сделана классификация видов образовательных услуг с учётом как имеющихся результатов теоретических исследований, так и практики развития трансграничного образования (табл. 1).

В целях успешного осуществления представленных в таблице видов образовательных услуг в Российской Федерации существует и постоянно совершенствуется нормативно-правовая база для утверждения образовательных программ и их аккредитации применительно к каждому учебному заведению с учетом необходимости развития экспорта. На её основе в "Концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг." были определены следующие виды экспорта образовательных услуг высших учебных заведений:

- разработка и внедрение трансграничных образовательных проектов и программ;
- обучение иностранных студентов в зарубежных вузах;
- коммерческое присутствие в странах-партнерах в виде филиалов или дочерних организаций;
- перемещение физических лиц или работа преподавателей в зарубежных высших учебных заведениях.

Анализ работ отечественных исследователей позволяет говорить о наметившихся двух подходах к изучению экспорта образовательных услуг как экономической категории: макроэкономический и микроэкономический [9]. На макроэкономическом уровне экспорт образовательных услуг интерпретируется как фактор повышения конкурентоспособности отечественного образования в мировой системе образования и важный показатель экономического развития страны в целом [1]. В рамках данного подхода субъектами рынка выступают национальные системы образования, которые рассматриваются с позиций конкурентоспособности и привлечения финансов в свою экономику [15]. Поэтому для оценки эффективности экспорта образования высших учебных заведений используются количественные показатели его доходности и масштабов [11]. Это позволяет им занимать достойное место в мировом рейтинге.

Вместе с тем экономическое измерение дополняется таким нематериальным параметром, как престиж: востребованные национальные системы образования занимают ведущие позиции в международных рейтингах.

На микроэкономическом уровне экспорт образовательных услуг рассматривается с точки зрения удобства и выгоды предоставляемых услуг для иностранных студентов и интерпретируется как наиболее важный фактор прибыли от вузов, привлекающих иностранных студентов и, следовательно, повышающих их престиж в глазах потенциальных студентов [7]. В данном подходе высшие учебные заведения интерпретируются как "субъекты образовательного рынка, которые обладают определенной автономией и способностью самостоятельно укреплять и расширять свои позиции на международном рынке университетов" [8]. Вузы должны стать субъектами рынка, производить образовательные услуги и получать прибыль за счет привлечения иностранных студентов, потребителей данных услуг. Что в конечном итоге позволит им стать "независимыми экономическими субъектами, а системе высшего образования – органичной частью экономики" [2]. В "дорожную карту" образовательных учреждений включаются следующие целевые показатели: "количество иностранных студентов, обучающихся по очной и заочной формам в российских вузах и их зарубежных филиалах, количество молодых российских специалистов, работающих за рубежом, количество международных образовательных программ и проектов, а также доходы от оплаты за обучение иностранных студентов" [6].

Таким образом, экспорт образования рассматривается как глобальный бизнес, который нацелен на внедрение образовательных услуг для студентов из других стран, на извлечение выгоды и установление культурных и экономических связей. При этом обучение иностранных студентов в зарубежных вузах, формирующее потоки международной учебной миграции, является самым массовым и доходным видом экспорта образовательных услуг.

К настоящему времени научным сообществом определены следующие направления активизации развития экспорта образовательных услуг в целях успешного вхождения в мировой рынок:

- разработка стратегии развития международных отношений в рамках взаимодействия национальных систем образования и отдельных вузов;
- соответствие международным стандартам качества национального образования;
- развитие региональных и межрегиональных образовательных коопераций, "виртуальных" университетов;
- развитие "онлайновых" и дистанционных технологий образования;
- использование различных маркетинговых подходов при продаже образовательных услуг.

Основные тенденции развития экспорта российских образовательных услуг

Одной из главных проблем, затрудняющих поступление иностранных абитуриентов в российские вузы, – уровень их знаний, который зачастую очень низок. По большинству базовых общеобразовательных дисциплин зачисляемые на учёбу в российские вузы иностранцы имеют в среднем оценку между "удовлетворительно" и "хорошо" (многие из них не смогли бы пройти по конкурсу в национальные или западные вузы ввиду столь низких оценок в школьных аттестатах и более высоких требований на вступительных экзаменах). В последнее время значительно хуже стали знать русский язык абитуриенты из ряда среднеазиатских республик, Закавказья и Прибалтики. Многие иностранные студенты, стажёры и частично аспиранты, нередко до самого конца учёбы не могут в должной мере овладеть языком обучения, что сказывается на качестве их профессиональной подготовки.

На наш взгляд, снижение уровня подготовленности по русскому языку связано с общей тенденцией сокращения распространённости (популярности) русского языка в мире. Фактором, сдерживающим рост численности очной формы обучения иностранных граждан в России, является и нехватка мест в студенческих общежитиях, уровень их комфортности (сервиса), а также в целом неблагоприятная социокультурная обстановка – регуляторные проявления расизма и национализма (оскорбления и физические нападения) в отношении лиц неславянской внешности и неспособность российских правоохранительных органов должным образом обеспечить личную безопасность иностранных учащихся, особенно из азиатских, африканских и арабских стран.

Таблица 2. Удельный вес численности иностранных студентов в приведенном контингенте некоторых вузов, %
Table 2. The share of foreign students' number in the reduced contingent of some universities, %

Вузы	Среднее по региону	2017	2018	2019	2020	Среднее по РФ	
Приморский край							
ДВФУ	8,30	8,21	7,60	9,52	9,05	5,92	
ВГУЭС		6,29	8,17	8,80	9,09		
ТГМУ		1,30	1,54	1,71	2,52		
Хабаровский край							
ТОГУ	6,60	8,07	8,40	9,91	9,61		

Источник: составлено авторами на основе: [5].

Source: compiled by the authors based on: [5].

Две основные составляющие международного образования, включающие обучение иностранных граждан на территории России и иностранцев по российским образовательным программам за рубежом, в последние 20 лет развивались разнонаправленно. Если число первой группы обучающихся стабильно росло (особенно заметно в сегменте вечернего, дистанционного и заочного обучения), то число второй группы, достигнув своего пика в 2005/06 учебном году – 90 тыс. человек, впоследствии значительно снизилось (45,6 тыс. человек в 2015/16 учебном году). Такое снижение в том числе связано с сокращением физического присутствия российских вузов за рубежом в условиях ограниченных бюджетов на подобную деятельность.

По нашему мнению, основанному на анализе большого количества литературных источников и полученных фактологических данных в вузах российского Приморья, на современный рынок международных образовательных услуг оказывают влияние следующие факторы:

- усиление международного разделения труда на принципах минимизации затрат на производство или приобретение товаров и услуг с учётом конъюнктуры национальных рынков;
- либерализация государственного управления международными образовательными услугами;
- взаимодополняемость экономик отдельных стран и приграничных регионов при высокой динамике развития международных миграционных процессов;
- интернационализация высшего образования и развитие трансграничного образования;
- рост международной мобильности студентов, преподавателей и исследователей;
- развитие инновационных, образовательных технологий;
- реализация новых стратегий экспорта образовательных услуг;
- слияние академических и образовательных учреждений, создание научно-образовательных кластеров;
- бенчмаркинг университетов с использованием международных стандартов и рейтинговых списков.

Объективные предпосылки и динамика предоставления российских образовательных услуг гражданам КНР в приграничных регионах Дальнего Востока

Россию и Китай, в силу геополитического положения, связывают давние и разноплановые взаимоотношения, которые на современном этапе характеризуются высокой динамикой развития, устойчивой правовой базой, развет-

Таблица 3. Количество иностранных студентов и сумма получаемых доходов от экспорта образовательных услуг по некоторым вузам ДФО

Table 3. The number of foreign students and the amount of income received from the export of educational services for some universities of the FEFD

Вузы	Количество студентов				Доходы от экспорта образовательных услуг, млн. руб.			
	2019	2020	2020-2019	2020/ 2019	2019	2020	2020-2019	2020/ 2019
ВГУЭС	470	493	23	4,89	72,9	77,8	4,95	6,79
ДВФУ	1601	1376	-225	-14,05	300,2	20,9	-279,35	-93,04
ТГМУ	94	96	2	2,13	14,9	13,1	-1,85	-12,38
ТОГУ	778	809	31	3,98	62,2	57	-5,25	-8,44

Источник: составлено авторами на основе: [5].

Source: compiled by the authors based on: [5].

влённой организационной структурой и активными связями на всех уровнях. По мнению авторов, для развития российско-китайского образовательного сотрудничества имеются следующие объективные предпосылки:

- большая протяженность границы между РФ и КНР;
- взаимодополняемость экономик при сочетании природных ресурсов;
- совпадение интересов в политическом и социально-экономическом сотрудничестве;
- формирование трансграничных географических структур;
- сходство многих направлений национальных реформ;
- значительный контингент трудовых мигрантов и туристов из КНР во всех дальневосточных регионах и особенно в Приморском крае.
- В условиях активного сотрудничества между двумя странами постоянно возрастает потребность в высококвалифицированных специалистах широкого профиля для обеспечения устойчивого развития экономик двух стран в будущем.

По существующим данным в 2019 году на российском Дальнем Востоке в Территориях опережающего социально-экономического развития и Свободном порту Владивосток с участием инвесторов из КНР было заявлено к реализации 32 инвестиционных проекта общей стоимостью 4,2 млрд долларов США. Количество китайских туристов из Китая в Приморском крае составило 450 тыс. человек.

Российская Федерация ежегодно выделяет квоты на обучение в российских вузах иностранным гражданам. В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 891 от 2013 года квота была установлена в размере 15 тыс. чел. Постановлением Правительства РФ № 2150 от 2020 года зафиксирован рост квоты: "в 2021 году до 18 тыс. человек, в 2022 году – 23 тыс. человек и начиная с 2023 года – 30 тыс. человек".

Динамика предоставления квот гражданам КНР также является положительной. Если в 2015-2016 учебном году Китаю было выделено 850 таких квот, то в 2018-2019 учебном году их количество увеличилось до 950, на 2021-2022 год было выделено 1011 мест [12].

Как показывает выполненный в рамках настоящего исследования анализ, приезжающие для обучения в Россию граждане КНР отдают предпочтение государственным вузам при выборе преимущественно первой ступени образования – бакалавриата, с устойчивым увеличением в последние 5 лет второй ступени – магистратуры и растущим интересом к поступлению в российскую аспирантуру. Около 90% выходцев из Китая очно учатся в России на контрактной основе и лишь 25% поступают в аспирантуру на бюджетные места.

**Таблица 4. Динамика численности китайских студентов во ВГУЭС,
по видам образовательных программ**
Table 4. Dynamics of Chinese students number at VSUES, by types of educational programs

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2020/2016, %
Численность обучающихся всего	199	233	275	317	342	171,9
В том числе: бакалавриат	155	179	220	266	306	197,4
магистратура	43	50	45	44	29	67,4
аспирантура	1	4	10	7	7	7

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

В ходе настоящего исследования общероссийские тенденции экспорта услуг высшего образования гражданам КНР в основном подтвердились в дальневосточных регионах, где лидирующее положение принадлежит Приморскому краю. В настоящее время здесь функционируют 17 высших учебных заведений, в том числе Дальневосточный федеральный университет и 9 филиалов. Из этого количества 6 высших учебных заведений, то есть практически каждое третье осуществляет российско-китайские образовательные программы. Важно отметить, что по данным мониторинга образовательных организаций России, в Приморском и Хабаровском краях удельный вес иностранных студентов в общем приведённом контингенте превышает среднероссийский показатель, причём в основном за счёт граждан КНР (табл. 2).

Проведённый авторами анализ доходности экспорта образовательных услуг позволил выявить его высокую неравномерность по тем же вузам при относительной стабильности этого показателя во ВГУЭС даже в современных условиях пандемии и закрытости российско-китайского транспортного сообщения (табл. 3).

Полученные данные о сравнительно высоком экономическом эффекте экспорта образовательных услуг ВГУЭС свидетельствуют о наличии тесной взаимосвязи этого важнейшего показателя с занимаемым университетом в последние года местом в национальном рейтинге высших учебных заведений и, как следствие, устойчивой динамикой его контингента китайских студентов (табл. 4).

В целях выявления основных факторов такого выбора авторами в 2019 г. было выполнено социологическое исследование при анкетировании 116 обучающихся на различных образовательных программах ВГУЭС, что составило более 30% от общего числа студентов из КНР.

При этом была сделана группировка факторов на политические, экономические, социально-бытовые и правовые (безопасность). Большинство респондентов отметили преобладающими в своих предпочтениях политические (46%) и экономические (38%) факторы, прежде всего надёжность политических отношений двух стран, приемлемую стоимость обучения, хорошие условия проживания и питания, удобное географическое размещение студенческого кампуса. Практически единственным недостатком в экспорте образовательных услуг была отмечена языковая неподготовленность к восприятию теоретических знаний по общеобразовательным, специальным и профессиональным дисциплинам.

Заключение

Представленные в статье результаты исследований позволяют считать одним из приоритетных направлений развития национальной системы образования формирование и эффективное использование экспортного потенциала услуг высших учебных заведений. На основе выполненного авторами обобщения теоретических подходов зарубежных и отечественных авторов, а также

анализа практической реализации российско-китайских образовательных проектов в дальневосточных регионах существенно дополнен понятийный аппарат изучения сущности международных образовательных услуг в условиях глобализации мировой экономики. Сделана комплексная оценка тенденций развития экспорта российских образовательных услуг, а также их классификация по различным критериям. Теоретическое и практическое значение имеет проведённая систематизация политико-экономических предпосылок развития экспорта услуг высших учебных заведений приграничных регионов Дальнего Востока гражданам КНР. Кроме того, на примере университетов Приморского края, в ходе анализа основных предпочтений граждан КНР при выборе экспортируемых Россией образовательных программ авторами была выявлена тесная взаимосвязь экономического эффекта международной деятельности вузов с занимаемым ими положением в национальном рейтинге.

Литература

1. Айналиева А.Р. Иностранцы студенты в системе российского высшего образования // Мир науки, культуры и образования. 2016. № 6 (61). С. 9–11.
2. Амиров Р.А. Стратегия развития высшего образования в России // Вестник НГИЭИ. 2019. № 8 (99). С. 105–117.
3. Беляева Е.А. Взаимодействие российских и китайских вузов в контексте интернационализации высшего образования // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. №4. С. 47–50.
4. Дударева Н.А. Интернационализация российской системы высшего образования: экспорт образовательных услуг (по материалам Всероссийского совещания проректоров по международной деятельности) // Вестник ИГЭУ. 2010. № 1. С. 1–5.
5. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // Мониторинг показателей эффективности деятельности вузов, [Электронный ресурс]. URL: <https://monitoring.miscedu.ru/?m=vro> (дата обращения 20.01.2022)
6. Колмагорова Ю. В., Васильева И. С. Экспортный потенциал российской системы высшего образования // КПЖ. 2009. № 11–12. С. 73–79.
7. Костюков А.Л. Особенности экспорта российских образовательных услуг // Казачество. 2016. №7 (20). С. 51–66.
8. Меликян А.В. Внутренние факторы результативности экспорта образования в российских вузах // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 146–179.
9. Миронова С.В., Тимченко Н.С. Экспорт высшего образования в России: обзор теоретических подходов и практических решений // Социодинамика. 2020. № 11. С. 65–80.
10. Налетова И.В., Щербакова А.А. Влияние процесса глобализации на высшее образование // Наука. Общество. Государство. 2017. №2 (18). С. 147–151.
11. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? / А. В. Абрамов, В. Э. Багдасарян, С. О. Бышок, С. В. Володенков, Д. Г. Евстафьев, В. Г. Егоров, Н. А. Комлева, Н. С. Крамаренко, А. В. Манойло, О. М. Михайлёнок, А. И. Петренко, В. Ф. Прокофьев // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 1–81.
12. Российские и китайские вузы подписали соглашения о сотрудничестве // Минобрнауки, [Электронный ресурс]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=39705 (дата обращения 15.01.2022).
13. Сан Тяньцзы Особенности и ключевые тенденции в сотрудничестве РФ и КНР в области высшего образования // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2019. №1. С. 107–114.
14. Хорошилов А.В., Максюков Н.И. К проблеме интернационализации образования // Открытое образование. 2002. №1. С. 52–63.
15. Чапенко А.А. Анализ экспорта образовательных услуг России на современном этапе // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 9. С. 221–225.
16. Чжао Дань Проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества КНР и России в сфере высшего образования в условиях вызовов глобализации // Caucasian Science Bridge. 2019. №4 (6). С. 10–16.
17. Юрченко Н.А. Интернационализация высшего образования в Приморском крае: ретроспектива и перспектива // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2015. №2 (29). С. 39–46.
18. Hans de Wit. Global: Internationalization of Higher Education: Nine Misconceptions // Understanding Higher Education Internationalization: Insights from Key Global Publications. 2017. pp. 9–12.

19. Okulicz-Kozaryn W. Market of educational services in conditions of globalization // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. №2. С. 101–107.
20. Wende M.C. Globalization and Access to Higher Education // Journal of Studies in International Education. 2003. № 7(2). pp. 193–206.
21. Yang R. Transnational Higher Education in China: Contexts, Characteristics and Concerns // Australian Journal of Education. 2008. №52(3). pp. 272–286.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ajnalieva A.R. Inostrannye studenty v sisteme rossijskogo vysshogo obrazovaniya // Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya. 2016. № 6 (61). S. 9–11.
2. Amirov R.A. Strategiya razvitiya vysshogo obrazovaniya v Rossii // Vestnik NGIEHI. 2019. № 8 (99). S. 105–117.
3. Belyaeva E.A. Vzaimodejstvie rossijskikh i kitajskikh vuzov v kontekste internatsionalizatsii vysshogo obrazovaniya // Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya. 2019. №4. S. 47–50.
4. Dudareva N.A. Internatsionalizatsiya rossijskoj sistemy vysshogo obrazovaniya: ehksport obrazovatel'nykh uslug (po materialam Vserossijskogo soveshaniya prorektorov po mezhdunarodnoj deyatelnosti) // Vestnik IGEHU. 2010. № 1. S. 1–5.
5. Informatsionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam provedeniya monitoringa ehffektivnosti deyatelnosti obrazovatel'nykh organizatsij vysshogo obrazovaniya // Monitoring pokazatelej ehffektivnosti deyatelnosti vuzov, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vp> (data obrasheniya 20.01.2022)
6. Kolmagorova YU. V., Vasil'eva I. S. EHksportnyj potentsial rossijskoj sistemy vysshogo obrazovaniya // KPZH. 2009. № 11–12. S. 73–79.
7. Kostyukov A.L. Osobennosti ehksporta rossijskikh obrazovatel'nykh uslug // Kazachestvo. 2016. №7 (20). S. 51–66.
8. Melikyan A.V. Vnutrennie faktory rezul'tativnosti ehksporta obrazovaniya v rossijskikh vuzakh // Voprosy obrazovaniya. 2018. № 3. S. 146–179.
9. Mironova S.V., Timchenko N.S. EHksport vysshogo obrazovaniya v Rossii: obzor teoreticheskikh podkhodov i prakticheskikh reshenij // Sotsiodinamika. 2020. № 11. S. 65–80.
10. Naletova I.V., SHHerbakova A.A. Vliyanie protsessa globalizatsii na vysshee obrazovanie // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2017. №2 (18). S. 147–151.
11. Pandemiya COVID-19: konets privychnogo mira? / A. V. Abramov, V. EH. Bagdasaryan, S. O. Byshok, S. V. Volodenkov, D. G. Evstaf'ev, V. G. Egorov, N. A. Komleva, N. S. Kramarenko, A. V. Manojlo, O. M. Mikhajlyonok, A. I. Petrenko, V. F. Prokof'ev // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2020. № 2. S. 1–81.
12. Rossijskie i kitajskie vuzy podpisali soglasheniya o sotrudnichestve // Minobrnauki, [EHlektronnyj resurs]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=39705 (data obrasheniya 15.01.2022).
13. San Tyan'tszy Osobennosti i klyuchevye tendentsii v sotrudnichestve RF i KNR v oblasti vysshogo obrazovaniya // Vestnik NGU. Seriya: Sotsial'no-ehkonomicheskie nauki. 2019. №1. S. 107–114.
14. KHoroshilov A.V., Maksyukov N.I. K probleme internatsionalizatsii obrazovaniya // Otkrytoe obrazovanie. 2002. №1. S. 52–63.
15. CHapenko A.A. Analiz ehksporta obrazovatel'nykh uslug Rossii na sovremennom eh tape // EHkonomika i biznes: teoriya i praktika. 2019. № 9. S. 221–225.
16. CHzhao Dan' Problemy i perspektivy transgranichnogo sotrudnichestva KNR i Rossii v sfere vysshogo obrazovaniya v usloviyakh vyzovov globalizatsii // Caucasian Science Bridge. 2019. №4 (6). S. 10–16.
17. YUrchenko N.A. Internatsionalizatsiya vysshogo obrazovaniya v Primorskom krae: retrospektiva i perspektiva // Territoriya novykh vozmozhnostej. Vestnik VGUEHS. 2015. №2 (29). S. 39–46.
18. Hans de Wit. Global: Internationalization of Higher Education: Nine Misconceptions // Understanding Higher Education Internationalization: Insights from Key Global Publications. 2017. pp. 9–12.
19. Okulicz-Kozaryn W. Market of educational services in conditions of globalization // EHkonomika i biznes: teoriya i praktika. 2019. №2. S. 101–107.
20. Wende M.C. Globalization and Access to Higher Education // Journal of Studies in International Education. 2003. № 7(2). pp. 193–206.
21. Yang R. Transnational Higher Education in China: Contexts, Characteristics and Concerns // Australian Journal of Education. 2008. №52(3). pp. 272–286.

Информация об авторах

Ван Бин, аспирант Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия, e-mail: Wang.Bing@vvsu.ru

Александр Павлович Латкин, д-р экон. наук, руководитель Института подготовки кадров высшей квалификации Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия, e-mail: aleksandr.latkin@vvsu.ru

Information about the authors

Wang Bing, Postgraduate Student, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: Wang.Bing@vvsu.ru

Alexander P. Latkin, Doctor of Economical Sciences, Head of the Highly Qualified Personnel Institute, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: aleksandr.latkin@vvsu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 23.03.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 04.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 16.05.2022

Научная статья
УДК 316
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/131-137>

Рейтинг популярных видеоблогеров: взгляд современных подростков

Евгения Евгеньевна Абросимова
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия,
gajjony@mail.ru
Александра Геннадьевна Филипова
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия;
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, alexgen77@list.ru

Аннотация. Интерес к видеоблогингу как со стороны подростков, так и со стороны взрослых пользователей значительно вырос за последние несколько лет. Этому поспособствовало развитие виде-охостинговых платформ и профессионализация контента. Однако детско-юношеская аудитория на протяжении уже длительного периода так и остается основным потребителем данного медиапродукта. Статья содержит информацию о результатах социологического исследования, направленного на понимание того, что именно привлекает современных подростков в видеоблогосфере. Результаты исследования позволили сформулировать наиболее значимые компоненты видеороликов для современных подростков. Также в результате исследования был составлен рейтинг популярных видеоблогов (видеоканалов) среди детско-юношеской аудитории. В качестве основы формирования рейтинга был использован официальный рейтинг и данные опроса подростков.

Ключевые слова: видеоблоги, рейтинг, анкетирование, интервью, дети, подростки, интернет, блоги

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31699

Для цитирования: Абросимова Е. Е., Филипова А. Г. Рейтинг популярных видеоблогеров: взгляд современных подростков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 131–137. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/131-137>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/131-137>

Rating of popular video bloggers: the view of modern teenagers

Evgenia E. Abrosimova
Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, gajjony@mail.ru
Alexandra G. Filipova
Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia;
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, alexgen77@list.ru

Abstract. The popularity of vlogging by both teenagers and adults has grown significantly over the past few years. This was facilitated by the development of video-hosting platforms and the professionalization of content. However, the children's and youth segment remains the main consumer of this media product for a long period of time. The article contains information about the results of a sociological study aimed at understanding what exactly attracts modern teenagers in the video blogosphere. The results of the study made it possible to formulate the most significant components of video content for modern children and adolescents. Also, as a result of the study, a rating of popular video blogs (video channels) among the youth audience was compiled. The official rating and data from a survey of children and adolescents were used as the basis for the formation of the rating.

Key words: Key words: video blogs, rating, questioning, interviews, children, teenagers, internet, blogs

The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and EISI within the framework of scientific project No. 21-011-31699

For citation: Abrosimova E. E., Filipova A. G. Rating of popular video bloggers: the view of modern teenagers // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 131–137. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/131-137>

Введение

Стремительное развитие интернет пространства, в частности сегмента видеоблогосферы, частично ликвидировало монополию традиционных СМИ на сбор и распространение любой информации среди интернет-пользователей. Этому способствовало и технологическое развитие современного общества в целом, и развитие видеохостинговых платформ, в частности YouTube. Теперь каждый интернет – пользователь может создать свой персональный ресурс и распространять свои мысли и суждения и оценки различных событий.

Особого внимания заслуживает подростковый сегмент видеоблогосферы, ведь именно эта демографическая группа определяется резкими скачками социокультурного развития, с одной стороны. С другой стороны, именно эта социально-демографическая группа в наибольшей степени подвержена влиянию различных трансформаций и перемен, в том числе и в онлайн пространстве. Именно подростки являются основными потребителями видеоблогов. Videоблогосфера может стать для ребенка виртуальным социумом, в котором он реализует коммуникативную функцию посредством виртуального общения с людьми со схожими интересами.

Очевидно, что стремительное развитие видеоблогосферы актуализирует исследовательский интерес к этому вопросу. На данный момент подробно описано жанровое разнообразие видеоблогов [3; 8], отдельные работы посвящены образовательному потенциалу видеоблогов [5; 7], также ряд работ отражает тот факт, что современная видеоблогосфера оказывает влияние на сознание как молодежи, так и населения в целом [2; 4].

Иными словами, современное научное сообщество всё больше погружается в различные аспекты изучения видеоблогосферы. Анализируя работы авторов, становится очевидно, что, несмотря на различные исследовательские векторы, первоочередные цели видеоблогера – увеличение зрительской аудитории и популяризация самого влога [6].

Ряд исследований зарубежных авторов посвящён выявлению способов построения идентичности молодёжи посредством социальных сетей, блогов, дискуссионных форумов, видеохостингов с этнографической, дискурсивной и социолингвистической точек зрения. Новые формы самовыражения возможно понять только в многозначном контексте разнообразия языковых и прочих средств, используемых в цифровой среде социальных сетей. Самовыражению подростков в социальных сетях свойственна мультимодальность – множественность семиотических средств (язык, изображение, звук, шрифт, отсылки к другим текстам и пр.) [14; 15]. Языковые и дискурсивные средства являются ключом к построению идентичности. Практика написания сообщений подвергается оценке как самих подростков, так и круга их общения [11; 12].

Исследовательский вопрос

Как было написано выше, дети и подростки являются основными потребителями видеоконтента [1]. Специфика данной демографической группы актуализирует исследовательский вопрос, направленный на понимание того, что именно привлекает современных подростков в видеоблогосфере, почему именно этот вид контента популярен среди подростков.

Методологическая основа исследования представлена моделью парасоциальных взаимодействий. Термин "парасоциальное взаимодействие" предложен Дональдом Хортоном и Ричардом Волем в 1956 г. для описания реакций зрителей на медийных персонажей (личностей) в ходе потребления медийного контента. Они определили парасоциальное взаимодействие как "симулякр разговорного обмена мнениями" [13], который пользователи испытывают в ответ на действия медийного исполнителя ("личности") в ситуации медийного воздействия. Хортон и Вол утверждают, что парасоциальное взаимодействие воспринимается пользователями в качестве близкого взаимного социального взаимодействия, хотя они знают, что это лишь иллюзия. Значимой характеристикой парасоциального взаимодействия является то, что, несмотря на отсутствие обратной связи, зрители часто чувствуют, что личности к ним обращаются [10]. Соответственно, исследования показали, что ключевые импульсы, играющие важную роль в социальных взаимодействиях, также важны для установления парасоциального взаимодействия.

Методы и материалы исследования

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе были опрошены респонденты-подростки, которые указали свои предпочтения в видеоблогосфере. Всего было опрошено 46 человек. Все дети на момент опроса отдыхали во всероссийском детском центре "Океан". Специфика опроса заключалась в том, что отдыхающие ВДЦ "Океан" – это участники тематической смены, попасть на которую могут только те, кто имеет различные достижения в творческой, научной или спортивной деятельности. Формирование рейтинга ви-

Таблица 1. Количественные характеристики видеоканалов видеоблогеров на 27.07.2021 г.
Table 1. Quantitative characteristics of video bloggers' video channels as of July 27, 2021

	Название видеоблога (канала)	Дата создания	Общее количество видеороликов	Общее количество подписчиков, млн чел.	Общее количество просмотров
1	The Brian Maps	4 ИЮН. 2012 г.	448	15,6	3 659 188 268
2	Дима Масленников	9 МАР. 2014 г.	357	10,6	1 423 242 152
3	Kuplinov Play	23 ДЕК. 2012 г.	6102	11,1	4 550 180 457
4	Топлес	19 ИЮН. 2013 г.	170	4,33	469 952 625
5	Marmok	28 АПР. 2008 г.	316	16,1	2 743 733 627
6	A4	29 НОЯБ. 2014 г.	425	32,7	9 185 816 680
7	Ивангай	20 МАР. 2013 г.	353	17,8	3 762 585 701
8	HiMan	16 ОКТ. 2014 г.	251	15,9	1 784 509 896

Источник: составлено авторами по данным, представленным в официальных аккаунтах видеоблогеров на видеохостинге Youtube в разделах "Главная" и "О канале".

Source: compiled by the authors based on the data provided in the official accounts of video bloggers on Youtube video hosting in the sections "Main" and "About the channel".

деоблогеров оказалось сложной задачей. Всего респондентами было указано более 80 любимых видеоблогеров. Условное выделение наиболее популярных привело к пяти "лидерам": "The Brian Maps", "Топлес", Дима Масленников, "Kuplinov Play", Marmok. Условность полученного рейтинга заключается в том, что данные видеоблогеры набрали всего от 5 до 8 выборов. Однако в силу того, что респонденты суммарно указали более 80 видеоблогеров, следует воспринимать данный результат как показательный.

Рейтинг подросткового сегмента видеоблогосферы явление очень "подвижное" и динамичное [1]. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, как уже отмечалось выше, подростки очень специфичная демографическая группа с потенциально частой сменой интересов. Во-вторых, само появление новых "инфлюэнсеров" в медийном пространстве происходит достаточно часто. Именно по этой причине авторами было принято решение усилить рейтинг, полученный от информантов, официальными данными статистики. На июнь 2021 года в десятке наиболее популярных в русскоязычном сегменте "подростковых" блогеров оказались следующие: А4, Влад Бумага, Ивангай, HiMan, Marmok, TheBrianMaps [8].

Совмещение двух рейтингов (подросткового и экспертного) позволило сформировать список из восьми видеоблогеров. Именно на этот рейтинг опирались информанты, участвующие во втором этапе исследования. Респондентов просили прокомментировать составленный рейтинг, объяснить популярность этих видеоблогеров и др. Данные отражающие основные количественные характеристики отобранных видеоблогов представлены в *таблице 1*.

Второй этап исследования подразумевал полустандартизованное интервью с подростками. Этот метод сбора социологической информации позволил интервьюерам придерживаться определённого плана вопросов, однако не ограничивал респондентов в возможности высказаться по поводу любимых видеоблогеров, их личностных характеристик и предлагаемого к просмотру контента, частоты и времени просмотра, написания комментариев к видео, а также участия в эфирах, форумах и пр.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе исследования была предпринята попытка выяснить у респондентов причину выбора тех или иных видеоблогеров. Однако мы не получили убедительные объяснения. На втором этапе респондентам был задан вопрос, который касался оценки составленного в ходе исследования рейтинга. Этот вопрос имеет более широкий потенциал для получения информации, чем вопрос "Почему ты смотришь своего любимого видеоблогера?". Подросткам проще давать опосредованное описание (соотносить себя с референтной группой), чем отвечать про себя и свой выбор. Специфика популярных у подростков видеоблогеров заключается в том, что практически все респонденты знакомы с содержанием их контента, даже если они не являются любимыми блогерами.

Глубокая, "качественная" проработка транскриптов подростковых интервью позволила выделить следующие категории кодирования: "эмоциональный компонент видео", "социальное взаимодействие зрителя и видеоблогера" и "содержательные характеристики видео".

Наиболее яркие высказывания отражают то, каким образом подростки понимают причину популярности топовых YouTube каналов, подчеркивая особенности отдельных персонажей. Одним из объяснений быстрого взлета является попадание в тренд: *Макс один из первых, кто зашел на ютуб, естественно, что за 9 лет он набрал 15 млн. В 2012 он был один из немногих блогеров, поэтому довольно быстро поднялся.* (Зина, 14 л., Владивосток)

Эмоциональный компонент видео очень значим для аудитории пользователей, которая в данном случае оказывается сродни телевизионной аудитории. Видео должно "цеплять" с первой минуты просмотра, именно так видеоблогер может удержать внимание аудитории:

(зачем видеоблогеру The Brian Maps фильм?) потому что хочется свою аудиторию повеселить, у него прилично так подписчиков на канале... в основном, как стёб, просто посмотреть, интересно так, да (Слава, 17 л., Новосибирск)

(про Marmok) тоже снимает всякие игры, т.е. нарезки из игр, где постоянно стёб, смех и прочие... вещи... ну и постоянно всякие ошибки в играх ловит, смотрит. где какие ошибки возникают и над этими ошибками стебётся... (Слава, 17 л., Новосибирск)

Данные высказывания говорят о том, что для зрителей важен позитивный настрой автора, они любят юмористический контент, их привлекает "стёб" и смех. Отсутствие цензуры, возможность почувствовать себя более взрослым и самостоятельным, а также возможность приблизиться к современному миру, делает этот контент максимально востребованным среди подростков.

Веселый и юмористический мотив видео авторы сразу актуализируют в описании своего канала. Так, The Brian Maps описывает свой канал как *"Я делаю всякий смешной stuff (или нет), поэтому. subscribe?"*. Marmok дает следующее описание своего канала: *"Здесь я пытаюсь поднять людям настроение смешными нарезками по различным играм, и не только"*. Дима Масленников пишет: *"Это крутой развлекательный канал!!! Тут выходят уникальные и интересные шоу"*. Влад А4 идентифицирует себя со своим каналом: *"На канале ты сможешь найти интересного парня, который всегда расскажет тебе что-нибудь интересное, рассмешишь и просто поднимет настроение"*.

Следующий блок высказываний участников исследования отражает значимость социального взаимодействия зрителя и видеоблогера. Эмоциональный контакт, который достигается в результате этого парасоциального взаимодействия, чрезвычайно важен для подростков-зрителей. Очень часто респонденты говорили о Куплинове как о видеоблогере, создающем приятную атмосферу для взаимодействия:

Куплинов – он постоянно на камеру снимает свою реакцию на игру, все эти эмоции, которые действительно, неподкупны, никаким образом, т.е. действительно вот реальные эмоции человека... (Слава, 17 л., Новосибирск)

Kuplinov Play – забавный, ламповый, тоже интересный. Друг, он достаточно добрая личность, общительный с фанатами. (Даня, 14 л., Комсомольск-на-Амуре).

Очень часто ролевое поведение видеоблогера по отношению к своим зрителям описывается подростками как "друг", "советчик", "близкий человек". Видеоблогеры обращаются к аудитории, приглашая придумывать новые темы для своих видео, писать комментарии и ставить лайки, т.е. всячески поддерживают парасоциальные отношения. В качестве "значимых других" видеоблогеры дают советы, к которым часто прислушиваются подростки:

Ну, когда она красилась, она посоветовала краску, ну, для волос, я ей покрасилась, она рассказала, как правильно смешивать, в каких пропорциях и так далее... я все сделала и получилось очень хорошо (Лера, 14 л., Владивосток)

Еще один код, выделенный для анализа, это содержательные характеристики видео. Стремительное развитие медиа индустрии на сегодняшний день сформировало требования к качеству видео: зритель не готов смотреть "домашнее" видео, а ждёт качественный сценарий и хорошую "картинку":

Торпы ради видео очень сильно замораживаются, куда-то выезжает, бывает снимает контент необычный для своего канала. Это могут быть длинные видео. И даже реклама в этих видео классно реализована. Ты смотришь видео и не замечаешь, как уже смотришь рекламу и потом опять видео. Даже в рекламе используются научные доказательства, которые ты можешь сам проверить. (Иван, 14 л., Комсомольск-на-Амуре)

Дима Масленников – мне нравится его контент, т.к. он интересный. захватывающий, в нем присутствуют элементы неожиданности и ...ну, всего нового и интересного (Максим, 15 л., Владивосток)

Хай мен – в каждый эксперимент вкладываются деньги... и в целом встречаются такие вещи, которые в реальности сделать довольно трудно. Огромные эксперименты с кока-колой, с ментосом, всякие – создание машин, создание комнаты ужасов, т.е. ну, много всего (Федор, 14 л., Санкт-Петербург).

Видеоблогеры активно используют визуальные и звуковые эффекты, анимационные заставки усиливают эмоциональную составляющую контента.

Так, например, Дима Масленников и его команда уделяют серьезное внимание звуковому сопровождению видео. Его ролик с распаковкой посылки с Даркнета сопровождается жуткой музыкой и полумраком, что усиливает эффект неизвестности и потенциальной опасности. Во время поиска посылки съемка ведется с разных ракурсов, в том числе, с воздуха.

Заключение

Составленный в ходе исследования рейтинг видеоблогеров помог выйти на ключевые для современных подростков характеристики видео – "эмоциональный компонент видео", "социальное взаимодействие зрителя и видеоблогера" и "содержательные характеристики видео". Современные "инфлюэнсеры" в медийном пространстве успешно ориентируются на них, максимально преподнося информацию в развлекательной форме с апелляцией к эмоциям аудитории за счет визуальных и аудиоэффектов, мультижанровости и различных форм коммуникации с аудиторией. Однако современные трансформации онлайн пространства уже формулируют новые требования к качеству контента как технического, так и содержательного характера. Постепенная профессионализация YouTube приводит к распространению образовательных направлений видеоблогинга.

Литература

1. Абросимова Е.Е., Филипова А.Г., Ардальянова А.Ю. Видеоблогинг глазами детей и взрослых: социологический анализ. СПб.: Астерион, 2019. 230 с.
2. Бареев М.Ю., Качурина И.О. Youtube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионоведение. 2019. Т. 27. № 3 (108). С. 572–587.
3. Бычкова М. Б. Современный видеоблог: причины популярности и жанровое многообразие // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 127–131.
4. Гигаури Д.И., Гуторов В.А., Ширинянц А.А. Youtube-блогеры как лидеры общественного мнения молодежи: новые технологии формирования идентичности в виртуальном пространстве // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 51–58.

5. Девдариани Н.В., Рубцова Е.В. Обзор онлайн-ресурсов ted talks и youtube с позиции их методического потенциала в обучении иностранному языку // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 50–52.
6. Медведева Е. В. Специфика аудитории видеоблога и ее влияние на процесс ретинальной коммуникации // Медиалингвистика. 2021. Т. 8 № 3. С. 261–272.
7. Попов Н.Н., Абрамов В.М., Абрамов В.А., Ткаченко Г.Н., Трунин С.В. Разработка цифровой платформы для дистанционного обучения по дисциплинам университета // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2019. № 55. С. 137–143.
8. Терских М. В., Лущиков В. А. Рекламные интеграции в видеоблогах: форматы, жанры и языковые особенности // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 3 (43). С. 184–207.
9. У кого больше всего подписчиков на YouTube: ТОП-20 самых популярных видеоблогеров в России и в мире [Электронный ресурс]: URL:<https://postium.ru/populyarnye-videoblogery-youtube/> (дата обращения 27.07.2021)
10. Auter, P.J., Davis, D.M. When characters speak directly to viewers: Breaking the fourth wall in television // Journalism Quarterly. 1991. № 68. P. 165–171.
11. Barton, D., Lee, C. Redefining Vernacular Literacies in the Age of Web 2.0 // Applied Linguistics. 2012. № 33(3). P. 282–298. <http://doi.org/10.1093/applin/ams009>
12. Barton, D., Lee, C. Language Online. Investigating Digital Texts and Practices. London: Routledge, 2013.
13. Horton, D., Wohl, R. R. Mass communication and para-social interaction: Observations on intimacy at a distance // Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes. 1956. № 19(3). P. 215–229. <https://doi.org/10.1080/00332747.1956.11023049>
14. Kress, G., van Leeuwen, T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London: Routledge, 1996.
15. Kress, G., van Leeuwen, T. (Eds.). Multimodality. London: Sage, 2001.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abrosimova E.E., Filipova A.G., Ardal'yanova A.YU. Videoblogging glazami detej i vzroslykh: sotsiologicheskij analiz. SPb.: Asterion, 2019. 230 s.
2. Bareev M.YU., Kachurina I.O. Youtube kak faktor formirovaniya protestnogo potentsiala molodezhi // Regionologiya. 2019. Т. 27. № 3 (108). S. 572–587.
3. Bychkova M. B. Sovremennyy videoblog: prichiny populyarnosti i zhanrovое mnogoobrazie // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2019. № 1 (60). S. 127–131.
4. Gigauri D.I., Gutorov V.A., SHirinyants A.A. Youtube-blogery kak lidery obshhestvennogo mneniya molodyozhi: novye tekhnologii formirovaniya identichnosti v virtual'nom prostranstve // Kaspijskij region: politika, ehkonomika, kul'tura. 2019. № 3 (60). S. 51–58.
5. Devdariani N.V., Rubtsova E.V. Obzor onlajn-resursov ted talks i youtube s pozitsii ikh metodicheskogo potentsiala v obuchenii inostrannomu yazyku // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2020. Т. 9. № 4 (33). S. 50–52.
6. Medvedeva E. V. Spetsifika auditorii videobloga i ee vliyanie na protsess retial'noj kommunikatsii // Medialingvistika. 2021. Т. 8 № 3. S. 261–272.
7. Popov N.N., Abramov V.M., Abramov V.A., Tkachenko G.N., Trunin S.V. Razrabotka tsifrovoy platformy dlya distantsionnogo obucheniya po distsiplinam universiteta // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo gidrometeorologicheskogo universiteta. 2019. № 55. S. 137–143.
8. Terskikh M. V., Lushhikov V. A. Reklamnye integratsii v videoblogakh: formaty, zhanry i yazykovye osobennosti // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 3 (43). S. 184–207.
9. У кого больше всего подписчиков на YouTube: ТОП-20 самых популярных видеоблогеров в России и в мире [Электронный ресурс]: URL:<https://postium.ru/populyarnye-videoblogery-youtube/> (дата обращения 27.07.2021)
10. Auter, P.J., Davis, D.M. When characters speak directly to viewers: Breaking the fourth wall in television // Journalism Quarterly. 1991. № 68. P. 165–171.
11. Barton, D., Lee, C. Redefining Vernacular Literacies in the Age of Web 2.0 // Applied Linguistics. 2012. № 33(3). P. 282–298. <http://doi.org/10.1093/applin/ams009>
12. Barton, D., Lee, C. Language Online. Investigating Digital Texts and Practices. London: Routledge, 2013.
13. Horton, D., Wohl, R. R. Mass communication and para-social interaction: Observations on intimacy at a distance // Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes. 1956. № 19(3). P. 215–229. <https://doi.org/10.1080/00332747.1956.11023049>
14. Kress, G., van Leeuwen, T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London: Routledge, 1996.
15. Kress, G., van Leeuwen, T. (Eds.). Multimodality. London: Sage, 2001.

Информация об авторах

Евгения Евгеньевна Абросимова, канд. соц. наук., начальник отдела организации научно-исследовательской работы Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия, e-mail: gaijony@mail.ru

Александра Геннадьевна Филипова, д-р соц. наук., заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия; старший научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: alexgen77@list.ru

Information about the authors

Evgenia E. Abrosimova, Candidate of Sociology, Head of Department for Organization of Research Work, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: gaijony@mail.ru

Alexandra G. Filipova, Doctor of Sociology, Head of Complex Research Laboratory for Study of Childhood, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia; Senior Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: alexgen77@list.ru

Поступила в редакцию

(Received) 19.08.2021

Одобрена после рецензирования

(Revised) 06.05.2022

Принята к публикации

(Accepted) 16.05.2022

Научная статья
УДК 316.334.56
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/138-151>

"Частный сектор" в семиотической системе "постсоветского" города

Дмитрий Олегович Тимошкин
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия;
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, Dmtrtim@gmail.com
Константин Вадимович Григоричев
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия;
Tomsk State University, Tomsk, Russia, grigoritchev@yandex.ru

Аннотация. Объектом исследования стали репрезентации городских социально-пространственных структур в различных типах языков массовой коммуникации. На примере Иркутска мы определяем, каким смыслом словосочетание "частный сектор" наделяется в сообщениях профессиональных медиа, отобранных с использованием Национального корпуса русского языка, ведомственных пресс-релизов, а также – текстах, представленных на первых страницах результатов поиска Google и Яндекс по запросу "частный сектор Иркутск". Рассматривая частный сектор как "пустой знак", мы узнаем, с какими топонимами, социальными маркерами и практиками он связывается в "языке власти" и текстах, которые поисковые алгоритмы посчитали наиболее релевантными интересам пользователей сети. Цель исследования – установить сходства и различия между образами "частного сектора" в семиотических системах, создаваемых разными социальными акторами: профессиональными журналистами, городской бюрократией и поисковыми алгоритмами.

Ключевые слова: "частный сектор", город, "язык власти", медиа, поисковые системы, семиотика города

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ No 20-011-00282 "Частный сектор региональных столиц Сибири и Дальнего Востока: структура и практики повседневности "негородских" сообществ"

Для цитирования: Тимошкин Д. О., Григоричев К. В. "Частный сектор" в семиотической системе "постсоветского" города // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 138–151. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/138-151>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/138-151>

Areas of single-family houses in the semiotic system of the "post-Soviet" city

Dmitry O. Timoshkin
Irkutsk State University, Siberian Federal University, Irkutsk, Russia;
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, Dmtrtim@gmail.com
Konstantin V. Grigorichev
Irkutsk State University, Siberian Federal University, Irkutsk, Russia;
Tomsk State University, Tomsk, Russia, grigoritchev@yandex.ru

Abstract. The object of the research is the representation practices of urban socio-spatial structures in various types of mass communication. On the example of Irkutsk, we define what the meaning of the term "private sector" (Areas built up with single-family houses) gains in the media, selected using the National corpus of the Russian language, departmental press releases and texts presented in the first pages of search results of Google and Yandex on request "private sector Irkutsk". By treating the private sector as an "empty sign", we learn which toponyms and social practices it associates with in the texts that different social actors produce. The aim of the study is to establish the similarities and differences between the images of the "private sector" in the semiotic systems created by different social actors: professional journalists, urban bureaucracy and search algorithms.

Key words: "private sector", city, media, search engines, semiotics of the city

The article was prepared within the framework of the RFBR project No. 20-011-00282 "The private sector of the regional capitals of Siberia and the Far East: the structure and practices of everyday life of "non-urban" communities"

For citation: Timoshkin D. O., Grigorichev K. V. Areas of single-family houses in the semiotic system of the "post-Soviet" city // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 138–151. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/138-151>

Введение

Город, как и другие семиотические структуры [71, с. 225; 76], определяется соглашениями о смыслах, вкладываемых использующими ее людьми в отдельные знаки [81] – здания, улицы, районы. Они выступают не только местом социальных отношений, но предпосылкой социальности. [83] Каждый из них связан с воспоминаниями [50], которые и наполняют городскую материальность смыслами.

Производством пространства можно назвать акт создания, изменения материальности города и формирование ассоциативных связей между городским материальным объектом и социальными смыслами. К. Линч мог бы назвать этот процесс созданием "образа города" [40]. В нем участвует каждый, взаимодействующий с городским пространством. Однако акторы, имеющие больше власти для распространения и навязывания своего видения города, могут воздействовать на этот процесс в значительно большей степени.

Мы рассмотрим образы "частного сектора", конструируемые акторами, обладающими огромными возможностями для "производства пространства": алгоритмами Google и Яндекс, частными и государственными медиа. "Частный сектор" выбран в силу того, что, занимая немалую часть сибирских городов [72], он постоянно выносится за пределы понятия "городского". Автоэтнографические обращения к субъективному опыту [67] показывают, что "частный сектор" является маргиналией, находящейся на границе между городом и не-городом, между социально приемлемым и девиантным.

Обзор репрезентаций города в медиа показывает [78], что эти представления не уникальны. Горожане и журналисты считают, что старые деревянные дома – а именно с ними ассоциируется частный сектор в первую очередь – не должны быть частью городских пейзажей. Задачей нашей статьи является определение включенности локальностей "частного сектора" доминирующий в образ российского города, степени распространенности и устойчивости представлений о районах усадебной застройки как имманентной части городского ландшафта. Иными словами, мы попытаемся установить, определяются ли такие районы как неотъемлемая часть города или, напротив, как не-городской ландшафт, сохранившийся в пространстве российского города в качестве артефакта советской урбанизации. Какими акторами и через какие маркеры транслируется включенность/исключенность "частного сектора" из образа "нормального" города.

"Частный сектор" нередко попадает в "слепое пятно" наблюдателя. Особенно – наблюдателя, привыкшего ориентироваться на "образы города" [41], сформированные городскими архитекторами и дискутирующих с ними урбанистами, в которых "город" – это строго упорядоченная застройка с четко определенным набором функций. Исследователи современных российских городов фокусируются, как правило, на мегаполисах. Эта традиция, заданная еще Г. Зиммелем [30] и чикагской школой [97], влияет на исследовательскую оптику. Вместе с тем пространства "частного сектора" составляют до трети территории многих крупных российских городов [20]. До сих пор неочевидно, как облик и структура этих мест соотносится с урбанизмом [6].

Мы будем говорить о том, как "пустой знак" частного сектора наделяется смыслом в трех группах текстов. Подборке материалов прессы 2000-х годов, миллионах газетных текстов объемом не менее 200 слов [69], интегрированных корпусом русского языка, дающего возможность работы с репрезентативным массивом и более или менее уверенной генерализацией наблюдений [3]. В сообщениях ведомственных пресс-служб, своеобразном воплощении "фонового знания" власти о "частном секторе". А также – в текстах, размещенные на первых 10 страницах результатов поиска Google, Яндекс и DuckDuckgo. Предполагалось, что алгоритмы выносят на первые позиции тексты, которые определяются ими [73] как наиболее релевантные запросу, релевантность при этом определяется пользовательской реакцией [60]. То есть, на первых страницах будут тексты, которые поисковый алгоритм сочтет наиболее соответствующими ожиданиям усредненного пользователя.

Все эти тексты рассматриваются как артикулированные позиции трех социальных акторов, в которых "частный сектор" связывается с пространственными и социальными маркерами. Каждый из акторов оказывает влияние на формирование города как семиотической системы, определяя связанные с местом смыслы. Если способность СМИ и государственных институтов влиять на повестку дня сегодня кажется очевидной, то роль поисковых алгоритмов вызывает споры [91; 94; 95; 96].

Цифровизация медиа означает, что повестка дня все чаще сводится к комбинации картинок и знаков, формируемой в ответ на пользовательский запрос алгоритмом, корректирующим процесс самонаблюдения общественной системы [42, с. 151]. Владельцы Google, говоря о работе системы, утвержда-

ют, что релевантность выдачи оценивается "на основе <...> данных о том, как пользователи взаимодействуют с результатами поиска", и других факторов. Яндекс заявляет, что способен считать "намерения" пользователя. Так или иначе, алгоритм интерпретирует пользовательские намерения, меняя в зависимости от этих интерпретаций информацию, предоставляемую пользователю, следовательно, является социальным актором. Действия всех трех акторов (размещение в публичном пространстве текстов и определение их порядка в зависимости от интерпретации намерений пользователя) можно рассматривать как акты определения позиции "частного сектора" в семиотической системе города [71 : 225].

Анализ упоминаний "частного сектора" в языке медиа выполнялся с помощью корпуса русского языка, тексты подбирались через лексико-грамматический поиск. Поскольку для большинства газетных текстов в корпусе омонимия не снята, из выявленных вхождений отбирались только связанные с использованием словосочетания для описания пространства и/или сообщества. В качестве контрольного среза выполнялся аналогичный поиск по общему корпусу, что позволило сопоставить частоту употребления данной леммы в газетных и иных текстах.

Поиск ведомственных пресс-релизов осуществлялся с помощью встроенных поисковых систем на сайтах Иркутской городской администрации и правительства области. Предполагалось, что именно они чаще всего взаимодействуют с "частным сектором", следовательно, с наибольшей вероятностью представят его определение. Иркутск был выбран как относительно крупный сибирский город с обширными зонами ИЖС в городской черте. Чтобы определить позицию Google, Яндекс и DuckDuckgo, в каждую систему вводился запрос "частный сектор Иркутск", анализировались первые 100 текстов в выдаче, так как пользователи крайне редко заходят дальше 3 страницы.

В качестве базовых единиц сематического анализа использовалось словосочетание "частный сектор" в различных словоформах и эффемизмы, применяемые для обозначения таких районов города во властных текстах. В анализе учитывались грамматические определения "частного сектора", включенные по смыслу в анализируемые фразы без учета расстояния. В смысловых единицах текстов через грамматические конструкции и используемые авторами коннотации выявлялось противопоставление или отождествление "частного сектора" с городом и городским образом жизни.

"Частный сектор" в корпусе газетных текстов

Общий поиск в Национальном корпусе русского языка показывает 277 документов с 405 употреблениями ("вхождениями") словосочетания "частный сектор", что говорит о невысокой частоте его употребления. Ручной поиск выделяет 67 документов, где лексема использована в нужном контексте. В остальных употреблениях речевой оборот "частный сектор" связан с негосударственным сегментом экономики и используется в аналитических материалах. В необходимом для нас контексте словосочетание "частный сектор" в большинстве случаев используется в текстах СМИ. В два раза реже (22 употребления) оно встречается в художественных текстах.

Среди художественных текстов лишь один из них относится к советской драматургии (А. Вампилов "Старший сын"), остальные – к современной прозе, что указывает на устойчивое бытование выражения в постсоветское время. Лексема используется для быстрого погружения в пространственный контекст, дополняясь лишь одной-двумя уточняющими структурами места действия деталями ("жалкие углы, в которых нет ни санузла, ни горячей воды"[43], "к черту на кулички, в частный сектор"[12]).

Таким образом, можно более или менее уверенно предполагать, что словосочетание "частный сектор" в основном используется для описания городского пространства в неформализованных текстах, не претендующих на аналитику либо художественную ценность. Такие тексты, ориентированные на представление новостной информации, предполагающие знание читателем контекста ориентируют, прежде всего, на материалы газет (как печатных, так и электронных).

Обращение к корпусу газетных текстов дает больший результат: 1568 документов и 1857 вхождений по словосочетанию "частный сектор", из кото-

рых 619 описывают город. Это позволяет судить о распространенности и устойчивости словосочетания "частный сектор" для описания специфической части городского пространства. Можно уверенно говорить об устойчивости смысла словосочетания: из более, чем шестисот выявленных употреблений лишь в двух случаях выражение требует пояснения ("так называемый "частный сектор"). В остальных фраза употребляется конвенционально для описания типа пространства, обладающего спецификой ландшафта (малоэтажная усадебная застройка), имеющего "не городской" характер (неблагоустроенность, нерегулярная планировка, отсутствие дорог, тротуаров). Авторами предполагается понимание читателем специфики пространства и коннотаций выражения "частный сектор".

Анализ географии событий в опубликованных материалах позволяет говорить о распространении феномена по большей части постсоветского пространства. Релевантные публикации встречаются от Хабаровска до Сочи. Выражение "частный сектор" используется для описания городов Казахстана [77], Киргизии [8], Украины [10], Белоруссии [37], районов малоэтажной застройки в Турции [4], Кубе [87], Панаме [57], Болгарии [84].

Выражение "частный сектор" используется для переноса на иностранные города коннотаций, сложившихся в отечественном городе. Устойчивое использование лексемы позволяет предполагать распространенность феномена и неизменность его содержания. Независимо от места и времени описываемых событий, "частный сектор" – всегда пространство, не имеющее регулярной планировки и вертикальных доминант.

Поскольку газетный текст по своей природе тесно связан с повседневностью, устойчивое и конвенциональное употребление выражения "частный сектор" свидетельствует о распространенности и органичном включении в город описываемого им типа пространства. Отсутствие специальных пояснений предполагает общее понимание автором и читателями организации физического и социального пространства этого сегмента советского и постсоветского города.

Вместе с тем, несмотря на то, что местом действия в газетных публикациях является город или поселок городского типа, "частный сектор" выводится из города, противопоставлен ему ("*так называемый частный сектор больше похож на деревню*" [46], "*параллельно мегаполису здесь существует маленький уютный мир частного сектора*" [36]) или, по крайней мере, контекстуально выделяется из городского пространства ("*несколько улиц и частный сектор*" [39]). Локальности усадебной застройки, описываемые выражением "частный сектор", понимаются здесь как своего рода "не-город", одновременно являющимся неотъемлемой частью города. Маркерами границы города и "не-города" выступают визуальные отличия: "нагромождение" построек [35] с "удобствами на улице" [46] и "домов с печным отоплением". [24]

В газетных текстах "частный сектор" – это еще и специфическая система отношений. Социальное пространство таких локальностей, также как и физическое, противопоставляется городу как патриархальное и закрытое, отличное от "нервности большого города" [30] и одновременно имплицитно городу присущее. Жители "частного сектора" описываются, несомненно, как горожане, тесно связанные с городом практиками его использования, но за пределами общественных пространств и мест работы живущие особым образом жизни. Этот образ жизни диктуется физическим пространством, которое определяет практики повседневности и систему отношений в локальном сообществе [92].

Газетные тексты не разрешают это противоречие. Пользуясь метафорой, описанной Е. Трубиной [79], в газетных текстах одновременно присутствуют "город-джунгли" (хаотический, неконтролируемый и опасный) и "город-машина" (царство видимых структур и прямых линий). Два этих образа совмещаются в общих административных границах города, парадоксальным образом переплетая доминировавший с 1930-х годов в публичном дискурсе образ правильного "советского города" [44] и его стремительно выросшего в это же время "еще не города" [93] – частного сектора и барачных поселков.

Подозрительный объект отеческой заботы: частный сектор в языке власти

Противопоставление "частного сектора" правильному городу отчетливо читается и в языке власти, представленного в комплексе нормативно-распорядительных документов регионального и муниципального уровня. По поисковому запросу "частный сектор" на сайте правительства Иркутской области можно найти более 225 совпадений, на сайте городской администрации – более 1100. Не все они релевантны исследовательской задаче: "частный сектор", как и в газетных текстах, часто используется в значении "частное предпринимательство". Большинство сообщений представляют собой ведомственные пресс-релизы и относятся к ритуализованным [6] текстам, являясь одновременно количественным показателем отеческой заботы власти по отношению к подведомственному населению и демонстрацией двусторонней коммуникации бюрократии и городских сообществ.

Первые выявленные нами упоминания "частного сектора" относятся к 2010 году. Встречаются и более ранние (2004 год), однако они представлены только заголовками, и узнать их содержание не представляется возможным. В 2010–2012 году это единичные документы, включая решения об утверждении энергетических целевых программ [58], отчеты мэра о работе, в которых упоминается "частный сектор" как территория, где необходимо провести благоустройство, построить водопровод, установить водоразборные колонки [55]. С 2013 года количество упоминаний возрастает: появляются отчеты о "рейдах" [29], свалках и нелегальной торговле, именно в них встречается чуть ли не единственный и довольно нелицеприятный портрет местного жителя, представленный во властных текстах.

Позже возникают отчеты о грандиозной кампании по инвентаризации городских кладовок и чердаков, в которых также фигурирует частный сектор. К 2014 году меняется содержание текстов: их героем становится сотрудник МЧС, проводящий противопожарные беседы с местными жителями [11], вновь и вновь обучающих их правильно топить печь и пользоваться электроприборами [65].

С этого момента содержание "текстов власти" почти не меняется: это инфраструктурные проблемы, проблемы безопасности и социального контроля. В них часто применяется милитарная метафора [15]: слово "рейд" используется даже когда речь идет о детских горках. "Рейды" решают многие проблемы "частного сектора", постоянный контроль является одновременно признанием самого факта его существования и способом генерирования отчетности.

Тексты о мероприятиях по благоустройству и обеспечению "частного сектора" можно выделить в отдельный фрейм "отеческой заботы", включающий рассказы о проведенных совещаниях [59], публичных заявлениях чиновников, отчеты о беседах/проверках/рейдах. Сочетание милитарной метафоры и фрейма "отеческой заботы" формирует дискурс колонизируемого "не-города", который может быть включен в городское пространство модернизационными усилиями власти.

Сообщения составляются по единому шаблону. В заголовке содержатся данные о количестве проведенных "рейдов" и топонимы, ниже – фотографии, на которых люди в форме передают собеседникам бумаги, брошюры на фоне деревянных домов и высоких заборов [27]. Снова и снова констатируется, что "частный сектор" – зона пожарной опасности, особенно для стариков и детей. [66].

Пресс-релизы выделяют из "горожан в целом" подкатегорию "*проживающие на территории частного сектора*", причем она представлена преимущественно "неблагополучными семьями", детьми и стариками – объектами особого внимания государственных служб. Полусельские практики маркируют подкатегории и в других ритуализированных текстах, например, о волонтерских акциях, во время которых добровольцы снабжают пожилых людей дровами или очищают их дворы от снега. Здесь образы не-городского пространства используется для воспроизведения "тимуровских" практик советского патернализма.

"Негородские" практики, вроде повсеместного печного отопления, общественных бань [2] или содержания скота, определяют исключенность не только населения, но и места [14]. В результате во властном языке "частный сектор" выделяется в отдельную пространственную категорию, даже если в сообщении идет речь о городе вообще. Так, в одном из пресс-релизов губер-

натор, раздавая поручения по благоустройству в преддверии праздника, ставит акцент: *"Глава региона дал поручение привести в порядок все фасады городских зданий, покрасить, <...> создать единый стиль городских улиц, а в частном секторе проработать вопрос <...> проведения благоустройства территории"* [21].

Тексты власти свидетельствуют о размерах "частного сектора": встречаются упоминания сотен улиц, и десятков общественных организаций в его пределах [47]. Во властных текстах "частный сектор" – не только городской феномен: он упоминается также в микрорайонах, поселках и даже деревнях [23] и садоводствах [48]. Но во всех случаях это визуально неупорядоченная территория в пределах административной черты города или городского округа.

Еще одним маркером пространства "частного сектора" становится и приписываемый ему беспорядок социальный: в одном из текстов оно объявляется точкой производства и употребления контрафактного алкоголя [51] и наркотиков [7]. Также "частный сектор" объявляется местом концентрации меньшинств, являясь в представлении администрации, *"наряду с мечетью и рынками <...> традиционным местом концентрации"* иркутских мусульман. [33]. Правило семантической связности [13 : 127] позволяет увидеть, какие именно практики городские власти связывают с "частным сектором": *"Распространено более 25000 информационных листовок, проведено более 600 обходов домов частного сектора, проведено свыше 650 профилактических бесед. Специалисты <...> распространили более 20 000 листовок о незаконной продаже алкогольной продукции, провели 300 бесед с семьями, входящими в зону риска"* [58].

"Частный сектор" становится "подозреваемой" территорией, его выделяют из общегородского пространства в тот момент, когда бюрократия отправляется на охоту: *"На всей территории Иркутска продолжаются совместные рейды. <...> За сутки изъято более 20 тонн фальсифицированного алкоголя <...> Молодежные волонтерские отряды занимаются обходом частного сектора"* [54].

В большинстве пресс-релизов единственным актором становится представитель власти. "Жители", "население" выступают в этом качестве либо просителей [52], либо безмолвной группой, от имени которой говорят органы территориального общественного самоуправления [61]. Выделяются лишь редкие отчеты о проведении публичных слушаний в "частном секторе". Они представляют историю конфликта за "право на город" [82], где арбитром выступает бюрократия. Здесь тема "отеческой заботы" оборачивается своей обратной стороной – невниманием к позиции местных жителей в случае, если их интересы не совпадают с интересами городского режима [38].

Для властной бюрократии жители "частного сектора" не выступают субъектом диалога. Показателен документ, отражающий спор между застройщиком, решившим разместить в "частном секторе" многоэтажные жилые дома, и населением [28]. *Застройщик попросил муниципалитет отменить установленные Правилами землепользования и застройки ограничения этажности. Местные жители возразили, посчитав, что высотное здание затруднит пользование участками, вызовет затенение. К жильцам присоединились муниципальные службы, недовольные тем, что застройщик залез на землю, принадлежащую городу, а также – предполагаемым разрушением нескольких памятников архитектуры.*

Комиссия приняла только возражения муниципалитета: застройщика обязали соблюдать интересы города и пресекли его попытки снести памятники. Все доводы местных были отклонены, впрочем, в этом случае комиссия снизила до пояснений, указав, что слушания нужны для "информирования" и "выявление мнения", но не более. К тому же, "Жители <...> не приводят доводы о том, каким образом выдача разрешения <...> по заявлению ООО "Монолитстрой – Иркутск" нарушает их права". Это резюме приводится после четырех страниц подробного изложения аргументов местных жителей.

Таким образом, в языке власти "частный сектор" существует как социально-пространственное образование, определяемое комплексом инфраструктурных проблем, являющееся источником бюрократической

отчетности и одновременно рассадником визуального "беспорядка" ("город – джунгли"). При этом первая функция является определяющей: это подтверждается тем, что в обширных годовых отчетах окружных комитетов [56] графа "работа с населением" остается самой скромной, по сравнению с внушительными перечнями "обходов" и "благоустройств".

Здесь, как и в газетных текстах, значительная часть города исключается из интуитивного представления о городе "правильном", регулярном. Отчасти это может являться наследием логики советского модерна, в которой "правильный" город определялся идеологически обусловленными доминантами, в которых не было места "частному". С другой стороны, это уже неотъемлемая часть российского города, устойчиво бытующая в пространстве, социальных практиках и языке. Здесь генерируются новые практики, образы и отношения, которые в большей степени проявляются в текстах за пределами медийного и властного дискурсов.

Элитный, рекреационный, "свой": частный сектор на страницах результатов поиска

Тенденция противопоставления "города-машины" и "города-джунглей" почти не встречается на первых страницах поисковых выдач, однако и здесь "частный сектор" – интуитивно понятный термин, распространенный от Адлера [26] до Владивостока [85]. Здесь "частный сектор" – это не только маргиналия, но и рекреационное пространство. В сети можно найти тексты 2007 [68], 2008 [89], 2009 [25], 2010 [70] годов о сдаче в аренду жилья отдыхающим в "частном секторе" Сочи, Ялты и других городов.

Если добавить к запросу "Иркутск", объявления о купле-продаже и аренде жилья составят большинство. "Частный сектор" здесь отличается от его образов в газетных и властных текстах: помимо деревенских домов-"развалюх" здесь упоминаются особняки с хорошей отделкой [18], некоторые с вертолетными площадками и бассейнами, теннисными кортами и тренажерными залами [19].

Цены на недвижимость в "частном секторе" разнятся – от 600 тысяч (дом в садоводстве в 4 километрах от Иркутска) [62] до четверти миллиарда ("поместье в центре, возникшее на месте нескольких сгоревших старинных усадеб") [64]. Все это относится в поисковой выдаче к "частному сектору".

"Не-городские" практики из пресс-релизов (печи, бани, теплицы и огороды) упоминаются здесь как преимущество, а не проблема. Даже самый дешевый дом из выставленных на продажу находится, если верить объявлению, вблизи продуктовых магазинов и остановки общественного транспорта. "Не-городское" – это детали "традиционного" сельского быта, печи, берестяные изделия, самовары, которые используются как элемент интерьера гостиниц в городском центре [32].

Распределение выставленных на продажу домов на карте Иркутска и его пригородов [64] показывает, что "частный сектор" присутствует практически во всех административных районах, располагаясь и вне административных городских границ, но дискурсивно относится к городскому пространству.

Характерное для всех рассмотренных систем доминирование на первых страницах поиска объявлений о сделках с недвижимостью [1] и услугах [31] говорит о том, что именно эта информация наиболее отвечает пользовательским запросам. По мере удаления от топа чаще попадаются публицистические тексты, нередко дублирующие типичные релизы о инфраструктурных проблемах [9], принуждений недобросовестных жильцов к исполнению обязательств [75], противоположных рейдах [86]. Несколько текстов содержат призывы чиновников "осваивать" частный сектор, снося его и застраивая "освободившееся" место многоквартирными домами [80]. В них "ветхость" и инфраструктурная изношенность "частного сектора" представлены как нечто очевидное и используется как предлог для расширения полномочий муниципалитета [74]. Рекреационная функция здесь не упоминается вовсе, равно как и преимущества проживания здесь.

Подобные нарративы о "внутренней колонизации", где "частный сектор" представлен как ресурс, свободное пространство для "освоения" застройщиками, встречаются в выдаче всех рассмотренных поисковых систем. Здесь же можно найти обвинения "частного сектора" в загрязнении воздуха и распро-

странении преступности в Улан-Удэ [49], Красноярске [17] и других городах [53].

Таким образом, в поисковых выдачах, отражающих представления пользователей интернета, "частный сектор" связан с широким спектром мест и практик: от дешевых построек в удаленных садоводствах до роскошных поместий в самом центре. Практики, бытующие в "частном секторе" и отраженные в поисковых запросах, контрастируют с образом "частного сектора" в СМИ и пресс-релизах. Через них "частный сектор" выглядит не недееспособным "полусельским" местом, а разнообразным и бурно развивающимся сегментом городской среды. Через пользовательские практики в город интегрируются "не-городские" пространства, которые исключаются текстами СМИ и власти. Отсутствие явных символических границ между "городскими" и "не-городскими" территориями позволяют предположить, что и само представление о том, что является городом, расширяется благодаря их плюрализму.

Заключение

Разные акторы формируют разные образы "частного сектора". В "языке власти" он является особым, описываемым через комплекс инфраструктурных и социальных проблем, местом, которое одновременно способ продемонстрировать власть и источник социальной опасности, беспорядка. Упоминания "не-благополучных" и "социально незащищенных" групп, пожаров, подтоплений и контрафактного алкоголя, формирует ассоциации между "частным сектором" и маргинальностью. СМИ создают схожий, хотя и более сложный образ. Но все же и здесь частный сектор – "не-город", маргинальный и девиантный. Нередко СМИ печатают переработанные ведомственные пресс-релизы, сближая властный и медийный дискурс.

Данные интернет-поисковых сервисов формируют иной образ. Доминирование в выдачах и высокая степень релевантности объявлений о купле-продаже, аренде недвижимости и актуальных услугах говорит о том, что "частный сектор" тесно включен в городскую жизнь. Это не только вполне комфортное место проживания и отдыха, но и признаваемый пользователями вариант "правильного" города – малоэтажного, со своим земельным участком, локальным отоплением.

Такая разница между образами "частного сектора" в трех группах текстов отражает, на наш взгляд, конфликт между властным консерватизмом упорядоченности "города-машины" и плюрализмом повседневности. Пресса и власть склонны исключать из образа города локальности, не имеющие понятного визуального порядка территории. Поисковые системы, следуя интересам пользователей, воспроизводят заметно более сложный образ, в котором "город-машина" и "город-джунгли" не противопоставляются, а дополняют друг друга.

Такое дополнение образов города дает перспективу "потребления" пространства по Де Серто [22] в противовес "внутренней колонизации" [90] "не-городских" пространств [78]. Вместе с тем это и новая перспектива понимания специфики постсоветского огорода, неотъемлемой частью которого являются "не-городские" локальности, глубоко интегрированные в его повседневность.

Литература

1. Аренда жилья в частном секторе Иркутска для отдыха // Квартирка. URL: <https://kvartirka.com/russia/irkutsk/chastniy-sektor/> (дата обращения: 01.12.20)
2. Баня на улице Алмазной в Иркутске готова к эксплуатации Иркутска // Администрация города Иркутска. URL: <https://bit.ly/3dW4QdR> (дата обращения: 01.12.20)
3. Беликов В.И., Копылов Н.Ю., Пиперски А.Ч., Селегей В.П., Шаров С.А. Корпус как язык: от масштабируемости к дифференциальной полноте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной конференции Диалог. М., 2013. С. 84–95.
4. Беррес Л. В сентябре путевки в Турцию подешевеют на 20% // Московский комсомолец, 2016.08.14
5. Бизюков П.В. Как защищают трудовые права в России: коллективные трудовые протесты и их роль в регулировании трудовых отношений. М.: ЦСТП, 2011.
6. Богданов К. Риторика ритуала. Советский социолект в этнолингвистическом освещении // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 300–337.

7. Борьба с "синтетикой" похожа на бой с гидрой // Альтаир. URL: <https://bit.ly/3dlz14> (дата обращения: 01.12.20)
8. В Бишкеке спецназ вступил в бой с боевиками // Газета.ру, 2015.07.16
9. В Иркутске во время затяжного дождя подтопило частный сектор // Телеинформ. URL: <https://38.ru/zhkch-obichnie/v-irkutske-vo-vremya-zatyazhnogo-dozhdya-podtopilo-chastniy-sektor> (дата обращения: 01.12.20)
10. В Киеве сообщают о гибели мирных жителей при обстрелах ополченцев // Газета.ру, 2015.07.19
11. В Тулунском районе прошла акция "Сохраним дом от пожара" // Иркутская область. Официальный портал. URL: <https://bit.ly/2Q6ZdAX> (дата обращения: 01.12.20)
12. Валева В. Скорая помощь. М.: Вагриус, 2002
13. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК, 2000.
14. Весенние обработки // Иркутская область. Официальный портал. URL: <https://bit.ly/3dW4NPd> (дата обращения: 01.12.20)
15. Веснина Л.Е. Милитарная метафора, представляющая образ мигранта в отечественных СМИ // Лингвокультурология. 2009. № 3. С. 27–34.
16. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М.: StrelkaPress, 2016.
17. Власти придумали способ спасти Красноярск от загрязнений // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/11/2020/5fa55ab49a7947112323c95e> (дата обращения: 01.12.20)
18. Гостевой дом на Звездинской // 101 отель URL: https://101hotels.com/main/cities/irkutsk/gostinitsa_na_zvezdinskoj.html (дата обращения: 01.12.20)
19. Гостинично-развлекательный комплекс PILOT // 101 отель. URL: https://101hotels.com/main/cities/irkutsk/camping_pilot.html (дата обращения: 01.12.20)
20. Григоричев К.В. "Частный сектор" российских городов: от наследия советской урбанизации к "внутреннему пригороду" // "Пригородная революция" в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве / Редактор А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 22–26.
21. Губернатор проверил подготовку города к проведению юбилейных мероприятий // Иркутская область. Официальный портал. URL: <https://bit.ly/3dH20cj> (дата обращения: 01.12.20)
22. де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013
23. Декада пожарной безопасности в Тулунском районе // Иркутская область. Официальный портал. URL: <https://bit.ly/2Orh7xY> (дата обращения: 01.12.20)
24. Донские шахтеры, уже полтора года живущие без зарплат, наконец, официально объявили о своей голодовке // Новая газета, 2016.08.24
25. Жилье в Анапе становится доступнее // MACON – Консалтинговое агентство URL: https://mason-realty.ru/company/media/zhile_v_anape_stanovitsya_dostupnee_ekspert_delovaya_gazeta_yug (дата обращения: 01.12.20)
26. Жилье для отдыха // Туристический сервис Keyb.ru. URL: <https://bit.ly/3fM3BQH> (дата обращения: 01.12.20)
27. Жителям частного сектора напомнили о пожарной безопасности // Иркутская область. Официальный портал. URL: <https://bit.ly/3msrcr5> (дата обращения: 01.12.20)
28. Заключение по итогам проведения публичных слушаний // Администрация города Иркутска. URL: <https://bit.ly/3wуJXQK> (дата обращения: 01.12.20)
29. Заставили убрать мусор // Администрация города Иркутска. URL: <https://clck.ru/U34iy> (дата обращения: 01.12.20)
30. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. // Логос. 2002. №3(34) С. 1–12.
31. Интернет в частный дом // Новостной портал Irk.ru URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20180626/domru/> (дата обращения: 01.12.20)
32. Иркутск - Частный сектор // TVIL.RU. URL: <https://tvil.ru/city/irkutsk/hotelrooms/> (дата обращения: 01.12.20)
33. Иркутская Соборная мечеть примет около семи тысяч мусульман на утренней молитве в день Курбан-байрама // Управление Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям URL: <https://bit.ly/3cSnTGp> (дата обращения: 01.12.20)
34. Казакова Г. Вернакулярный район как условие интенсификации социальных процессов // Социс. 2017. № 9. с. 57–65.
35. Каменченко П. Дзебик среди папуасов // Лента.ру, 2018.03.31
36. Кок Б. Иркутск. Мозг мне больше не нужен // Лента.ру, 2016.12.22
37. Короткова Е. Как делают белорусские продукты: секреты импортозамещения // Московский комсомолец, 2016.11.23.
38. Ледяев В. Теория городских политических режимов // Социологический журнал. 2015. № 3-4. С. 46–68.
39. Ливень подтопил часть Симферополя // Коммерсант, 2017.06.10.
40. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
41. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. М.: Стройиздат, 1986.

42. Луман Н. Реальность масс-медиа. М.: Праксис, 2005.
43. Маринина А. Черный список. М.: Лабиринт, 1995.
44. Меерович М. Типология жилища соцгородов-новостроек. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014
45. Меерович М.Г. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
46. Меликян Т. Включили аварийку // Лента.ру, 2017.06.28.
47. Муниципальная программа // Администрация города Иркутска. URL: <https://bit.ly/3mtYgz4> (дата обращения: 01.12.20).
48. Мэр Иркутская Дмитрий Бердников обсудил перспективы развития больницы с работниками учреждения // Администрация города Иркутска. URL: <https://bit.ly/3Zs589R> (дата обращения: 01.12.20)
49. Мэр Улан-Удэ: "Нам необходимо переломить ситуацию с выбросами в атмосферу" // Московский комсомолец. Улан-Удэ. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2020/11/18/mer-ulanude-nam-neobkhodimo-perelomit-situaciyu-s-vybrosami-v-atmosferu.html> (дата обращения: 01.12.20)
50. Нора П. Франция – память. СПб: Изд-во СПб ГУ, 1999.
51. Об опасности употребления суррогатного алкоголя и спиртосодержащих жидкостей // Иркутская область. Официальный портал. URL: <https://bit.ly/2Q08J96> (дата обращения: 01.12.20)
52. Обращение к мэрии // Администрация города Иркутска. URL: <https://bit.ly/3mtYoou> (дата обращения: 01.12.20)
53. Оранжевое небо и черные легкие: почему чистый воздух в России только в проектах // Новые известия. URL: <https://newizv.ru/news/society/11-11-2020/oranzhevoe-nebo-i-chernye-legkie-rochem-chistyy-vozduh-v-rossii-tolko-v-proektah> (дата обращения: 01.12.20)
54. Отравление спиртосодержащими жидкостями // Администрация города Иркутска. URL: <https://bit.ly/3fO4fxl> (дата обращения: 01.12.20)
55. Отчет мэра города г. Иркутска // Администрация города Иркутска. URL: <https://bit.ly/3cUQDOF> (дата обращения: 01.12.20)
56. Отчет о работе управлений администрации г. Иркутска // Администрация города Иркутска. URL: https://admirk.ru/DocLib/OTChET_LO2016.doc (дата обращения: 01.12.20)
57. Половинко В., Кустикова А. Недостройное поведение. Реакция на статью "Новой" о гибели россияна на стройке посольства в Панаме: МИД "был проинформирован" // Новая газета, 2017.11.28
58. Постановление мэра г. Иркутска // Администрация города Иркутска. URL: <https://bit.ly/3wwWMIJ> (дата обращения: 01.12.20)
59. Правительство Иркутской области выйдет в региональный парламент с законодательными инициативами, которые предложены ветеранами труда // Иркутская область. Официальный портал. URL: <https://bit.ly/3msr22X> (дата обращения: 01.12.20)
60. Принципы работы алгоритмов Google поиска // Google. URL: <https://www.Google.com/search/howsearchworks/algorithms/> (дата обращения: 30.12.19).
61. Проверки по соблюдению правил благоустройства проводятся в Иркутске ежедневно // Администрация города Иркутска. URL: <https://bit.ly/39Qpql9> (дата обращения: 01.12.20)
62. Продажа двухкомнатного дома // RealtyMag.ru URL: https://www.realtymag.ru/kvartira/prodazha/?rooms_count=0&price_max=590000&currency=0&price_type=all&location=43823&type=3 (дата обращения: 01.12.20)
63. Продажа дома // RealtyMag.ru URL: <https://bit.ly/2PAIFmq> (дата обращения: 01.12.20)
64. Продажа домов в Иркутске // Этажи. https://irk.etagi.com/realty_out/doma/ (дата обращения: 01.12.20)
65. Профилактическая работа при режиме ЧС в Тулунском районе // Иркутская область. Официальный портал. URL: <https://bit.ly/3mgGNHd> (дата обращения: 01.12.20)
66. Рейд по многодетным и неблагополучным семьям // Иркутская область. Официальный портал. URL: <https://bit.ly/3wBhoje> (дата обращения: 01.12.20)
67. Рогозин Д. Как работает автоэтнография // Социологическое обозрение. 2015. № 1(14). С. 224–273
68. С детьми на море//Газета.ру URL: <https://bit.ly/2OuSgJK> (дата обращения: 01.12.20)
69. Савчук С.О. Корпус современной русской прессы: опыт создания и использования // Корпусная лингвистика. 2011. С. 149–154.
70. Сезонный прилив // Российская газета. URL: <https://bit.ly/3dHWhmt> (дата обращения: 01.12.20)
71. Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2010.
72. Социальный взрыв может вызвать введение соцнорм на электроэнергию – мэр Иркутска // АмурМедиа. URL: <https://amurmedia.ru/news/332600/>. (дата обращения: 02.12.20)
73. Спектр // Яндекс. URL: <https://yandex.ru/company/technologies/spectrum/> (дата обращения: 30.12.19).
74. Спикер думы Евгений Стекачев: Иркутску нужна программа по расселению частного сектора // ИркСиб. URL: <https://irksib.ru/allnews/12-social/19387-spiker-dumy-evgenij-stekachev-irkutsku-nuzhna-programma-po-rasseleniyu-chastnogo-sektora> (дата обращения: 01.12.20)

75. Способ начисления платы за мусор изменят в Иркутске осенью // Сибирские новости URL: <https://snews.ru/news/sposob-nachisleniya-platy-za-musor-izmenyat-v-irkutske-osenyu> (дата обращения: 01.12.20)
76. Терборн Й. Города власти. М.: ВШЭ, 2020.
77. Тимирязева М. В Алматы сгорел вещевой рынок // Комсомольская правда, 2013.11.17
78. Тимошкин Д. "Вас здесь больше не живет. Внутренняя колонизация и городские политические режимы Иркутска и Красноярска в городских медиа // Полития. 2020. №1(96). с. 98-116
79. Трубина Е. Город в теории. М.: НЛО, 2013
80. Уйти в частный сектор // Издательский дом "Восточная Сибирь" URL: <http://vspress.ru/ujti-v-chastnyj-sektor/> (дата обращения: 01.12.20)
81. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. М.: Генезис, 2008
82. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: НЛО, 2019.
83. Хельд Г. Городское пространство как необходимая предпосылка социальности. В: Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике. М.: НЛО, 2018. С. 212–261.
84. Цыбульская О. Лето со скидкой // "Русский репортер", № 14 (93), 16-23 апреля 2009
85. Частный сектор не платит за вывоз мусора // Клуб директоров URL: <https://bazar2000.ru/ekonomika/ekologiya/chastnyj-sektor-ne-platit-za-vyvoz-musora/> (дата обращения: 01.12.20)
86. Частный сектор патрулирует ОМОН // Вести Иркутск. URL: <https://bit.ly/31VZb1H> (дата обращения: 01.12.20)
87. Че уже не тот. Гаванский дневник Виктора Шендеровича // Новая газета, 2018.02.02
88. Что мы знаем о жителе большого города? / Редактор Фурман Н. М.: Стрелка-Пресс, 2017
89. Эксперты: Цены на жилье в Сочи в 2008 году вырастут на 25–30% // РБК. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5777d2ca59a7947a78ce950af> (дата обращения: 01.12.20)
90. Эткинд А. Внутренняя колонизация. М: НЛО, 2018
91. Borgesius F.J., Trilling D., Moller J., Bodo B., Vreese de C.H., Helberger N. Should we Worry about Filter Bubbles? // Internet Policy Review. 2016. №1(5). Pp. 1–16.
92. Grigorichev K.V. From Stable "Temporality" to Permanent Variability: The Role of Reciprocity in the Formation of Communities in the "Private Housing Sector" of Russian Cities // Prace Etnograficzne. 2021, Vol.49 N.1-2. Pp. 103–116.
93. Grigorichev K.V., Elokina Y.V. Not a city yet, not a city anymore: internal suburbanization and evolution of non-urban spaces of a Siberian city // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022, Vol. 15, Issue 2. Pp. 169–178.
94. Haim M., Graefe A., Brosius H-B. Burst of the Filter Bubble? // Digital Journalism. 2017. Available at: <https://clck.ru/RGcmw> (accessed 25 August 2020).
95. Min Y., Jiang T., Jin C., Li Q., Jin X. Endogenous Structure of Filter Bubble in Social Networks // Royal Society Open science. 2019. № 6. Pp. 1–11.
96. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. London: Penguin, 2012
97. Park, R. E.; Burgess, E. W. The City. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1925.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arenda zhil'ya v chastnom sektore Irkutska dlya otdykha // Kvartirka. URL: <https://kvartirka.com/russia/irkutsk/chastnyj-sektor/> (data obrashheniya: 01.12.20)
2. Banya na ulitse Almaznoj v Irkutske gotova k ehspluatatsii Irkutska // Administratsiya goroda Irkutska. URL: <https://bit.ly/3dW4QdR> (data obrashheniya: 01.12.20)
3. Belikov V.I., Kopylov N.YU., Piperski A.CH., Selegej V.P., SHarov S.A. Korpus kak yazyk: ot masshtabiruemosti k differentsial'noj polnote // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoj konferentsii Dialog. M., 2013. S. 84–95.
4. Berres L. V sentyabre putevki v Turtsiyu podeshvevuyt na 20% // Moskovskij komsomolets, 2016.08.14
5. Bizyukov P.V. Kak zashhishhayut trudovye prava v Rossii: kollektivnye trudovye protesty i ikh rol' v regulirovanii trudovykh otnoshenij. M.: TSSTP, 2011.
6. Bogdanov K. Ritorika rituala. Sovetskij sotsiolekt v ehtnolingvisticheskom osveshhenii // Antropologicheskij forum. 2008. № 8. S. 300–337.
7. Bor'ba s "sintetikoij" pokhozha na boj s gidroj // Al'tair. URL: <https://bit.ly/3dlz114> (data obrashheniya: 01.12.20)
8. V Bishkeke spetsnaz vstupil v boj s boevikami // Gazeta.ru, 2015.07.16
9. V Irkutske vo vremya zatyazhnogo dozhdyia podtopilo chastnyj sektor // Teleinform. URL: <https://38.ru/zhkch-obichnie/v-irkutske-vo-vremya-zatyazhnogo-dozhdyia-podtopilo-chastnyj-sektor> (data obrashheniya: 01.12.20)
10. V Kieve soobshhayut o gibeli mirnykh zhitelej pri obstrelakh opolchentsev // Gazeta.ru, 2015.07.19
11. V Tulunskom rajone proshla aktsiya "Sokhranim dom ot pozhara" // Irkutskaya oblast'. Ofitsial'nyj portal. URL: <https://bit.ly/2Q6ZdAX> (data obrashheniya: 01.12.20)

12. Valeeva V. Skoraya pomoshh'. M.: Vagrius, 2002
13. Van Dejk T. YAzyk. Poznanie. Kommunikatsiya. B.: BGK, 2000.
14. Vesennie obrabotki // Irkutskaya oblast'. Ofitsial'nyj portal. URL: <https://bit.ly/3dW4NPd> (data obrashheniya: 01.12.20)
15. Vesnina L.E. Militar'naya metafora, predstavlyayushhaya obraz migranta v otechestvennykh SMI // Lingvokul'turologiya. 2009. № 3. S. 27–34.
16. Virt L. Urbanizm kak obraz zhizni. M.: StrelkaPress, 2016.
17. Vlasti pridumali sposob spasti Krasnoyarsk ot zagryaznenij // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/11/2020/5fa55ab49a7947112323c95e> (data obrashheniya: 01.12.20)
18. Gostevoy dom na Zvezdinskoj // 101 otel' URL: https://101hotels.com/main/cities/irkutsk/gostinit-sa_na_zvezdinskoj.html (data obrashheniya: 01.12.20)
19. Gostinichno-razvlekatel'nyj kompleks PILOT // 101 otel'. URL: https://101hotels.com/main/cities/irkutsk/camping_pilot.html (data obrashheniya: 01.12.20)
20. Grigorichev K.V. "CHastnyj sektor" rossijskikh gorodov: ot naslediya sovetской urbanizatsii k "vnutrennemu prigorodu" // "Prigorodnaya revolyutsiya" v regional'nom srezhe: periferijnye gorodskie territorii na post-sovet'skom prostranstve / Redaktor A.S. Breslavskij. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2019. S. 22–26.
21. Gubernator proveril podgotovku goroda k provedeniyu yubilejnykh meropriyatij // Irkutskaya oblast'. Ofitsial'nyj portal. URL: <https://bit.ly/3dH20cj> (data obrashheniya: 01.12.20)
22. de Serto M. Izobretenie posvednevnosti. 1. Iskusstvo delat'. SPb., Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013
23. Dekada pozharnoj bezopasnosti v Tulunskom rajone // Irkutskaya oblast'. Ofitsial'nyj portal. URL: <https://bit.ly/2Orh7xY> (data obrashheniya: 01.12.20)
24. Donskie shakhtery, uzhe poltora goda zhivushhie bez zarplat, nakonets, ofitsial'no ob"yavili o svoej golodovke // Novaya gazeta, 2016.08.24
25. ZHil'e v Anape stanovit'sya dostupnee // MACON – Konslatingovoe agentstvo URL: https://macon-realty.ru/company/media/zhile_v_anape_stanovitsya_dostupnee_ekspert_delovaya_gazeta_yug (data obrashheniya: 01.12.20)
26. ZHil'e dlya otdykha // Turisticheskij servis Keyb.ru. URL: <https://bit.ly/3fM3BQH> (data obrashheniya: 01.12.20)
27. ZHitelyam chastnogo sektora napomnili o pozharnoj bezopasnosti // Irkutskaya oblast'. Ofitsial'nyj portal. URL: <https://bit.ly/3msrcr5> (data obrashheniya: 01.12.20)
28. Zaklyuchenie po itogam provedeniya publicnykh slushanij // Administratsiya goroda Irkutsk. URL: <https://bit.ly/3wyXJQK> (data obrashheniya: 01.12.20)
29. Zastavili ubrat' musor // Administratsiya goroda Irkutsk. URL: <https://clck.ru/U34iy> (data obrashheniya: 01.12.20)
30. Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'. // Logos. 2002. №3(34) S. 1–12.
31. Internet v chastnyj dom // Novostnoj portal Irk.ru URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20180626/domru/> (data obrashheniya: 01.12.20)
32. Irkutsk - CHastnyj sektor // TVIL.RU. URL: <https://tvil.ru/city/irkutsk/hotelrooms/> (data obrashheniya: 01.12.20)
33. Irkutskaya Sobornaya mechet' primet okolo semi tysyach musul'man na utrennej molitve v den' Kurban-bajrama // Upravlenie Gubernatora Irkutskoj oblasti i Pravitel'stva Irkutskoj oblasti po svyazyam s obshchestvennost'yu i natsional'nym otnosheniyam URL: <https://bit.ly/3cSnTGp> (data obrashheniya: 01.12.20)
34. Kazakova G. Vernakulyarnyj rajon kak uslovie intensivatsii sotsial'nykh protsessov // Sotsis. 2017. № 9. s. 57–65.
35. Kamenchenko P. Dzebek sredi papuasov // Lenta.ru, 2018.03.31
36. Kork B. Irkutsk. Mozg mne bol'she ne nuzhen // Lenta.ru, 2016.12.22
37. Korotkova E. Kak delayut beloruskie produkty: sekrety importozameshheniya // Moskovskij komsomolets, 2016.11.23.
38. Ledyayev V. Teoriya gorodskikh politicheskikh rezhimov // Sotsiologicheskij zhurnal. 2015. № 3-4. S. 46–68.
39. Liven' podtopil chast' Simferopolya // Kommersant, 2017.06.10.
40. Linch K. Obraz goroda. M.: Strojizdat, 1982.
41. Linch K. Sovershennaya forma v gradostroitel'stve. M.: Strojizdat, 1986.
42. Luman N. Real'nost' mass-media. M.: Praxis, 2005.
43. Marinina A. CHernyj spisok. M.: Labirint, 1995.
44. Meerovich M. Tipologiya zhilishha sotsgorodov-novostroek. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014
45. Meerovich M.G. Gradostroitel'naya politika v CCCR (1917–1929). Ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemu poselku. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.
46. Melikyan T. Vkluychili avarijku // Lenta.ru, 2017.06.28.
47. Munitsipal'naya programma // Administratsiya goroda Irkutsk. URL: <https://bit.ly/3mtYgz4> (data obrashheniya: 01.12.20)
48. Mehr Irkutskaya Dmitrij Berdnikov obsudil perspektivy razvitiya bol'nitsy s rabotnikami uchrezhdeniya // Administratsiya goroda Irkutsk. URL: <https://bit.ly/3sZ589R> (data obrashheniya: 01.12.20)

49. Mehr Ulan-Udeh: "Nam neobkhodimo perelomit' situatsiyu s vybrosami v atmosferu" // Mosk-ovskij komsomolets. Ulan-Udeh. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2020/11/18/mer-ulanude-nam-neobkhodimo-perelomit-situatsiyu-s-vybrosami-v-atmosferu.html> (data obrashheniya: 01.12.20)
50. Nora P. Frantsiya – pamyat'. SPb: Izd-vo SPb GU, 1999.
51. Ob opasnosti upotrebleniya surrogatnogo alkogolya i spirtosoderzhashhikh zhidkostej // Irkutskaya oblast'. Ofitsial'nyj portal. URL: <https://bit.ly/2Q08J96> (data obrashheniya: 01.12.20)
52. Obrashhenie k mehrii // Administratsiya goroda Irkutsk. URL: <https://bit.ly/3mtYoyy> (data obrashheniya: 01.12.20)
53. Oranzhevoe nebo i chernye legkie: pochemu chistyj vozdukh v Rossii tol'ko v proektakh // Novye izvestiya. URL: <https://newziv.ru/news/society/11-11-2020/oranzhevoe-nebo-i-chernye-legkie-pochem-chistyj-vozdukh-v-rossii-tolko-v-proektah> (data obrashheniya: 01.12.20)
54. Otravlenie spirtosoderzhashhimi zhidkostyami // Administratsiya goroda Irkutsk. URL: <https://bit.ly/3fO4fxl> (data obrashheniya: 01.12.20)
55. Otchet mehra goroda g. Irkutsk // Administratsiya goroda Irkutsk. URL: <https://bit.ly/3cUQDOF> (data obrashheniya: 01.12.20)
56. Otchet o rabote upravlenij administratsii g. Irkutsk // Administratsiya goroda Irkutsk. URL: https://admirk.ru/DocLib/OTChET_LO2016.dos (data obrashheniya: 01.12.20)
57. Polovinko V., Kustikova A. Nedostrojnoe povedenie. Reaktsiya na stat'yu "Novoj" o gibeli rossiy na strojke posol'stva v Paname: MID "byl proinformirovan" // Novaya gazeta, 2017.11.28
58. Postanovlenie mehra g. Irkutsk // Administratsiya goroda Irkutsk. URL: <https://bit.ly/3wwWMIJ> (data obrashheniya: 01.12.20)
59. Pravitel'stvo Irkutskoj oblasti vyjdet v regional'nyj parlament s zakonodatel'nymi initsiativami, kotorye predlozheny veteranami truda // Irkutskaya oblast'. Ofitsial'nyj portal. URL: <https://bit.ly/3msr22X> (data obrashheniya: 01.12.20)
60. Printsipy raboty algoritmov Google poiska // Google. URL: <https://www.Google.com/search/howsearchworks/algorithms/> (data obrashheniya: 30.12.19).
61. Proverki po soblyudeniyu pravil blagoustrojstva provodyatsya v Irkutске ezhednevno // Administratsiya goroda Irkutsk. URL: <https://bit.ly/39QpqL9> (data obrashheniya: 01.12.20)
62. Prodazha dvukhkomnatnogo doma // RealtyMag.ru URL: https://www.realtymag.ru/kvartira/prodazha/?rooms_count=0&price_max=590000&currency=0&price_type=all&location=43823&type=3 (data obrashheniya: 01.12.20)
63. Prodazha doma // RealtyMag.ru URL: <https://bit.ly/2PAIFmq> (data obrashheniya: 01.12.20)
64. Prodazha domov v Irkutске // EHztzi. https://irk.etagi.com/reality_out/doma/ (data obrashheniya: 01.12.20)
65. Profilakticheskaya rabota pri rezhime CHS v Tulunskom rajone // Irkutskaya oblast'. Ofitsial'nyj portal. URL: <https://bit.ly/3mrGNHd> (data obrashheniya: 01.12.20)
66. Rejd po mnogodetnym i neblagopoluchnym sem'yam // Irkutskaya oblast'. Ofitsial'nyj portal. URL: <https://bit.ly/3wBhoje> (data obrashheniya: 01.12.20)
67. Rogozin D. Kak rabotaet avtoehtnografiya // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2015. № 1(14). S. 224–273
68. S det'mi na more//Gazeta.ru URL: <https://bit.ly/2OuSgJK> (data obrashheniya: 01.12.20)
69. Savchuk S.O. Korpus sovremennoj russkoj pressy: opyt sozdaniya i ispol'zovaniya // Korpusnaya lingvistika. 2011. S. 149–154.
70. Sezonnyj priliv // Rossijskaya gazeta. URL: <https://bit.ly/3dHWHmt> (data obrashheniya: 01.12.20)
71. Skott Dzh. Blagimi namereniyami gosudarstva. M.: Universitetskaya kniga, 2010.
72. Sotsial'nyj vzryv mozhet vyzvat' vvedenie sotsnorm na ehlektroehnergiyu – mehr Irkutsk // AmurMedia. URL: <https://amurmedia.ru/news/332600/>. (data obrashheniya: 02.12.20)
73. Spektr // YAndeks. URL: <https://yandex.ru/company/technologies/spectrum/> (data obrashheniya: 30.12.19).
74. Spiker dumy Evgenij Stekachev: Irkutsku nuzhna programma po rasseleniyu chastnogo sektora // IrkSib. URL: <https://irksib.ru/allnews/12-social/19387-spiker-dumy-evgenij-stekachev-irkutsku-nuzhna-programma-po-rasseleniyu-chastnogo-sektora> (data obrashheniya: 01.12.20)
75. Sposob nachisleniya platy za musor izmenyat v Irkutске osen'yu // Sibirskie novosti URL: <https://snews.ru/news/sposob-nachisleniya-platy-za-musor-izmenyat-v-irkutске-osenyu> (data obrashheniya: 01.12.20)
76. Terborn J. Goroda vlasti. M.: VSHEH, 2020.
77. Timiryazeva M. V Almaty sgorel veshhevoj rynek // Komsomol'skaya pravda, 2013.11.17
78. Timoshkin D. "Vas zdes' bol'she ne zhivet. Vnutrennyaya kolonizatsiya i gorodskie politicheskie rezhimy Irkutsk i Krasnoyarska v gorodskikh media // Politika. 2020. №1(96). s. 98-116
79. Trubina E. Gorod v teorii. M.: NLO, 2013
80. Ujti v chastnyj sektor // Izdatel'skij dom "Vostochnaya Sibir" URL: <http://vspress.ru/ujti-v-chastnyj-sektor/> (data obrashheniya: 01.12.20)
81. Fillips L., Jorgensen M.V. Diskurs-analiz. Teoriya i metod. M.: Genezis, 2008
82. KHarvi D. Sotsial'naya spravedlivost' i gorod. M.: NLO, 2019.
83. KHel'd G. Gorodskoe prostranstvo kak neobkhodimaya predposylka sotsial'nosti. V: Sobstvennaya logika gorodov: Novye podkhody v urbanistike. M.: NLO, 2018. S. 212–261.

84. T Sybul'skaya O. Leto so skidkoj // "Russkij reporter", № 14 (93), 16-23 aprelya 2009
85. CHastnyj sektor ne platit za vyvoz musora // Klub direktorov URL: <https://bazar2000.ru/ekonomika/ekologiya/chastnyj-sektor-ne-platit-za-vyvoz-musora/> (data obrashheniya: 01.12.20)
86. CHastnyj sektor patroliruet OMON // Vesti Irkutsk. URL: <https://bit.ly/31VZb1H> (data obrashheniya: 01.12.20)
87. CHE uzhe ne tot. Gavanskij dnevnik Viktora SHenderovicha // Novaya gazeta, 2018.02.02
88. CHto my znaem o zhitele bol'shogo goroda? / Redaktor Furman N. M.: Strelka-Press, 2017
89. EHksperty: T Seny na zhil'e v Sochi v 2008 godu vyrastut na 25–30% // RBK. URL: <https://realty.rbc.ru/news/577d2ca59a7947a78ce950af> (data obrashheniya: 01.12.20)
90. EHtkind A. Vnutrennyaya kolonizatsiya. M: NLO, 2018
91. Borgesius F.J., Trilling D., Moller J., Bodo B., Vreese de C.H., Helberger N. Should we Worry about Filter Bubbles? // Internet Policy Review. 2016. №1(5). Pp. 1–16.
92. Grigorichev K.V. From Stable "Temporality" to Permanent Variability: The Role of Reciprocity in the Formation of Communities in the "Private Housing Sector" of Russian Cities // Prace Etnograficzne. 2021, Vol.49 N.1-2. Pp. 103–116.
93. Grigorichev K.V., Elokhina Y.V. Not a city yet, not a city anymore: internal suburbanization and evolution of non-urban spaces of a Siberian city // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022, Vol. 15, Issue 2. Pp. 169–178.
94. Haim M., Graefe A., Brosius H-B. Burst of the Filter Bubble? // Digital Journalism. 2017. Available at: <https://clck.ru/RGcmw> (accessed 25 August 2020).
95. Min Y., Jiang T., Jin C., Li Q., Jin X. Endogenetic Structure of Filter Bubble in Social Networks // Royal Society Open science. 2019. № 6. Pp. 1–11.
96. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. London: Penguin, 2012
97. Park, R. E.; Burgess, E. W. The City. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1925.

Информация об авторах

Дмитрий Олегович Тимошкин, канд. соц. наук., научный сотрудник Лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия; старший преподаватель кафедры культурологии и искусствоведения Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия, e-mail: Dmtrtim@gmail.com

Константин Вадимович Григоричев, д-р соц. наук., профессор Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия; профессор Томского государственного университета, Томск, Россия, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Information about the authors

Dmitry O. Timoshkin, Candidate of Sociology, Research Fellow, Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; Senior Lecturer, Department of Cultural Studies, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: Dmtrtim@gmail.com

Konstantin V. Grigorichev, Doctor of Sociology, Professor, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; Professor, Tomsk State University, Tomsk, Russia, e-mail: grigoritchev@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 14.03.2022

Одобрена после рецензирования

(Revised) 02.05.2022

Принята к публикации

(Accepted) 16.05.2022

Языковые средства представления пространства в городском тексте

Елена Николаевна Пугачева
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Владивосток, Россия, Elena.Pugachva@vvsu.ru

Аннотация. Статья посвящена раскрытию текстовой категории пространства в городском тексте на материале произведений М.В. Щербакова. В настоящей статье текст представлен как законченный продукт речевой деятельности, анализируются текстовые фрагменты с точки зрения их семантики и использования грамматических средств и регистров речи, представлена классификация языковых средств, формирующих коммуникативное пространство владивостокского текста.

Ключевые слова: *локальный текст, городской текст, пространство, текстовая категория*

Для цитирования: Пугачева Е. Н. Языковые средства представления пространства в городском тексте // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 152–161. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/152-161>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/152-161>

Linguistic means of representing space in the urban text

Elena N. Pugacheva
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, Elena.Pugachva@vvsu.ru

Abstract. The article is devoted to the disclosure of the textual category of space in the urban text based on the material of the works of Mikhail V. Shcherbakov. In this article, the text is presented as a complete product of speech activity, text fragments are analyzed from the point of view of their semantics and the use of grammatical means and speech registers, the classification of language means forming the communicative space of the Vladivostok text is presented.

Key words: *local text, urban text, space, text category*

For citation: Pugacheva E. N. Linguistic means of representing space in the urban text // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 152–161. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/152-161>

В настоящее время в различных областях знаний (социологии, политологии, философии) наблюдается тенденция к поиску региональной идентичности; исследователи широко используют понятие *регионализм*. Истоки регионализма исследователи находят в культурном опыте и исторических традициях регионов. В конце XX века были предприняты попытки классифицировать и типологизировать различные формы и разновидности регионализма. Так, А.С. Макарычев диссоциативный регионализм связывает с понятиями *децентрализация, территориальная идентичность, локализм и региональная автономия* [10]. В.Н. Стрелецкий рассматривает регионализм как культурный феномен с двух точек зрения: в качестве культуры в географическом пространстве, а также как географическое пространство в самой культуре [13, с. 127]. По мнению автора, регионализм как феномен культуры определяется достаточно большим количеством индикаторов; к числу важнейших индикаторов регионализма В.Н. Стрелецкий относит региональное самосознание, или самоотождествление людей с той или иной территорией и местной языковой системой.

Филологическая наука не осталась в стороне: появилась специфическая отрасль – литературное краеведение, которое установило связь между литературной историей края и культурным творчеством, которое включает в себя исторически сложившиеся и зафиксированные в художественных текстах и документах территории проживания, верования, традиции, культурный опыт людей, проживающих на данной территории.

В рамках нового направления – литературной регионалистики – получили масштабное описание различные виды локальных текстов: пермский текст, крымский текст и др. Истоки дальнейшего глубокого изучения локальных текстов лежат в работе В.Н. Топорова, его идея в дальнейшем была подхвачена в исследованиях московского текста (И. Б. Делекторская, В. В. Калмыкова). Н.Е. Меднис параллельно с этим разработала теорию сверхтекста (глобальное единство, совокупность текстов, связанных общей идеей и привязанных к месту), и это понятие стало продуктивным для исследователей географически маркированных текстов, так как оно позволяет объединить

разные тексты об одном месте в определённое содержательное единство. В лингвистической науке эта тенденция выразилась в том, что появились многочисленные работы, описывающие языковые особенности регионально обусловленных текстов.

Определённую проблему составил выбор самого термина, именующего тексты такого рода. Впервые к понятию *локальный текст* обращается В.В. Абашев: "Его [текст] следовало бы назвать локальным, поскольку он поставлен в соответствие локусу и формируется из его семиотических ресурсов" [1, с. 36]. Согласно приведенным лингвистическим исследованиям, текст всегда локусно привязан к месту и формируется вокруг городов: московский, петербургский, таллиннский; регионов: сибирский, крымский; кроме того, исследователи отмечают формирование локального текста вокруг так называемых экстранациональных локусов (лондонский, флорентийский). При этом текст выступает одновременно как текст культуры – город как текст – отсюда специфика текстового пространства, характерная для конкретного локального текста, – и как текст литературы. Такая позиция представлена в исследованиях В.Н. Топорова, В.В. Абашева, Н.Е. Меднис и др.

Проблема образования и функционирования текста возникла на пересечении лингвистики, литературоведения, поэтики, семиотики и обусловила формирование особой отрасли лингвистики – лингвистики текста. Проблема рассмотрения и изучения текста как особой языковой единицы, отличающейся от других единиц языка и речи, приобрела особую актуальность. Среди ученых нет единого мнения о лингвистике текста и его принадлежности к единицам языка или речи. Приведем общеизвестное мнение М.М. Бахтина о тексте: "связный знаковый комплекс, который строится по законам языка, содержащего для этой цели лексические средства, местоимения, временные и модальные формы, воспроизводимые и повторяющиеся при построении текстов" [2, с. 281]. В продолжении идеи М.М. Бахтина Г.В. Колшанский говорит о тексте как о моделируемой единице языка: микросистемой, "способной воплощать в себе отображаемые в человеческом знании системные знания мира, является текст, который и функционирует в обществе в качестве основной языковой единицы" [7, с. 35]. Напротив, И.А. Зимняя не относит текст к языку или речи, считая текст более сложным явлением [5, с. 192]. В нашем исследовании мы вслед за А.А. Леонтьевым, Н.Д. Зарубиной и др. исследователями понимаем текст как любой законченный продукт речевой деятельности [4, с. 11].

Теоретической базой послужили исследования локальных текстов В.В. Абашева, В.Н. Топорова, Н.С. Милянчук, А.В. Попова, Л.М. Гаврилиной, лингвистики текста М.М. Бахтина, Г.В. Колшанского, А.А. Леонтьева, литературоведческого аспекта текста Н.В. Шевченко, Э.Ф. Щербиной, Л.А. Ноздриной.

Фактическим материалом исследования стали фрагменты текстов малоизученных произведений М.В. Щербакова "Корень жизни", "Кадет Сева", "Последний рейс" из сборника "Одиссеи без Итаки" [15], локусно привязанные к Владивостоку. Произведения, составившие сборник, разнообразны по сюжетному наполнению, мы же исследовали собранные методом сплошной выборки фрагменты произведений, в которых отражена панорама города Владивостока, городской пейзаж, изображение города, пропущенные сквозь призму восприятия автора.

Многоаспектный характер изучаемой проблемы определил необходимость привлечения следующих методов исследования: метод контекстуального анализа, метод лингвистического описания средств представления пространства в городском тексте. Материал для анализа выбран из оригинальных источников на русском языке.

Изучение локальных текстов является актуальным по нескольким причинам. Во-первых, выбранное нами направление исследования локального текста отражает современную тенденцию к поиску региональной идентичности в различных областях знания. Во-вторых, изучение языкового сознания и функциональный анализ исследуемого материала дает возможность более глубокого проникновения в особенности функционирования категории пространства и позволяет рассмотреть некоторые способы вербализации имплицитных смыслов в художественных текстах М.В. Щербакова.

В нашей работе локальный текст исследуется с точки зрения функционального синтаксиса, классифицируются синтаксические средства, играющие ключевую роль в формировании текстового пространства города; исследование локального текста позволяет выявить ряд стилистических эффектов, формирующих в тексте неповторимое лицо города Владивостока. Исследование дальневосточного и владивостокского текста является уникальным, так как до сих пор в отечественной лингвистике и литературоведении нет исследований, посвященных изучению образа города, классификации синтаксических средств, формирующих коммуникативное пространство владивостокского текста.

Исследованием и описанием локальных текстов занимались такие исследователи, как В.Н. Топоров, Н.С. Милянчук, А.В. Попов, Л.М. Гаврилина. А.В. Попов исследует проблемы интерпретации художественной символики локального текста и понимает под локальным текстом речевое произведение, географически локализованный "коммуникативно-направленный и прагматически значимый сложный знак лингвистической природы" [12, с. 170]. Л.М. Гаврилина говорит о своеобразной "знаковой манифестации специфики локуса" в локальном тексте [3, с. 45] и выдвигает предположение, что в качестве локального текста может быть рассмотрен любой локус, и "это является закономерным следствием и продуктом социокультурной деятельности, в ходе которой человек не только физически преобразует окружающий мир, но и семиотизирует его, приобщая к семиосфере национальной культуры" [3, с. 48]. В.Н. Топоров, исследуя феномен Петербурга, обозначает петербургский текст как устройство, "с помощью которого и совершается переход а *realibus ad realiora*, пресуществление материальной реальности в духовные ценности, отчетливо сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата и в свою очередь требует от своего потребителя умения восстанавливать ("проверять") связи с внеположенным тексту, внетекстовым для каждого узла Петербургского текста" [14, с. 7]. Н.С. Милянчук ставит вопрос о существовании дальневосточного текста как определенной разновидности текстовой структуры художественных и публицистических произведений о российском Дальнем Востоке [11, с. 178] и выделяет в дальневосточном тексте "специфическую семантическую и коммуникативно-грамматическую структуру, которая отражает идею освоения обширных пространств, преодоления трудностей, идею выживания в борьбе со стихией, с враждебными силами" [11, с. 178]. Таким образом, локальный текст – это законченный продукт речевой деятельности, продукт социокультурной деятельности, обладающий специфической семантической и коммуникативно-грамматической структурой, отражающей характерные черты определенного локуса.

Следует отметить, что синтаксический анализ текста невозможен без осознания взаимосвязи значения и формы, без учета смысла, который передается с помощью данной формы, поэтому семантико-синтаксический анализ является важнейшим компонентом анализа текста. На этапе такого анализа каждая лексема осознается и описывается уже как синтаксема, т.е. как "минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений" [6].

Локус имеет определенное концептуальное пространство. В результате накопления информации и ее дальнейшей мифологизации формируется особый фрагмент картины мира, который репрезентуется в тексте. Один из основных концептов каждой культуры – пространство и время. Пространство – это не только форма мира, это и локализация человеческого существования.

Практически во всех исследованиях, посвященных литературоведческому аспекту текста, в частности в работах Н.В. Шевченко, Э.Ф. Щербиной, Л.А. Ноздриной, выделяются категории художественного пространства и времени. Так, в работе "Пространство и текст" В.Н. Топоров упоминает два модуса восприятия пространства: "ньютоновское" пространство автор понимает как нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами; пространство в концепции Лейбница, напротив, как относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования этих объектов. Ученые сходятся во мнении, что ка-

ждая культура по-своему выражает свое отношение к пространству; это отношение к пространству и получает репрезентацию в локальном тексте.

Текст представляет собой художественное единство и языковую ценность, совокупностью которой выступают его семантические и формальные признаки. Текстовое пространство позволяет провести классификацию самых разных функционально-семантических типов речи, ее регистров. Проанализировав 60 выбранных нами текстовых фрагментов с точки зрения закрепленности текстовой структуры, мы пришли к выводу, что во всех анализируемых фрагментах представлена текстовая структура нарративного типа репродуктивно-изобразительного коммуникативного регистра:

(1) *Владивосток же тем временем из жалкой стоянки 3-й роты Четвертого линейного батальона, к которой когда-то пристал капитан Дек, постепенно расцветал в значительный порт, и по тем окрестным сопкам, куда раньше тигры уносили зазевавшихся голопузых корейчат, пролегли сначала ровные просеки, а затем – настоящие улицы, и на главной – Светланке – стали выростать вместо временных, почерневших и рубленых, – настоящие краснокирпичные домики [15, с. 172].*

Семантическими доминантами рассматриваемых нами фрагментов владивостокского текста являются движение, перемещение, активность. Владивосток выступает конечной точкой, землей обетованной. Жители Владивостока всячески пытаются обустроиться: многолюдные улицы, толкотня, постоянное перемещение – это проявляется в частотности использования акциональных глаголов, в первую очередь, движения и перемещения, а также осложнений, выраженных деепричастиями с зависимыми словами:

(2) *А капитан вышел на улицу, под яркое солнце и пошел, втянув голову в плечи, по Светланке, смотря прямо перед собой [15, с. 180].*

(3) *Капитан Дек прошел мимо памятника и остановился у парапета на самом краю ската [15, с. 180].*

(4) *Через два часа "Стороож", густо надымив по рейду, к полному удивлению портовых властей, уже миновал Русский Остров и начал, завернув вправо за Ослиными Ушами, полным ходом пересекать Амурский залив [15, с. 181].*

Визуальное пространство рассматриваемых фрагментов отражает реальные предметы, собранные взглядом наблюдателя, и описывается глаголами перцептивного (зрительного, слухового, обонятельного) восприятия. Лексика перцептивного восприятия, играющая ключевую роль в художественном воссоздании городского пространства Владивостока, представляет многочисленную группу:

1) зрительного – преобладание желтого цвета, света, яркого солнца – ср. тьма в петербургском тексте:

(5) *бледно-янтарный, медвяный, пахучий шведский пунш в бутылках с золотыми гроздьями винограда на ярлыках* [15, с. 169].

(6) *яркая, слепящая приморская весна* [15, с. 177].

(7) *яркое солнце* [15, с. 180].

(8) *на посыпанную желтым песочком площадку* [15, с. 180].

(9) *по желтым срывистым сопкам смутно различались пятна бетонных фортвов* [15, с. 180].

(10) *огнисто-розовые зайчики от кем-то подоожжённой барахолки* [15, с. 249].

(11) *ослепительный фиолетовый сноп прожектора* [15, с. 249].

2) Слухового – частотными в исследуемых фрагментах являются аудиальные глаголы со значением "звукоизвлечения":

(12) *В порту около "Стороожа" тарахтели цепями лебедки, галдели грузчики [15, с. 181].*

(13) *громычал гонг, напрягая звук, и визжали дудки и однострунные скрипицы [15, с. 35].*

3) обонятельного:

(14) *поднялся мимо пахучих торговых рядов по крутой улице и плотно закусил в харчевне под вывеской "Каледония" [15, с. 30].*

(15) *дышали разложенные цветистыми горками тропические фрукты, убивая своим ароматом китайскую вонь [15, с. 35].*

(16) *тошно от всех этих чуждых запахов и звуков, его потянуло туда, где были белые люди, а не эти скользкие черные фигуры, от которых так явственно пахло смертью [15, с. 35].*

(17) *от темных ручейков, сохших под подворотнями, подымался таковой пронзительный смрад, что Николай Тимофеевич сплюнул и выругался [15, с. 31].*

Обращает на себя внимание преобладающая световая доминанта, громкость, шум. Категория перцептивности является способом воспроизведения в тексте фрагментов окружающего мира, событий действительности и др., которая опосредуется наблюдателем – участником ситуации, персонажем, автором текста – совпадающим или не совпадающим с субъектом речи (говорящим).

Большой интерес для исследования представляет группа лексики, играющей ключевую роль в изображении многолюдных картин города. Описываемые языковые средства позволяют выявить стилистические эффекты – речевое намерение автора вызвать у читателя определенную эмоциональную реакцию. Синтаксис владивостокского текста направлен на создание многолюдности и масштабности событий:

1. Многочисленность, разнообразие человеческой массы. В данной группе обращают на себя внимание частные морфологические свойства используемой лексики, а именно: абсолютное преобладание формы множественного числа:

(18) *Они привозили и увозили разный люд: многосемейных старовров-переселенцев, "штатунов" – искателей легкого счастья, военных в белых кителях, каторжную кандальную шпану [15, с. 172].*

(19) *В коридорчиках из облапленного, почерневшего кирпича с темными подтеками шмыгали и торопились ходи в халатах и синих курмах, растегаемых на медно-красной груди [15, с. 30].*

(20) *Белые лица исчезли так же, как и крашенные дома [15, с. 30].*

(21) *От скудных лампочек, особенно когда с ними спорит луна, зелень кажется жёсткой и тёмной, лица же с резкими рембрандовскими тенями – красивой, значительней [15, с. 245].*

(22) *И в этот городок, прилипший ласточкиными гнёздами к обрывам сопки, которые выперли то пасхами, то куличами, то просто шишами какими-то, – сколько людей, сколько пламенных надежд лилось в него в двадцатых годах из агонизировавшей России, из оцетинившейся зеленохойной Сибири, из благодатного Крыма, с Кавказа, из Туркестана, через волнистые барханы Гоби, через жжёные Монгольские степи и даже окружным путём – по морщинистым лазурным зеркалам тропических морей!.. [15, с. 243].*

2. Следующая группа представлена в тексте субстантивной лексикой и выражена изобразительным регистром, подчеркивающим преобладающие национальные черты и неоднородность человеческой массы – этническое, социальное, профессиональное разнообразие:

(23) *Потом он прошел по шикарней Светланке, где милицейские и подрумяненные женщины в легком косились на его таежный костюм, побрился, подстригся, завернул налево и потонул в паутине узких переулков и закоулков [15, с. 30].*

(24) *На следующий день после обеда, пока лодочник ругался с другими "юли-юли", пробиваясь к берегу среди леса голых мачт, он благополучно выпрыгнул на камни Семеновского базара [15, с. 30].*

(25) *Точно вся прежняя Россия, найдя себе отсрочку на три года, микроскопически съёжилась в этом каменном котле, чтобы снова расплзтись оттуда по всем бережьям Тихого океана, пугая кудластыми вихрами и выгоревшими гимнастёрками колониальных мисс и шоколадных филиппинок... [15, с. 244].*

(26) *И каких только людей туда не заносило: вот какой-нибудь бородастый до самых глаз дядя в торбазах и оленьей кухлянке продаёт ходе-китайцу мешочек золотого песку, намытого под Охотском [15, с. 244].*

(27) *А рядом меняет свои лиры оливковый поджарый итальянчик и мерно работает челюстями над жвачной резинкой точно топором рублённый янки-матрос [15, с. 244].*

(28) *И повсюду – неусыпное око – шныркие коротконогие японцы, кишевшие во всех концах города, расплзшиеся по всем окрестным пороховым*

складам и фортам могучей прежде крепости. Точно муравьи на холодеющей лапе недобитого зверя... [15, с. 244].

Эффект национального разнообразия создается в изобразительном регистре указанием на элементы разных культур, что вызывает усиление семантики:

(29) Там, на тротуарах, китайцы уже зажигали рядом со своими лотками, прямо на земле, тысячи фонариков, как в России, когда святят пасхи [15, с. 35].

(30) После обычных вежливостей и чашек бледно-зеленого чая охотник перешел к делу [15, с. 32].

(31) Дойдя до ворот, по бокам которых, кроме черных дощечек с вязью иероглифов, висела вывеска с безголовым офицерским мундиром прошлого века, он уверенно пересек дворик, обогнул два угла и, пройдя коротким тоннелем, поднялся прямо со двора во второй этаж по сквозной чугунной лестнице [15, с. 10].

При погружении в текстовое пространство субъект восприятия мыслит себя в тех событиях, которые он пережил (видел) сам; это область непосредственного "переживания" времени; настоящее или прошедшее время в тексте связано с реальностью наблюдаемого (сейчас или тогда). Грамматический аспект категории времени в анализируемых текстовых фрагментах представлен видовременными формами глагола. Например, настоящее время имперфектного глагола обозначает действие в его "неизменчивой" протяженности, длительности, незавершенности:

(32) Владивосток же тем временем из жалкой стоянки 3-й роты Четвертого линейного батальона, к которой когда-то пристал капитан Дек, постепенно расцветал в значительный порт, и по тем окрестным сопкам, куда раньше тигры уносили зазевавшихся голопузых корейчат, пролегали сначала ровные просеки, а затем – настоящие улицы, и на главной – Светланке – стали вырастать вместо временных, почерневших и рубленых, – настоящие кирпичные домики [15, с. 172].

Городская среда: дома, казармы, суда – с одной стороны, суровая, некомфортабельная, неустроенная. А с другой стороны, гедонистическая – трактир, танцы, бордели, опиум:

(33) Под ним, нежась в солнечном ветре, бирюзово, лилово, переливаясь из сапфиров в изумруды, просторно расстился великолепный рейд [15, с. 180].

(34) У многочисленных причалов и пристани торчали мачты парусников, опутанные нитями снастей, прилежно вывалили дымки парходные трубы [15, с. 180].

(35) Сам рейд был сейчас пустынным. Только далеко вправо, у входа в бухту, стояла на буйке, как одинокий привратник, игрушечная брандвахта, а напротив, у Чуркина мыса, где выводили стены новых длинных казарм, скользила, наклоняясь к воде, какая-то белоснежная яхточка, будто кто медленно тянул ее на веревочке [15, с. 180].

(36) Как дался в руки белого дьявола священный Корень? Как допустил это гений-охранитель? – думал старик, следя, как вздувается на кончике иглы над лампочкой коричневая слеза опиума. И только окутавшая его пелена тяжелого сладкого дыма, выливавшаяся из массивной трубки, несколько успокоила возбуждение [15, с. 34].

(37) Николай Тимофеевич твердо помнил, что ему нельзя пить водку до тех пор, пока он не разделается с Корнем Жизни, но к их столику подседа знакомая шансоньетка, и он разрешил себе маленький графинчик жгучей и терпкой влаги. Он разошелся, заказал своей даме какой-то удивительный пунш, горевший синими языками, и даже попробовал было дирижировать оркестром на эстраде [15, с. 36].

(38) Если вы жили во Владивостоке, то, наверное, уезжали по воскресеньям на платформу "Девятнадцатой Версты", и если вы не слишком стары, то попадали вечером на дачную танцульку На пыльном круге, а ещё сильнее в садике, рядом, темновато. От скудных лампочек, особенно когда с ними спорит луна, зелень кажется жёсткой и тёмной, лица же с резкими рембрандовскими тенями – красивой, значительней [15, с. 245].

Синтаксические средства, выявленные в анализируемых текстовых фрагментах, создают панораму, картину многокомпонентного изображения, отражают подвижность людей. К ним относятся конструкции простого предложения с неприсловной полупредикативной связью, выраженной дееспричастным оборотом, вербальные конструкции с акциональными глаголами:

(39) *Из-под больших зонтов дышали разложенные цветистыми горками тропические фрукты, убивая своим ароматом китайскую вонь* [15, с. 35].

(40) *В ресторанчиках с цветными стеклами громыхал гонг, напрягая звук, и визжали дудки и однострунные скрипичи* [15, с. 35].

А также сложносочиненные и сложноподчиненные безличные предложения, отражающие общее состояние безысходности, описанное в тексте:

(41) *"Охотнику сделалось тошно от всех этих чуждых запахов и звуков, его потянуло туда, где были белые люди, а не эти скользкие черные фигуры, от которых так явственно пахло смертью"* [15, с. 35].

К синтаксическим средствам связи относятся и сложные предложения, содержащие в своей структуре сочинительные ряды, используемые для усиления семантики:

(42) *Выйдя на Светланку, он невольно оглянулся вправо: там, сверху и между геометрическими утесами домов, еще пылала яростно заревающая щель, раздавленная плоскими чернильными тучами. Но из Гнилого Угла уже тянул через залив навстречу толпе морозистый туман, наполнив бухту, переливался через парапеты Невельского сада и несся к закату по улице отдельными волокнами, не расплывающимися в воздухе и не теряющими формы* [15, с. 35].

Субстантивные и вербальные конструкции с прилагательными и частями, используемые автором, изображают Владивосток и являются неотъемлемой частью повествования:

(43) *И когда ветер из Гнилого Угла, нанося ключья туч, укутывал Владивосток в вату упорного крупного тумана, капитан Дек поднимал, обычно первым, свой якорь и уходил на Север* [15, с. 171].

(44) *Вскоре затем наступила весна, — яркая, слепящая приморская весна* [15, с. 177].

В анализируемых фрагментах представлены стилистические приемы: антитезы – противопоставления, позволяющие автору показать свое отношение к описываемому субъекту или объекту:

(45) *Владивосток жёлт и сер, а остров совсем зелёный* [15, с. 243].

Кроме того, также имеют место сравнения:

(46) *И повсюду — неусыпное око — шныркие коротконогие японцы, кишевшие во всех концах города, расплзшиеся по всем окрестным пороховым складам и фортам могучей прежде крепости. Точно муравьи на холодеющей лапе недобитого зверя...* [15, с. 244].

(47) *Край развивался быстро и упорно, как дичок яблони после прививки* [15, с. 172].

Кроме того, в анализируемых текстовых фрагментах находим яркое проявление характерного для всех произведений эмигрантской прозы русского Дальнего Востока противопоставления Восток-Запад:

(48) *Но не русская — ленивая и мирная, а притаившаяся, настороженная, какая-то враждебная. Азию всё-таки чувствуешь* [15, с. 245].

(49) *Вот зато на самом танцевальном круге чужого как будто и нет: те же обязательные чахлые берёзки, как в какой-нибудь Малаховке под Москвою, та же не в меру бойкая волторна в оркестре и тот же извечный вальс "Лесная сказка"* [15, с. 245].

Отличительной чертой городского текста М. Щербакова являются представленные в изобразительном регистре пространственные описания:

(50) *И когда ветер из Гнилого Угла, нанося ключья туч, укутывал Владивосток в вату упорного крупного тумана, капитан Дек поднимал, обычно первым, свой якорь и уходил на Север* [15, с. 171].

(51) *Слева полого вытянулся Чуркин мыс с детскими кирпичиками домиков и дубняком по плешистым скалам; справа — мыс Басаргин запустил в океан свою голую, обглоданную солеными ветрами лапу, из которой выплыл*

далеко в море бело-сахарный маячок на тонкой изогнутой нитке Токаревской кошки: ветер с берега, вот его и отнесло [15, с. 243].

Пространственные описания создают, с одной стороны, движение тумана, с другой стороны, позволяют выявить особый тягучий синтаксис, характерный для владивостокского текста:

(52) Обычно же, заведев на туманном дождевом горизонте трубу "Сторожа", хищник бросался наутек, стараясь использовать каждый дюйм своих парусов, и тогда начиналась ожесточенная долгая охота, в которую капитану Деку приходилось вкладывать все свое искусство моряка и все свое знание Северного моря [15, с. 174].

(53) Но из Гнилого Угла уже тянул через залив навстречу толпе морозистый туман, наполнив бухту, переливался через паранеты Невельского сада и неся к закату по улице отдельными волокнами, не расплывающимися в воздухе и не теряющими формы [15, с. 35].

(54) Мостовая быстро почернела сыростью, толпа в белом передернула плечами после дневного зноя и поредела [15, с. 35].

Частотным в текстах М. Щербакова является употребление в конструкциях простого и сложного предложения согласованных и несогласованных определений:

рыхлый, зернистый лед; вата упорного крупного тумана; яркая, слепящая весна.

Дескриптивные (описательные) глаголы принимают активное участие в создании светового/звукового фона и цветовой гаммы владивостокского текста. Данные языковые средства наиболее часто выступают в создании природных образов, передавая, скорее, не действие, а признак предмета:

(55) Там уже все цвета радуги скользят, играют, плещутся и затухают на воде [15, с. 243].

(56) А выйдешь за калитку — и в двух шагах уже морской берег в густых травах и кровавом шиповнике по топкому песку, откуда виден темный мыс, густо посыпанный мелкими дачными огоньками, видна гористая даль по ту сторону залива, над которой ещё долго после заката не тухнет под тяжёлыми тучами огненно-лиловая зарева шель [15, с. 245].

(57) И над всем Амурским заливом плывёт парная широкая тишина... [15, с. 245].

(58) — *Валечка! — заспешил он. — Идите скорей!.. Смотрите: море горит! Чудно!.. Изумительно!.. Пожар, ну... ну... прямо — настоящий пожар!... [15, с. 245].*

(59) Выйдя на Светланку, он невольно оглянулся вправо: там, вверху и между геометрическими утесами домов, еще пылала яростно зарева шель, раздавленная плоскими чернильными тучами [15, с. 35].

(60) Волны ритмично клеткали под носом, свиваясь и развиваясь в жемчужные ускользающие водовороты [15, с. 181].

Проведенный семантико-синтаксический анализ позволяет сделать вывод о том, что в реализации пространства городского текста М.В. Щербакова важную роль играют лексические, морфологические и синтаксические средства. Анализ используемых стилистических приемов выявил изобразительный регистр, преимущественно используемый автором в пейзажных и пространственных описаниях. Глаголы со значением "излучение света" (*блестеть, светиться* и под.), наблюдаемые в тексте, выступают в прямых значениях и придают авторским пейзажным зарисовкам не только дополнительную яркость и свечение, но и заряжают их мажорным настроением. Данный прием позволяет сформировать неповторимый образ города Владивостока и создать особое настроение участника ситуации и в целом владивостокского текста — жизнерадостное, лучистое, полное надежд.

Литература

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. / В. В. Абашев. – Пермь: Звезда, 2008. 399 с.
2. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках// Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 281–307.
3. Гаврилина Л.М. Диалог культур в пространстве калининградского локального текста// Диалог культур: поэтика локального текста: Материалы V международной научной конференции. Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г./ под ред. П.В. Алексеева: В 2-х т. Т. 2 Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. С. 45–48.
4. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты / Н. Д. Зарубина. М.: Рус. яз., 1981. 113 с.
5. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО "МОДЭК", 2001. 432 с.
6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998; 2 изд. М., 2004, 524 с.
7. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. С. 35.
8. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города/ Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры : Петербург. Тарту: Тартуский университет, 1984. С. 30–45.
9. Лурье М. Л. Элементы локального текста: методика контекстного анализа [Электронный ресурс] / М.Л. Лурье. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls10_program_lurye.htm. (дата обращения: 15.12.2021).
10. Макарычев А.С. Выступление на "круглом столе": "Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования" [Электронный ресурс] / А.С. Макарычев. URL: <http://www.kennan.yar.ru/materials/profi2/part2/sect45.htm>. (дата обращения: 15.12.2021).
11. Милянчук Н. С. К вопросу о "географической" типологии текстов: существует ли "дальневосточный" текст? / Н. С. Милянчук // На перекрестках филологических дорог: сборник статей к юбилею доктора филологических наук профессора Елены Александровны Первушиной / [отв. ред. Т. И. Петрова]. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2014. С. 177–185.
12. Попов А.В. Проблемы интерпретации художественной символики локального текста (на примере стихотворений Г.В. Кондакова)// Диалог культур: поэтика локального текста: Материалы V международной научной конференции. Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г./ под ред. П.В. Алексеева: В 2-х т. Т. 2 Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. С. 170.
13. Стрелецкий В.Н. Культура как географическая реальность и научные традиции в культурной географии // Рефлексивность социальных процессов и адекватность научных методов. Пятое Сократическое чтения / под ред. В.А. Шупера. М.: Эслан, 2004. С. 127–141.
14. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб: Искусство СПб, 2003. 321 с.
15. Щербakov М.В. Одиссеи без Итаки/ Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы/ Сост., комм. и вступит. ст. А. Колесова (Серия "Восточная верфь") Владивосток: Рубеж, 2011. 480 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abashev V. V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature XX v. / V. V. Abashev. – Perm': Zvezda, 2008. 399 s.
2. Bakhtin M.M. Problema teksta v lingvistike, filosofii i drugikh gumanitarnykh naukakh// EHstetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979. S. 281–307.
3. Gavrilina L.M. Dialog kul'tur v prostranstve kaliningradskogo lokal'nogo teksta// Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta: Materialy V mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Gorno-Altajsk, 26–29 sentyabrya 2016 g./ pod red. P.V. Alekseeva: V 2-kh t. T. 2 Gorno-Altajsk: RIO GAGU, 2016. S. 45–48.
4. Zarubina N.D. Tekst: lingvisticheskij i metodicheskij aspekty / N. D. Zarubina. M.: Rus. yaz., 1981. 113 s.
5. Zimnyaya I.A. Lingvopsikhologiya rechevoj deyatel'nosti. M.: Moskovskij psikhologo-sotsial'nyj institut, Voronezh: NPO "MODEHK", 2001. 432 s.
6. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.YU. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. M., 1998; 2 izd. M., 2004, 524 s.
7. Kolshanskij G.V. Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka. M., 1984. S. 35.
8. Lotman YU. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda/ YU. M. Lotman // Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury : Peterburg. Tartu: Tartuskij universitet, 1984. S. 30–45.
9. Lur'e M. L. EHlementy lokal'nogo teksta: metodika kontekstnogo analiza [EHlektronnyj resurs] / M.L. Lur'e. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls10_program_lurye.htm. (data obrashheniya: 15.12.2021).

10. Makarychev A.S. Vystuplenie na "kruglom stole": "Vliyanie zarubezhnykh kontseptsij na razvitie rossijskogo regionalizma: vozmozhnosti i predely zaimstvovaniya" [EHlektronnyj resurs] / A.S. Makarychev. URL: //http://www.kennan.yar.ru/materials/profi2/part2/sect45.htm. (data obrashheniya: 15.12.2021).

11. Milyanchuk N. S. K voprosu o "geograficheskoj" tipologii tekstov: sushhestvuet li "dal'nevostochnyj" tekst? / N. S. Milyanchuk // Na perekryostkakh filologicheskikh dorog: sbornik statej k yubileyu doktora filologicheskikh nauk professora Eleny Aleksandrovny Pervushinoj / [otv. red. T. I. Petrova]. Vladivostok: Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet, 2014. S. 177–185.

12. Popov A.V. Problemy interpretatsii khudozhestvennoj simvoliki lokal'nogo teksta (na primere stikhotvorenij G.V. Kondakova) // Dialog kul'tur: poehtika lokal'nogo teksta: Materialy V mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Gorno-Altajsk, 26–29 sentyabrya 2016 g./ pod red. P.V. Alekseeva: V 2-kh t. T. 2 Gorno-Altajsk: RIO GAGU, 2016. S. 170.

13. Streletskij V.N. Kul'tura kak geograficheskaya real'nost' i nauchnye traditsii v kul'turnoj geografii // Refleksivnost' sotsial'nykh protsessov i adekvatnost' nauchnykh metodov. Pyatye Sokraticheskie chteniya / pod red. V.A. SHupera. M.: EHslan, 2004. S. 127–141.

14. Toporov V.N. Peterburgskij tekst russkoj literatury: izbrannye trudy. SPB: Iskusstvo SPB, 2003. 321 s.

15. SHHerbakov M.V. Odissei bez Itaki/ Povest', rasskazy, ocherki, stikhi, perevody/ Sost., komm. i vstupil. st. A. Kolesova (Seriya "Vostochnaya verf") Vladivostok: Rubezh, 2011. 480 s.

Информация об авторе

Елена Николаевна Пугачева, старший преподаватель кафедры русского языка Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия, e-mail: Elena.Pugachva@vvsu.ru

Information about the author

Elena N. Pugacheva, Senior Lecturer, Russian Language Department, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: Elena.Pugachva@vvsu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 25.12.2021

Одобрена после рецензирования

(Revised) 04.05.2022

Принята к публикации

(Accepted) 16.05.2022

Институт Конфуция в Благовещенске как центр российско-китайского сотрудничества

Наталья Владимировна Хисамутдинова
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Владивосток, Россия, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru
Ян Юе

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ian.iue1@dvfu.ru

Аннотация: На примере Института Конфуция Благовещенского государственного педагогического университета рассмотрены вопросы сотрудничества российского Дальнего Востока и Китая в области образования и культуры. Открытый в 2007 г. в результате активных двусторонних связей с Хэйхэским университетом (провинция Хэйлуцзянь), Институт Конфуция БГПУ стал не только областным центром изучения китайского языка и китайской культуры, но и важным звеном российско-китайского сотрудничества. Принимая во внимание высокую концентрацию Институтов Конфуция в Дальневосточном федеральном округе, делается вывод о большом значении данного региона для Китая и важной роли дальневосточных вузов во взаимоотношениях с соседней страной.

Ключевые слова: *Благовещенский государственный педагогический университет, Институт Конфуция, китайский язык, российско-китайские культурные связи*

Для цитирования: Хисамутдинова Н. В., Ян Юе. Институт Конфуция в Благовещенске как центр российско-китайского сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 162–170. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/162-170>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/162-170>

Confucius Institute in Blagoveshchensk as a Center of Russian-Chinese Cooperation

Natal'ya Vladimirovna Khisamutdinova
Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru
Yang Yue

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ian.iue1@dvfu.ru

Abstract: Some issues of cooperation between the Russian Far East and China in the educational and cultural sphere are discussed on the example of the Confucius Institute in the Blagoveshchensk State Pedagogical University. It was opened in 2007 as a result of active bilateral relations with Heihe University (Heilongjiang Province). Since that time the BSPU Confucius Institute has become both the regional center for studying the Chinese language and national culture and an important link in Russian-Chinese cooperation. Considering the high concentration of Confucius Institutes in the Far Eastern Federal District, four out of 19 in Russia, the conclusion is made about the great China' interest in this region and the important role Far Eastern universities may play in relations with the neighbouring country.

Key words: *Blagoveshchensk State Pedagogical University, Confucius Institute, Chinese language, Russian-Chinese cultural cooperation*

For citation: Khisamutdinova N. V., Yang Yue. Confucius Institute in Blagoveshchensk as a Center of Russian-Chinese Cooperation // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 162–170. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/162-170>

Во многих странах существуют организации для продвижения национальной культуры и языка в других государствах, например, российский "Русский мир", Японский фонд, греческий "Эллинистический фонд", Институт Гёте в Германии, международная организация франкоязычных стран "Франкофония" и т.д. Хотя их цели, задачи и методы работы несколько различаются, в целом они выполняют важную миссию – способствуют изучению иностранных языков, расширению связей в гуманитарной области и укреплению взаимопонимания жителей разных стран. Аналогичная организация – Институт Конфуция – создана и в Китайской Народной республике (КНР).

О работе Институтов Конфуция в России написано немало работ. И отечественные, и китайские исследователи сообщают факты об истории их открытия в разных российских регионах и вкладе в культурное сотрудничество двух стран [3; 5; 6; 18], анализируют деятельность Института Конфуция как инструмента "мягкой силы" [4; 12; 13; 14; 22]. Вместе с тем почти никто из авторов не выделяет особенности функционирования этой образовательной организации на российском Дальнем Востоке, тогда как этот регион, как никакой другой, заслуживает пристального внимания, имея в виду его ближайшее соседство и тесные взаимосвязи с Китаем, а также число лиц, изучающих китайский язык. Не случайно в Дальневосточном федеральном округе работает почти пятая часть всех Институтов Конфуция, открытых в России.

Используя материалы официального Интернет-сайта Китайского фонда международного образования (Chinese International Education Foundation), периодической печати КНР и России, а также публикации российских и китайских исследователей, авторы статьи рассматривают Институт Конфуция Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ) как важное звено сотрудничества российского Дальнего Востока и Китая в области образования и культуры.

Курс на глобальную пропаганду изучения китайского языка Китай взял в 1987 г., когда был сформирован Государственный совет по распространению китайского языка с рабочим органом "Ханьбань" (Центр продвижения китайского языка). Эта организация в структуре Министерства образования КНР и стала курировать работу по оказанию помощи другим странам, где есть желающие изучать китайский язык. К этому времени Китай успел заявить о себе как быстро развивающейся и влиятельной стране, что подогрело интерес к китайскому языку и культуре. Статистика сообщает: с 1990 г. по 2005 г. китайский язык преподавался в более чем 2500 университетах ста стран, всего же его изучали как иностранный более 30 млн человек [23].

Одним из первых регионов, попавших в поле действия канцелярии "Ханьбань", стал Дальний Восток России, где китайский язык традиционно пользовался популярностью: достаточно вспомнить Восточный институт (Владивосток, 1899–1920), где китайский язык был обязательным для изучения на всех отделениях, наличие "китайского разряда" (отделения) в Государственном дальневосточном университете (1920–1939), а затем возобновление, с 1962 г., подготовки китаеведов в Дальневосточном государственном университете (ДВГУ), работу восточного факультета в Дальневосточном государственном техническом университете имени В.В. Куйбышева (с 2011 г. в составе Дальневосточного федерального университета). Открытие границ, взаимное стремление к сотрудничеству, рост интереса дальневосточников к Китаю, его языку и культуре и привели к созданию в 2000 г. при ДВГУ Центра китайского языка, первой в России структуры "Ханьбань" [18, с. 62].

С 2000 г. в кампании по продвижению китайского языка начался новый этап, связанный с переменами в концепции внешней политики Китая и возросшими задачами по распространении китайского языка и культуры за рубежом. Количество культурных акций, проводимых китайской стороной, значительно выросло [14, с. 145], а главная роль в этом процессе отныне отводилась Институтам Конфуция, образовательным учреждениям, которые Китай стал создавать в дружестве с зарубежными учебными заведениями. После открытия в 2004 г. первого Института Конфуция в Сеуле, Республика Корея, они появились почти на всех континентах, и к 2020 г. в 162 странах работали 550 Институты Конфуция и 1172 Классы Конфуция [20].

Владивосток вновь оказался лидером: первый в России Институт Конфуция открыли в декабре 2006 г. при ДВГУ [3, с. 67]. Основанием для этого стало большое число дальневосточников, изучающих китайский язык: оно оказалось выше, чем в Москве и Санкт-Петербурге [8]. О большом значении этого региона для Китая говорит факт проведения в 2009 г. на базе ДВГУ совещания руководителей всех Институты Конфуция на территории постсоветского пространства. На сегодня из 19 Институты Конфуция, открытых в России, четыре работают в Дальневосточном федеральном округе – во Владивостоке, Благовещенске, Улан-Уде и Комсомольске-на-Амуре. Их успешной работе способствуют, с одной стороны, непосредственное соседство региона с Китаем и добрососедские экономические и культурные связи, а с другой – курс России на интернационализацию образования и вхождение дальневосточных вузов в международное образовательное пространство.

Чаще всего открытие Института Конфуция в той или иной стране является следствием дружеских отношений между университетами, и создание его при Благовещенском государственном педагогическом университете – подтверждение этому. Партнерские отношения между БГПУ и Хэйхэским университетом начались с обмена делегациями в 1989 г. Сначала делегация БГПУ побывала в соседнем Хэйхэ, а в июне того же года Ма Цзилонг, бывший руководитель Хэйхэского университета, возглавил группу преподавателей, посетивших благовещенский вуз.

Основанный в 1856 г. Благовещенск является крупным административным, культурным, научным и промышленным центром Дальнего Востока. Благодаря географическому положению город часто называют "воротами в Китай": действительно, чтобы попасть в соседнюю страну достаточно пересечь Амур. Население города, 226 тыс. человек, тесно связано с Китаем. В Благовещенске работает много китайских компаний, которые занимаются строительством, сельским хозяйством, лесной промышленностью, туризмом. После возобновления в 1987 г. приграничной торговли между Благовещенском и Хэйхэ многогранное сотрудничество между этими городами постоянно расширялось, хотя в связи со сложной эпидемиологической обстановкой 2019–2021 гг. несколько приостановилось [21].

Результатом тесной связи двух городов стал интерес населения Благовещенска к Китаю, его языку и культуре, что потребовало языковой подготовки горожан, желающих выучить китайский язык. Она была организована на базе БГПУ, одного из старейших вузов на российском Дальнем Востоке, основанного в 1930 г. (первоначально аграрно-педагогический институт). В 1995 г. вуз получил статус университета, что позволило расширить специализацию. Обучение китайскому языку как специальности ведется в БГПУ на факультете иностранных языков, но и на других факультетах студенты имеют возможность выбрать для изучения китайский как второй иностранный язык наряду с английским. Сотрудничество с Хэйхэским университетом привело к созданию совместных программ и обучению китайских студентов в БГПУ по программам бакалавриата (с 2003), открытию китайской библиотеки с 30-тысячным фондом книг и учебных материалов на китайском языке (2005) и читального зала китаеведения, получающего китайские газеты и журналы. Преподаватели из Китая регулярно участвовали в научно-практических конференциях БГПУ, семинарах и мастер-классах. В 2007 г. китайский язык изучали 76 студентов факультета иностранных языков, 90 студентов других факультетах и 50 учащихся 8–11 классов лицея БГПУ [19].

Всё это стало базой для Института Конфуция в Благовещенске. Заявка на его открытие, поданная БГПУ в соответствии с установленными правилами Генеральному консульству КНР в Хабаровске, была удовлетворена. В пользу вуза сыграло также наличие структурных подразделений университета, занимающихся международной деятельностью (факультет иностранных языков, международный факультет для обучения студентов из-за рубежа, школа русского языка при Центре подготовки и тестирования иностранных граждан, учебно-методический центр немецкой культуры), а также шести читальных залов, вмещающих более 600 человек, собственной типографии, помещений для проведения научных и культурных мероприятий, исследовательской лаборатории современных образовательных технологий [19].

Институт Конфуция, открытый при БГПУ в 2007 г., стал третьим в России после Владивостока и Санкт-Петербурга. Ему было предоставлено всё необходимое для работы: учебные площади (2200 кв. м), 18 компьютеров, жилые помещения для сотрудников. В Совет директоров Института вошли представители России (из БГПУ) и Китая (из Хэйхэского университета). Директор с российской стороны Николай Владимирович Кухаренко занимает этот пост по сей день, первого китайского директора Лу Чуньюе сменил Ван Сяомэй. Работать в Институте стали преподаватели из обоих университетов. Договор предусматривал не менее 40% китайских преподавателей [19], но в БГПУ с первых дней решили, что носителей китайского языка должно быть как можно больше, и сейчас они составляют 82% от всех сотрудников. Большинство имеют дипломы китайских университетов по специальности "Русский язык", но есть и те, кто окончил БГПУ по программе бакалавриата или магистратуры [9]. Прежде чем приехать в Россию, китайские преподаватели изучали основы методики обучения китайскому языку как иностранному на специальных курсах в Пекине, а затем сдавали экзамен. Некоторые преподаватели из КНР поступили в магистратуру БГПУ, есть и те, кто пишет диссертацию.

Как и у большинства Институт Конфуция, у благовещенского имеет несколько направлений работы. Прежде всего, это образовательные программы. Институт предлагает изучение китайского языка на трёх уровнях сложности: базовом, среднем и повышенном. Полный курс обучения рассчитан на четыре года. Поступить в Институт могут все желающие с 14 лет. Для

школьников помладше обучение проходит в двух школах Благовещенска, №№ 14 и 25, где китайский язык изучается при поддержке БГПУ. До недавнего времени в Институте Конфуция проводились и бесплатные занятия с пенсионерами, но после закрытия в 2020 г. российско-китайской границы их пришлось прекратить из-за отсутствия достаточного числа китайских педагогов. Осенью 2021 г. в Благовещенск начали возвращаться преподаватели из Китая, и на повестке дня возобновление занятий в Университете пожилого человека. Ожидается, что в скором времени продолжатся и стажировки студентов в Китае.

Каждый год в Институте Конфуция учатся 200~230 человек, а вместе с дополнительными программами число слушателей превышает 300 человек. В целом за эти годы обучение китайскому языку прошли более 2000 человек. Контингент студентов удалось сохранить и с переходом в марте 2020 г. на дистанционное обучение. Занятия продолжились в реальном времени по прежнему расписанию. Как считает директор Института Н. Кухаренко, в сложных условиях Институт смог адаптироваться и сохранять высокие стандарты преподавания китайского языка.

Начиная с 2013 г. Институт Конфуция совместно с Министерством образования и науки Амурской области проводит олимпиады по китайскому языку для школьников, а также экзамены на определение уровня языковой компетенции – HSK, HSKK, YCT, BCT. Успешно сдавшие экзамен получают международные сертификаты, дающие возможность продолжить обучение в китайских вузах по программам государственных стипендий. В апреле 2021 г. на самый сложный, шестиуровневый тест HSK в Благовещенск приехали 286 человек из разных регионов России: это самый большой показатель за 14 лет работы Института Конфуция БГПУ. Задания теста были полностью обновлены, и китайский директор Института Конфуция организовал две предварительные рабочие конференции в режиме онлайн, чтобы объяснить участникам тестирования новые требования [9].

Примечательно, что сотрудничество БГПУ с КНР не ограничивается продвижением в русскоязычную среду китайского языка. За 14 лет работы в нем Института Конфуция благовещенский университет приобрел более 25 партнеров в Китае и выступил инициатором проектов, направленных на расширение возможностей китайских соседей в изучении иностранных языков – русского, английского, немецкого. При поддержке фонда "Русский мир" БГПУ открыл в сентябре 2009 г. Центр русского языка в Хэйхэском университете, а затем и в ряде других университетов провинции Хэйлунцзян. Осенью 2021 г. в БГПУ по договору с Хэйхэским университетом открылась магистратура по направлению "Межкультурная коммуникация и иноязычное образование" с преподаванием на английском языке, на которую поступили и китайские студенты.

Другое важное направление работы Института Конфуция – повышение квалификации российских преподавателей китайского языка средней и высшей школы. На специальных курсах они могут не только совершенствоваться в китайском языке, но и познакомиться с зарубежными учебными материалами, поработать совместно с китайскими коллегами над новыми учебниками и пособиями. Институт Конфуция предоставляет методический материал и для обучения китайскому языку в профессиональном образовании (сферы услуг, туризма, экономики и торговли). Результатом усилий по развитию этого направления стало открытие в декабре 2021 г. при БГПУ Регионального центра повышения квалификации преподавателей китайского языка [16].

Институт Конфуция оказывает содействие и лицам, чья деятельность связана с Китаем: консультирует по вопросам туризма, международной торговли и бизнеса в КНР, предоставляет справочную литературу. В частности, по предложению Министерства внешнеэкономических связей, туризма и предпринимательства Амурской области были организованы курсы китайского языка для предпринимателей, сотрудничающих с Китаем. Поддерживая Китаеведческие исследования, Институт организует тематические книжные выставки, лекции, семинары, демонстрацию китайских фильмов и программ. Они начались с мая 2012 г., когда гостем Института Конфуция БГПУ стал эксперт по китайской рефлексологии профессор Дуань Яньфэна, председатель Ассоциации традиционной китайской медицины провинции Хэйлунцзян.

Наряду с обучением китайскому языку благовещенский Институт Конфуция активно расширяет каналы межкультурной коммуникации. С 2000 г. БГПУ и Хэйхэский университет обменивались коллективами художественной самодеятельности и спортивными делегациями, а с созданием Института сфера культурной деятельности значительно расширилась. Помимо участия в крупных национальных мероприятиях, таких как "Год России в Китае" (2009) и "Год Китая в России" (2010), Институт регулярно проводит конкурсы по каллиграфии и на знание китайского языка среди школьников и студентов. В 2019 г. Институт Конфуция БГПУ впервые был выбран организатором регионального отборочного этапа всероссийского конкурса школьников и студентов "Мост китайского языка", а через два года Павел Александрович, студент Института Конфуция при БГПУ, не только показал лучший результат в истории этих конкурсов по российскому Дальнему Востоку, но и занял первое место в европейской категории, войдя тем самым в 15 наилучших знатоков китайского языка в мире среди иностранных граждан.

План культурно-просветительской работы включает также приобщение к китайской культуре на лекциях, уроках каллиграфии, мастер-классах по традиционным китайским искусствам и чайной церемонии, привлекающих студентов разных факультетов. Большая культурная программа сопровождала симпозиум, посвященный десятилетию со дня основания первого в мире Института Конфуция (27 сентября 2014). Его участниками помимо российских студентов стали слушатели Института Конфуция из Украины, Вьетнама, Турции и Кыргызстана [24]. Собственное 10-летие Институт Конфуция БГПУ отметил в рамках российской части 7-го Международного слёта молодежи "Мир, где нет чужих" (май 2017). О значении этих торжеств говорит участие в них делегации Генерального консульства КНР в Хабаровске во главе с генеральным консулом Го Чжицзюнь [1].

Несмотря на популярность Института Конфуция, в их адрес раздается немало критических замечаний, связанных с принадлежностью Института государству и, следовательно, полной зависимостью от государственной политики. Отмечаются также факты ущемления ими академической свободы российских вузов, нарушения российских законов, неправомерного использования "учебных" виз и пр. [4; 7, с. 57]. Не избежал нареканий и Институт Конфуция БГПУ. В 2015 г. прокуратура Благовещенска обратилась в суд с требованием приостановить его работу как организации, нарушающей закон об иностранных культурных центрах на территории России. После выяснения обстоятельств, к которому подключилось и посольство КНР в России, вопрос был урегулирован в пользу Института. Как сказал советник-посланник по делам образования посольства КНР в России Чжао Гочэн, "сеть Института Конфуция в России и Центров изучения русского языка в Китае должны получить дальнейшее развитие и поддержку властей, а не закрываться" [15].

Тем не менее реакцией на конфликты, связанные с работой Института Конфуция в разных странах, стал формальный выход Института Конфуция с июня 2020 г. из-под контроля государства и изменение механизма их финансирования. Наряду с канцелярией "Ханьбань", ставшей Центром международного языкового сотрудничества, появилась благотворительная организация, Китайский международный фонд обучения китайскому языку, зарегистрированная в Министерстве гражданских дел КНР. Учредители Фонда, 27 ведущих китайских университетов, заявили о готовности взять на себя поддержку и обслуживание Института Конфуция по всему миру [10]. В Благовещенске считают, что реформа отвечает потребностям времени: она будет способствовать увеличению числа преподавателей из Китая, модернизации учебных программ и еще большей вовлеченности Института Конфуция БГПИ в жизнь Амурской области, хотя он и сегодня занимает в ней заметное место.

Особенно ярко это проявляется в социально-культурной сфере. Преподаватели и студенты Института Конфуция становятся организаторами или участниками всех крупных мероприятий Благовещенска. Серия благотворительных мастер-классов – по каллиграфии, лепке китайских пельменей, вырезании узоров и плетении узелков – позволила в 2016 г. пополнить фонд помощи животным "Горячие сердца". Сотрудничая с Геологическим музеем, Институт участвует в Международном дне музеев. Так, в 2017 и 2018 гг. в рамках "Ночи искусств" наряду с традиционными русскими ремеслами де-

монстрировались и китайские: изготовление цветных чаш, рисование кукол, вырезание из бумаги, ручное вязание, а китайские преподаватели Института Конфуция знакомили публику с народными музыкальными инструментами, искусством каллиграфии, упражнениями Тайцзи.

В честь 11-летия Института Конфуция БГПУ его коллектив сделал подарок Благовещенску: установил в городском парке Дружбы книжный шкаф книгообмена, стилизованный под китайскую пагоду, а в 2021 г. помог городскому управлению культуры подготовить путеводитель по музеям Благовещенска на английском и китайском языках. В городе стали традиционными мероприятия, организуемые Институтом Конфуция по случаю российских и китайских праздников: новогодние вечера, фестиваль полнолуния "Яркая Луна на краю света", праздники "Луна на море" и "Фестиваль любви в середине осени". Сопровождаемые традиционными китайскими песнями, народными танцами и юмористическими спектаклями, они не только демонстрируют результаты занятий с преподавателями, но и вдохновляют молодежь Благовещенска на изучение китайского языка. Только в 2019 г. Институт провел 14 мероприятий по культурному обмену, в том числе "Ночь каллиграфии", "Фотовыставку на память о дружбе", "Опыт чайного искусства".

Если начало эпидемии коронавируса не повлияло на программы Института Конфуция по культурному обмену, и в январе 2020 г. 60 учащихся средних школ Благовещенска смогли познакомиться с культурой Китая в семидневном зимнем лагере Международной школы Хэйхэского университета, то в дальнейшем большинство мероприятий проходили в онлайн-формате. Так, в сентябре 2020 г. в онлайн-фотоконкурсе "Я и Китай" 500 студентов Института Конфуция разных лет продемонстрировали фото-впечатления от Китая.

В необычном формате прошел в июне 2021 г. и XI фестиваль "Российско-китайская ярмарка культуры и искусства" с участием Института Конфуция БГПУ. Площадки фестиваля – творческие встречи, концерты, конкурсы народных мастеров – были развернуты одновременно в Благовещенске и соседнем Хэйхэ, а открытие праздника и выступления творческих коллективов обоих государств проходили на палубах теплоходов, российского и китайского, курсировавших по Амуру. Часть событий провели дистанционно: виртуальные выставки работ российских и китайских художников и фотографов, встречи с писателями и издателями России и Китая, выставку-презентацию туристического потенциала России и Китая. Завершился фестиваль на набережной Амура программой "Костёр дружбы", включавшей выступления творческих коллективов, мастер-классы и презентации с участием студентов и преподавателей Института Конфуция, делегации коренных малочисленных народов, мастеров боевого искусства ушу [17].

В декабре 2006 г. ДВГУ (ныне ДВФУ) стал первым российским вузом, где был открыт Институт Конфуция, а сегодня в Дальневосточном федеральном округе их четыре: во Владивостоке, Благовещенске, Улан-Удэ и Комсомольске-на-Амуре, что гораздо больше, чем в любом другом регионе России. С одной стороны, это свидетельствует о большом значении дальневосточной территории для Китая и стремлении соседней страны получить в лице жителей региона друзей и партнеров. С другой же стороны, мы можем говорить о важных задачах местных Институтов Конфуция и вузов, их принимающих, как посредников во взаимоотношениях с Китаем.

Пример Института Конфуция БГПУ, названный в 2012 г. среди лучших в мире, демонстрирует широкие возможности для этого. Анализ его работы показывает, что задолго до реорганизации 2020 г. он предвосхитил некоторые модели нового этапа деятельности канцелярии "Ханьбань" / Китайского фонда международного образования. Среди них одна из важнейших – интегрированность в общественно-культурную жизнь Амурской области. Охват всех возрастных категорий – от младших школьников до пенсионеров, связь с местными образовательными учреждениями и деловыми кругами, содействие в налаживании международных контактов, широкое участие в культурно-массовой работе – все это сделало Институт Конфуция БГПУ не только частью местного общества, но и связующим звеном между Амурской областью и северо-восточными провинциями Китая. Несмотря на ряд проблем, возникавших в его работе, он способствует укреплению долгосрочных отношений двух сторон, прежде всего в области образования и культуры, и доказывает свою

значимость как региональной площадки для многогранного российско-китайского сотрудничества.

Литература

1. Амурскую область посетил генеральный консул КНР в Хабаровске // Амурская служба новостей [Электронный ресурс]. URL: <https://asn24.ru/news/world/37557/> (дата обращения 21.12.2021).
2. Благовещенцев приглашают на бесплатные мастер-классы по лепке пельменей и каллиграфии // Амурская служба новостей [Электронный ресурс]. URL: <https://asn24.ru/news/society/31950/> (дата обращения 04.01.2022).
3. Бельченко А.С. Деятельность Институтов Конфуция в Российской Федерации // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2010. № 1. С. 65–74.
4. Будаев А.В. Светлые и темные стороны "Мягкой силы" Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. Вып. 54. <https://cyberleninka.ru/article/n/svetlye-i-temnye-storony-umyagkoy-sily-kitaya> (дата обращения 09.01.2022).
5. Бянкин К.Ю. Институт Конфуция и его место в культурной глобализации и культурной регионализации КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. Восточного центра. 2014. № 15. С. 145–149.
6. Горобец Л.А. Гуманитарное сотрудничество России и Китая в дальневосточном регионе // Дискуссия. 2014. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kitaya-v-dalnevostochnom-regione> (дата обращения: 19.12.2021).
7. Завьялова А.А. Институты Конфуция: интеграция или экспансия // Высшее образование сегодня. 2010. № 9. С. 54–59.
8. Иероглиф в приоритете. Зачем дальневосточники учат китайский язык? // East Russia: Информационно-аналитическое агентство "Восток России". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ieroglif-v-prioritete/> (дата обращения: 18.01.2022).
9. Институт Конфуция БГПУ: Официальный сайт. [Электронный ресурс]. <https://sinocenter.ru/about/> (дата обращения 04.01.2022).
10. Китай создал центр международного языкового сотрудничества // Информационное агентство "Красная Весна" [Электронный ресурс]. <https://rossaprimavera.ru/news/e62188f9> (дата обращения 05.01.2022).
11. Китайский без акцента: Институт Конфуция в Благовещенске отмечает первый юбилей // Амурская правда. 2012. Май, 30. С. 4.
12. Леонтьева Э.О., Белокопытова М.С. Институты Конфуция как инструмент внешней политики КНР. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutykonfutsi-yakakinstrument-vmeshnepolitikiknr> (дата обращения: 15.12.2021).
13. Лю Цзайци. "Мягкая сила" в стратегии развития Китая // ПОЛИС. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155.
14. "Мягкая сила" в азиатско-тихоокеанском региональном контексте. Теоретическая адаптация и национальные практики: монография / под ред. С.К. Песцова. Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2016. 192 с
15. Посольство КНР высказалось против закрытия Института Конфуция в Благовещенске // Амурская служба новостей [Электронный ресурс]. URL: <https://asn24.ru/news/society/7587> (дата обращения 04.01.2022).
16. Преподаватели китайского языка смогут повышать квалификацию на базе БГПУ // Вести: Амурская область [Электронный ресурс]. URL: <https://gtrkamur.ru/news/2021/12/17/203368> (дата обращения 14.01.2022).
17. Российско-китайская ярмарка культуры и искусства открылась у обоих берегов Амура // Вести: Амурская область [Электронный ресурс]. URL: <https://gtrkamur.ru/news/2021/06/22/168163> (дата обращения 04.01.2022).
18. Се Фэнлин, Еланцева О.П. Институт Конфуция ДВФУ и его деятельность по распространению китайского языка и знаний о Китае // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. №4. С. 61–70.
19. 2007-2014 nian bu la ge wei shen si ke guo li shi fan da xue kong zi xue yuan cheng li qi zhou pian (Результаты работы Института Конфуция БГПУ. 2007–2014 гг.). Благовещенск, 2014. 28 с. (На кит. яз.)
20. Chinese International Education Foundation (Китайский международный образовательный фонд): Официальный сайт <https://www.cief.org.cn/kzxy/> (дата обращения 04.01.2022).
21. Heihe ri bao. 2021 nian 6 yue 17 ri (Торговля расширяется) // Хэйхэ Жибао. 17 июня 2021 г. (На кит. яз.)
22. Li Xia. Kongzi xue yuan dui ti sheng wo guo wen hua ruan shi li de ying xiang. (Ли Ся. Влияние Институтов Конфуция на продвижение культурной мягкой силы нашей страны) // Шэньчжоу (Серия 1). 2011. № 4. С. 38–43. (На кит. яз.)

23. Xi Bei. Quan qiu kuang qi han yu xuan feng & Ke xue zhi you (Си Бэй. Циклон китайского языка бушует по всему миру) // Друзья науки. 2005. № 8. С. 4. (На кит. яз.)

24. Xi Jinping zhi xin zhu he quan qiu Kongzi xue yuan jian li shi zhou nian ji shou ge quan qiu "Kongzi xue yuan ri" (Си Цзиньпин поздравил с десятой годовщиной создания Институтов Конфуция и первым международным Днем Института Конфуция) // Жэньминь жибао. 28 сентября 2014 г. (На кит. яз.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Amurskuyu oblast' posetil general'nyj konsul KNR v Khabarovske // Amurskaya sluzhba novostej [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://asn24.ru/news/world/37557/> (data obrashheniya 21.12.2021).

2. Blagoveshhentsev priglashtayut na besplatnye master-klassy po lepke pel'meney i kalligrafii // Amurskaya sluzhba novostej [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://asn24.ru/news/society/31950/> (data obrashheniya 04.01.2022).

3. Bel'chenko A.S. Deyatel'nost' Institutov Konfutsiya v Rossijskoj Federatsii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshhaya istoriya. 2010. № 1. S. 65–74.

4. Budaev A.V. Svetlye i temnye storony "Myagkoj sily" Kitaya // Gosudarstvennoe upravlenie. EHlektronnyj vestnik. 2016. Vyp. 54. <https://cyberleninka.ru/article/n/svetlye-i-temnye-storony-myagkoj-sily-kitaya> (data obrashheniya 09.01.2022).

5. Byankin K.YU. Institut Konfutsiya i ego mesto v kul'turnoj globalizatsii i kul'turnoj regionalizatsii KNR // Rossiya i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstviya: sb. Vostochnogo tsentra. 2014. № 15. S. 145–149.

6. Gorobets L.A. Gumanitarnoe sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v dal'nevostochnom regione // Diskussiya. 2014. №1. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kitaya-v-dalnevostochnom-regione> (data obrashheniya: 19.12.2021).

7. Zav'yalova A.A. Institut Konfutsiya: integratsiya ili ehkspansiya // Vyshee obrazovanie segodnya. 2010. № 9. S. 54–59.

8. Ieroglif v prioritete. Zachem dal'nevostochniki uchat kitajskij yazyk? // EastRussia: Informatsionno-analiticheskoe agentstvo "Vostok Rossii". [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ieroglif-v-prioritete/> (data obrashheniya: 18.01.2022).

9. Institut Konfutsiya BGPU: Ofitsial'nyj sajt. [EHlektronnyj resurs]. <https://sinocenter.ru/about/> (data obrashheniya 04.01.2022).

10. Kitaj sozdal tsentr mezhdunarodnogo yazykovogo sotrudnichestva // Informatsionnoe agentstvo "Krasnaya Vesna" [EHlektronnyj resurs]. <https://rossaprimavera.ru/news/e62188f9> (data obrashheniya 05.01.2022).

11. Kitajskij bez aktsenta: Institut Konfutsiya v Blagoveshhenske otmechaet pervyj yubilej // Amurskaya pravda. 2012. Maj, 30. S. 4.

12. Leont'eva E.H.O., Belokopytova M.S. Instituty Konfutsiya kak instrument vneshnej politiki KNR. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institutykonfutsi_yakakinstrumentvneshej-politikiknr (data obrashheniya: 15.12.2021).

13. Lyu TSzajtsi. "Myagkaya sila" v strategii razvitiya Kitaya // POLIS. Politicheskie issledovaniya. 2009. № 4. S. 149–155.

14. "Myagkaya sila" v aziatsko-tikhoookeanskom regional'nom kontekste. Teoreticheskaya adaptatsiya i natsional'nye praktiki: monografiya / pod red. S.K. Pestsova. Vladivostok : Dal'nevost. federal. un-t, 2016. 192 s

15. Posol'stvo KNR vyskazalos' protiv zakrytiya Instituta Konfutsiya v Blagoveshhenske // Amurskaya sluzhba novostej [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://asn24.ru/news/society/7587> (data obrashheniya 04.01.2022).

16. Prepodavateli kitajskogo yazyka smogut povyshat' kvalifikatsiyu na baze BGPU // Vesti: Amurskaya oblast' [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://gtrkamur.ru/news/2021/12/17/203368> (data obrashheniya 14.01.2022).

17. Rossijsko-kitajskaya yarmarka kul'tury i iskusstva otkrylas' u oboikh beregov Amura // Vesti: Amurskaya oblast' [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://gtrkamur.ru/news/2021/06/22/168163> (data obrashheniya 04.01.2022).

18. Se Fehnlin, Elantseva O.P. Institut Konfutsiya DVFU i ego deyatel'nost' po rasprostraneniyu kitajskogo yazyka i znaniy o Kitae // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2019. №4. S. 61–70.

19. 2007-2014 nian bu la ge wei shen si ke guo li shi fan da xue kong zi xue yuan cheng li qi zhou nian (Rezultaty raboty Instituta Konfutsiya BGPU. 2007–2014 gg.). Blagoveshhensk, 2014. 28 s. (Na kit. yaz.)

20. Chinese International Education Foundation (Kitajskij mezhdunarodnyj obrazovatel'nyj fond): Ofitsial'nyj sajt <https://www.cief.org.cn/kzxy/> (data obrashheniya 04.01.2022).

21. Heihe ri bao. 2021 nian 6 yue 17 ri (Torgovlya rasshiraetsya) // KHehjkheh ZHibao. 17 iyunya 2021 g. (Na kit. yaz.)

22. Li Xia. Kongzi xue yuan dui ti sheng wo guo wen hua ruan shi li de ying xiang. (Li Sya. Vliyanie Institutov Konfutsiya na prodvizhenie kul'turnoj myagkoj sily nashej strany) // SHehn'chzhou (Seriya 1). 2011. № 4. S. 38–43. (Na kit. yaz.)
23. Xi Bei. Quan qiu kuang qi han yu xuan feng & Ke xue zhi you (Si Behj. TSiklon kitajskogo yazyka bushuet po vsemu miru) // Druz'ya nauki. 2005. №. 8. С. 4. (Na kit. yaz.)
24. Xi Jinping zhi xin zhu he quan qiu Kongzi xue yuan jian li shi zhou nian ji shou ge quan qiu "Kongzi xue yuan ri" (Si TSzin'pin pozdravil s desyatoj godovshhinoj sozdaniya Institutov Konfutsiya i pervym mezhdunarodnym Dnem Instituta Konfutsiya) // ZHehn'min' zhibao. 28 sentyabrya 2014 g. (Na kit. yaz.).

Информация об авторах

Наталья Владимировна Хисамутдинова, д-р ист. наук, профессор Института педагогики и лингвистики Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru
Ян Юе, аспирант Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, e-mail: ian.iue1@dvfu.ru

Information about the authors

Natalia V. Khisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Pedagogy and Linguistics, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru
Yang Yue, Postgraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ian.iue1@dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 19.08.2021

Одобрена после рецензирования
(Revised) 05.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 16.05.2022

Сообщение
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/171-172>

Международный научный форум "Нансеновские чтения". 2007–2022 гг.

Галина Ивановна Каневская
Владивосток, Россия, g.i.kanevskaya@gmail.com

Для цитирования: Каневская Г. И. Международный научный форум "Нансеновские чтения". 2007–2022 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 171–172. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/171-172>

Message
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/171-172>

International Scientific Forum "Nansen Readings". 2007–2022

Galina I. Kanevskaya
Vladivostok, Russia, g.i.kanevskaya@gmail.com

For citation: Kanevskaya G. I. International Scientific Forum "Nansen Readings". 2007–2022 // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 171–172. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/171-172>

10–12 ноября 2022 г. в Санкт-Петербурге в десятый раз состоится научная конференция "Нансеновские чтения" – крупный международный форум, получивший название в честь комиссара Лиги Наций по делам беженцев, норвежского полярного исследователя, лауреата Нобелевской премии мира (1922 г.) Фритьофа Нансена, разработавшего так называемый "нансеновский паспорт" – документ, облегчивший жизнь многим русским эмигрантам.

Открытие первой международной конференции "Нансеновские чтения" состоялось 23 октября 2007 г. в Санкт-Петербурге, в музее Г.Р. Державина. В 2007–2010 гг. форумы проходили ежегодно, а затем (2012–2020 гг.) с периодичностью в два года. Каждая конференция сопровождалась выходом сборника статей.

В процессе подготовки "Нансеновских чтений" участвовали различные научные и общественные организации, но главным инициатором и организатором их проведения является Информационно-культурный центр (ИЦК) "Русская эмиграция" (создан в 1998 г.), чья работа посвящена изучению истории и культурного наследия русской эмиграции. Бессменный председатель правления ИЦК – кандидат биологических наук Марина Данииловна Чернышева-Гранина, обладатель почетного диплома Международной премии имени Николая Рериха в номинации "Формирование культурного образа России в мире". В 2017 г. она как дочь писателя стала учредителем и председателем правления Фонда сохранения и популяризации наследия Даниила Гранина.

Для "Нансеновских чтений" традиционна смена тематики каждой последующей конференции, что и определило их успех в научном сообществе, позволяя каждый раз ставить на обсуждение наиболее ключевые в настоящее время проблемы истории русского зарубежья и привлекать новых участников для их обсуждения и анализа.

В 2007 г. центральной темой конференции были проблемы адаптации русской эмиграции к иноязычному, иноконфессиональному и инокультурному окружению. В последующие годы обсуждались следующие проблемы: взаимодействие русской эмиграции и Советского Союза (2008 г.); русская эмиграция и Вторая мировая война (2009 г.); итоги изучения русской эмиграции в первой половине XX века (2010 г.). V "Нансеновские чтения, 2012" прошли по теме "Частная жизнь русской эмиграции первой волны. Повседневность", VI (2014 г.) – по теме "Русская школа за рубежом: прошлое и настоящее". В 2016 г. (VII конференция) на дискуссию вынесли проблему "Русское зарубежье в поисках будущего России: идеология и практика". VIII "Нансеновские чтения, 2018" были посвящены 100-летию возникновения исторического феномена Зарубежной России.

За последние десятилетия изучение русской эмиграции шагнуло далеко вперед. В ходе исследований выработано представление о русском зарубежье как многоплановом социокультурном феномене, имеющем многовековую историю. Вышло огромное число публикаций по этой проблематике [1; 2]. Однако история русского зарубежья XX в. оказалась пронизана мифами, которые стали частью мифологизированной модели российской истории в целом. Эти мифы, сложившиеся еще в эмигрантской прессе и литературе, сформировали ряд стойких стереотипов, перекочевавших в современную историческую науку.

Не удивительно, что темой IX "Нансеновских чтений, 2020 г." стала одна из наиболее актуальных на сегодняшний день научных проблем в области эмигрантоведения – "Русское зарубежье: мифы и реальность". Несмотря на сложную эпидемиологическую обстановку в ноябре 2020 г., в работе конференции приняли участие около 40 исследователей как из России (от Калининграда до Владивостока), так и из стран ближнего и дальнего зарубежья: Бельгии, Израиля, Сербии, США, Эстонии. Форум проходил в совмещенном офлайн-онлайн формате.

В прозвучавших на конференции докладах авторы сделали попытку пересмотреть ставшие уже традиционными подходы к рассматриваемым проблемам и с новых позиций взглянуть на многие, казалось бы, давно устоявшиеся точки зрения. Это позволяет надеяться, что "Нансеновские чтения, 2020" станут добротной основой для дальнейших исследований в целях воссоздания реальной картины истории российской эмиграции и, тем самым, избавления от некоторых мифов, порожденных в ее среде.

Особая, юбилейная X международная научная конференция "Нансеновские чтения" состоится 10–12 ноября 2022 г. в Санкт-Петербурге. Тема очередной конференции – "Юбилей, памятные даты и праздники в зарубежной России".

Литература

1. Гентшке, В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А.С. Исследователи Русского зарубежья : биобиблиографический словарь=The Researchers of Russian Diaspora: Biobibliographical Reference Book. Москва/ Берлин : Директ-Медиа, 2018. Выпуск 1. 397 с.;
2. Гентшке В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А.С. Исследователи Русского зарубежья: биобиблиографический словарь = The Researchers of Russian Diaspora : Biobibliographical Reference Book.. Москва/Берлин: Директ-Медиа, 2020. Выпуск 2. 464 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Gentshke, V.L., Sabennikova I.V., Lovtsov A.S. Issledovateli Russkogo zarubezh'ya : biobibliograficheskij slovar'=The Researchers of Russian Diaspora: Biobibliographical Reference Book. Moskva/ Berlin : Direkt-Media, 2018. Vypusk 1. 397 s.;
2. Gentshke V.L., Sabennikova I.V., Lovtsov A.S. Issledovateli Russkogo zarubezh'ya: biobibliograficheskij slovar' = The Researchers of Russian Diaspora : Biobibliographical Reference Book.. Moskva/Berlin: Direkt-Media, 2020. Vypusk 2. 464 s.

Информация об авторе

Галина Ивановна Каневская, д-р ист. наук, профессор, Владивосток, Россия, e-mail: g.i.kanevskaya@gmail.com

Information about the author

Galina I. Kanevskaya, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vladivostok, Russia, e-mail: g.i.kanevskaya@gmail.com

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на кириллице, далее на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2018).**
9. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russian). Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
10. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
11. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
12. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
13. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2022 № 2 (60)

Подписано к печати 01. 06. 2022 г. Вышло в свет 21. 06. 2022 г, формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,35. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

